

Special issue dedicated to the
100-th anniversary of the African National Congress
and the 20-th anniversary of the creation
of a New Democratic South Africa

KAZAN JOURNAL of INTERNATIONAL LAW

				The Hague		Moscow	
	Tshwane		Belgrade				
		New York		Beijin	KAZAN	Minsk	
	Delhi		Geneva				Karakas
		Brasilia		Nairobi		Abuja	
			Harare				

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
посвященный 100-летию АНК
и 20-летию создания новой Южной Африки

2014

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW

2014

SPECIAL ISSUE DEDICATED TO THE
100-TH ANNIVERSARY OF THE AFRICAN NATIONAL CONGRESS
AND THE 20-TH ANNIVERSARY OF THE CREATION OF A NEW DEMOCRATIC SOUTH AFRICA

Мезяев А., О специальном выпуске «Казанского журнала международного права», посвящённом 100-летию Африканского Национального Конгресса и 20-летию создания новой Южной Африки..... 2

Mezyaev A., On a special edition of the «Kazan Journal of International Law», dedicated to the 100-th anniversary of the African National Congress and the 20-th anniversary of the creation of a New Democratic South Africa..... 3

INTERVIEW

Interview to «Kazan Journal of International Law» by the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of South Africa in the Russian Federation Mr. **Mandisi Mpahlwa** 4

ИНТЕРВЬЮ

Интервью «Казанскому журналу международного права» Чрезвычайного и Полномочного Посла Южно-Африканской Республики в Российской Федерации господина **Мандиси Мпахлуа** 14

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР и АНК

Шубин В.Г., Из истории отношений между СССР и АНК..... 22

Урнов А.Ю., КПСС и АНК. 1960-1970-е годы 37

Тетекин В.Н., Победа над режимом апартеида. Кто внес решающий вклад: АНК или ОДФ? 41

PAGES of HISTORY of the RELATIONS BETWEEN USSR and ANC

Mpahlwa M., Lessons From 100 Years of the Life of the African National Congress 44

Shubin V., The Relations between the Soviet Union and ANC..... 50

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮЖНОЙ АФРИКОЙ

Солодовников В.Г., Из истории установления дипломатических отношений между Россией и ЮАР..... 65

PAGES OF HISTORY of the ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA and SOUTH AFRICA

Solodionnikov V., On the History of the Establishment of Diplomatic Relations between Russia and South Africa..... 96

БЕСЕДА С АВТОРОМ

Тетекин В.Н., Беседа с автором книги «Африканист» 114

ДОКУМЕНТЫ 139

DOCUMENTS 142

О СПЕЦИАЛЬНОМ ВЫПУСКЕ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА», ПОСВЯЩЕННОМ 100-ЛЕТИЮ АФРИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ЮЖНОЙ АФРИКИ

А.Мезяев¹

Настоящий спецвыпуск «Казанского журнала международного права» посвящен одной из самых ярких страниц мировой истории – борьбе народов Южной Африки за свободу и независимость. Главную роль в этой борьбе сыграла уникальная общественная организация – Африканский национальный конгресс. В 2012 году Африканский национальный конгресс отметил столетие своего создания. А в 2014 году мы отмечаем 20-летие победы АНК на первых демократических выборах в ЮАР, что стало началом создания новой Южной Африки.

Отношения между Советским Союзом и АНК имеют свою особую историю. Поэтому редакция «Казанского журнала международного права» приняла решение подготовить специальный выпуск, посвященный истории взаимоотношений между СССР (Россией) и Африканским национальным конгрессом, а также Южной Африкой в целом.

В этом выпуске КЖМП публикуются интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Южно-Африканской Республики господина Мандиси Мпахлуа, статьи советских послов, российских ученых-африканистов, тех, кто устанавливал и развивал наши отношения с АНК. Среди этих людей особо следует назвать имена Василия Григорьевича Солодовникова, Владимира Геннадьевича Шубина, Вячеслава Николаевича Тетекина, Андрея Юрьевича Урнова. Имена этих людей хорошо знают в Южной Африке: они внесли огромный вклад в поддержку Советским Союзом Африканского национального конгресса, в установление не просто дружественных, а поистине братских отношений между нашими народами и странами.

Доктор исторических наук В.Н.Тетекин рассказывает, что еще в советские времена некоторые его коллеги говорили: «Вы напрасно теряете время, поддерживая Африканский национальный конгресс. АНК никогда не придет к власти». Но эти маловеры оказались посрамлены. АНК триумфально пришел к власти во главе широкого спектра демократических сил.

Попытке рассказать об уникальных страницах истории отношений между Россией и Южной Африкой и посвящается этот выпуск журнала.

¹ *Александр Борисович Мезяев* – проф., зав. кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», главный редактор «Казанского журнала международного права».

**ON THE SPECIAL ISSUE OF
«KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW»
DEDICATED TO THE 100-th ANNIVERSARY OF
THE AFRICAN NATIONAL CONGRESS AND
THE 20-th ANNIVERSARY OF NEW SOUTH AFRICA**

A.Mezyaev¹

This special issue of the *Kazan Journal of International Law*, focuses on one of the brightest pages of world history – the struggle of the people of South Africa for freedom and justice. The main role in this struggle has played by a unique public organization – the African National Congress. In 2012, the African National Congress celebrated the centenary of its creation. And in 2014 we are celebrating the 20-th anniversary of the victory of the ANC in the first democratic elections in South Africa which lead to a creation of the New South Africa.

The relationship between the Soviet Union and the ANC have their own very special story. Therefore the editorial board of the *Kazan Journal of International Law*, has decided to make a special issue dedicated to the history of relations between the Soviet Union (Russia) and African National Congress as well as the South Africa in general.

In this issue of *KJIL* published an interview with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of South Africa in the Russian Federation Mr. Mandisi Mpahlua, articles written by Soviet ambassadors, Russian academics, Africanists, those who personally established and developed the relationship between USSR and ANC. Among these people it should be especially mentioned the names of Vasili Grigoryevich Solodovnikov, Vladimir Gennadyevich Shubin, Vyacheslav Nikolayevich Tetekin, Andrei Yurevich Urnov. Their names are well known in South Africa: they have made a huge contribution to the support to the African National Congress, and in establishing not only friendly, but a truly brotherly relations between our countries and peoples.

Doctor of Historical Sciences V.N.Tetekin says that in Soviet times, some of his colleagues said: «You are wasting your time, supporting the African National Congress. ANC will never come to power». But these doubters were confounded. ANC came to power at the head of a wide range of democratic forces.

This issue of *Kazan Journal of International Law* is dedicated to the unique pages of the history of relations between Russia and ANC and South Africa.

¹ Dr. Alexander Mezyaev – Head of the Department of International law, Law Faculty, University of Management TISBI. Redactor-in-Chief of *Kazan Journal of International Law*. Member of Association of Counsel Practicing at the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Assistant to Counsel at International Criminal Court. Member of Russian Association of African Studies.

INTERVIEW

100 YEARS OF ANC: THIS IS ONE OF THE MOST REMARKABLE STORIES THAT NEED TO BE TOLD MORE WIDELY

INTERVIEW TO THE KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
BY AMBASSADOR EXTRAORDINARY AND PLENIPOTENTIARY
OF THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA IN RUSSIA
HIS EXCELLENCY MANDISI MPAHLWA

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of South Africa
His Excellency Mandisi Mphahlele and Redactor-in-Chief
of *Kazan Journal of International Law* Alexander Mezyaev

***KJIL:** Your Excellency, thank you very much for this meeting for the interview. We are meeting at a very special moment. We just celebrated 100 years of the creation of the African National Congress. And we are on the eve of another great jubilee – 20 years of establishment new South Africa. So a lot of good reasons to publish a special issue of our Journal dedicated to South Africa and our relations with South Africa.*

My first question relates to the history of South Africa. We still know very little about true African history, because if you look on historical textbooks – usually the history of Africa starts with the time so called the “discovery of Africa”, which is a big distortion of history. So my first question is: could you tell us a little bit more about ancient history of South Africa?

***Ambassador Mphahlele:** Thank you very much for taking initiative to do this interview. We also feel that the achievement of one hundred years of existence by the ANC is one of the unique achievements of the present time, which millions of our people are still celebrating. Coming to your question, it is a very important question. When you actually look at South African society today, you will find that among different groups in South Africa, especially the African groups, there are kingdoms. These kingdoms were*

not started after the colonial era, but were established in pre-colonial times. They were the organic forms of government that existed before colonialism. For instance, I come from Xhosa-speaking group, and among the Xhosa-speaking people there are a number of kingdoms such as King of Amatembu, King of Amampondo. The Zulu group is the largest in South Africa and is probably the most consolidated kingdoms in South Africa. It came from a particular era of King Shaka who did a lot to consolidate what is today as a Zulu nation or Zulu group in South Africa. So it is evident that there were forms of government and systems that were used by Africans to run their own affairs. There was a natural process of evolution that was taking place within the African societies. These were natural and organic forms of expression, organic forms of government that were destroyed by colonialism.

It is imperative to point out the interesting new developments in the field of archeology and paleontology which came out with various findings that seem to suggest, that Africa was really the cradle of humankind. Humanity really started in Africa, but in particular the place is in South Africa, where some of the oldest of these findings took place, which is called The Cradle of humankind. It seems to provide evidence as well, that the real cradle of humankind could have really been in South Africa. We also discovered a very interesting place in South Africa called Mapungubwe. We found evidence that shows that far back as the eleventh century some forms of social stratification, or if you like – class formation took place. We found evidence which shows that that part of South Africa was trading with the Far East and China in particular. All these things are pointing to the reality that there was life before colonialists came. There were systems, there was economic development taking place, that's why your question is absolutely right. It is our responsibility today to ensure that the future generations is well vested about this history so that they can have full sense of their own identity.

***KJIL:** I think in this context, the books of Cheikh Anta Diop should be developed. If I am not mistaken, after his works there were no such a great academic research...*

***Ambassador Mpahlwa:** It is one of the big responsibilities we feel in South Africa because part of the process of conquering our people and subjecting our people was to destroy first of all our independence as, when gold and diamonds were discovered in South Africa and the process of industrialization began, our people had no need to go to work in those mines. Because they had land, they had their livestock, their own cattle, sheep and so on. In order to make our people to work in their mines they had to completely dispossess our people out of their land and their livestock. They did various things, they introduced laws, they introduced taxes, and other things in order to destroy independence in the sense of having their own means of livelihood. As if that was not enough, they destroyed our languages and culture. I think in South Africa this process was done to a far greater extent when you compare it with other countries that were colonized in the African continent. So the big responsibility in South Africa is to have our own Cheikh Anta Diops who can really dedicate their time, their life, intellectual resources to really bring out our history. A vital part of changing South Africa today has to be through the schooling system for which we have to ensure the use of good history book in teaching young people and it is a big challenge. I will support a view that we have to do more to produce such work as Cheikh Anta Diop has done.*

KJIL: Your Excellency, the experience of your struggle, the struggle of South African people is extraordinary. I would like that more people know about it. What was the reason for creation of African National Congress and how could you describe its one hundred years of activity?

Ambassador Mpahlwa: The process of colonizing South Africa happened over a long period, just in the region that was known as the Cape Province, there was one hundred years of Wars of Resistance. One hundred years of fighting against the British and the Dutch by the Xhosa-speaking people. Of course there is something you know about famous battles that were fought by the Zulus and British in what today is named KwaZulu-Natal Province. One of the last wars of resistance – Bhambatha Rebellion took place in 1906. The African people were defeated because the enemy had superior fire power and secondly, because Africans were fighting the enemy in separate groups. It became clearer that this form of resistance to the drive of the colonialists was becoming weaker and weaker and our people were conquered one by one. This was also a period which coincided with the emergence of new elite of educated Africans who had studied abroad, like UK, or the United States. They came with new ideas about how we could continue the fight against colonialism. So in the very late part of the 19th century the first forms of political organization emerged. So what we saw in 1912 when the ANC was established was the culmination of a process that had been evolving towards political organization. The African National Congress marked the continuation of the fight against colonialism but using a new platform, methods, and a new instrument. So the establishment of the ANC for us was simply adopting different methods, but it was the continuation of the same old struggle against colonialism. The difference was that ANC brought all of us together as different groups of Africans: Zulus, Xhosas, Sothos, Tswanas – all different groups were brought together under this umbrella called the African National Congress (ANC). What was also significant about the establishment of ANC in 1912, was that it has an internationalist character. In 1912, chiefs and kings of that time were still playing a very important role in leading and organizing African people. Immediately after the formation of the ANC, chiefs and kings from Botswana, Lesotho, Swaziland and Zambia, who were fighting the liberation of their people from colonialism, partnered with the ANC to forge a united struggle against colonialism so it was not just a South African affair and that is the reason why to this day that so many non-South Africans regard the ANC as their own as well., so the establishment of the ANC was a significant development. The ANC came at the time when the English and the Dutch who were now called boers had decided after their war in 1899-1902 in which the boers were defited to unite and create a single country out of what had become 4 provinces, 2 – the Cape and Natal being British and English colonies and 2– the Transvaal and Orange Free State being boer colonies. They united and established a single entity called the Union of South Africa, which meant they also decided to unite against the Africans. This is another significant point about the establishment of the ANC as it also represented an alternative parliament that the ANC was to become for the African people because the English and the Dutch or the boers had decided to come together and establish a political entity called the Union of South Africa and had a parliament which was for white people. So from the very beginning ANC set itself up as the parliament of the African people.

Coming to the next question of how one evaluates a hundred years of existence of ANC. *I think this is one of the most remarkable stories that need to be told more widely.* One of the things I regard as the real significant achievement of ANC in the last one hundred years was the fact that this organization started as a parliament for African people that sought to unite the African people saw the theme of unity in the ANC become so strong that in the course of time it became a broader concept of unity. Initially, the ANC recognized the fact that it was not only Africans who were oppressed in South Africa as the people of Indian origin were also oppressed in South Africa. Part of what happened in South Africa is some people were brought from various countries to work in South Africa, in particular, people were brought from India and other areas around Asia and those people became part of South Africa and part of the disadvantaged and oppressed groups. Colored people (people of mixed origin) in the Western Cape were also denied of their rights. Later on, as the ANC became more mature as an organization it began to even include in that concept of unity, white South Africans who were willing to identify with the course of justice, freedom and democracy. In the evolution of the struggle a so called Congress movement emerged in the 50s African National Congress, Colored Peoples Congress, Indian Congress and the Congress of democrats an organization of white South Africans who identified with democracy. The ANC eventually became a home of democrats in South Africa irrespective of the color of their skin and I think it is one of the most remarkable things about the ANC in its one hundred years of existence as it has grown to become a home for all South Africans. Perhaps the other thing that needs to be highlighted about this is that one of the strongest aspects of ANC was being able to evolve to become a truly people's organization that represented interests of different groups from peasants to workers and intelligentsia, from colored to white people, etc. It has really become a people's organization and it became an expression of aspirations of the broadest section of our population and what the ANC stood for and stands for today is representative of the different groups of our society. I think this is one of the remarkable achievements. Maybe the final point I would like to make in this regard is that the ANC evolved new methods and new instruments of the struggle. The main methods that were used initially were petitions, deputations to the Queen of England and so on. ANC evolved to adopt more militant methods of struggle and mass organization, which became one of the organization's key instruments. But as the situation was changing on the ground, the ANC faced increasing brutality by the apartheid regime, especially following the accession to power by nationalists in South Africa in 1948 who became more brutal, more violent when they dealt with the expression of protest by our people. New conditions emerged and mass organization grew to a point where the apartheid government decided to ban the ANC and other organizations and so we had to look for new methods of continuing the struggle. So underground methods of struggle came in, the element of international struggle to isolate the apartheid government came in and also the military aspect for the first time came into the picture. The ANC is an organization that engaged in diverse forms, means and methods of struggle and I think this is one more of the remarkable things about it over the period of one hundred years.

KJIL: When I mentioned the celebration of one hundred years of ANC I used the word «we» – «We celebrate it». I think we, Russians, we have a right to use this word, because USSR had a very close relationship with African National Congress. I think we

need to remember these pages of our common history and I would like that you tell us in more details about relations between ANC and Soviet Union.

Ambassador Mpahlwa: That's another story which in my view needs to be told more widely and more correctly. Last year I insisted that the year of celebration of one hundred years of the ANC cannot pass without us celebrating that in Russia today, because if there was one country that has made the biggest contribution to the ANC achievements in 100 years, was Russia as a key part of the Soviet Union. The USSR made a very special contribution to ensure that the ANC become a better and stronger organization through so many things that Soviet Union did. There was a time when ANC had to be evacuated from Tanzania because of particular problems and difficulties that we had at that time and it was an aircraft from Moscow that was sent for that purpose. It was the Soviet Union that provided military training, educational opportunities for our young people, logistical support. They provided us with means of survival to make sure that we have camps and necessary support to keep soldiers there, to train them and that they are properly looked after. So it is one of the remarkable relationships that developed between the ANC and Soviet Union, therefore, in my view something that we have to see as the beginnings of the relationship between people of South Africa and people of today's Russia. So we had centenary conference in the Institute for African studies of the Russian Academy of Science and in my speech there I spoke in more details about this subject. I hope that this speech will be of interest for the readers of your Journal.¹ But generally speaking, yes, Russians have all the right to celebrate this jubilee with us.

KJIL: *Your Excellency, let me just add that we have not only the right to celebrate now, but we have a great honor to be with you during your fighting for freedom.*

My next question relates to new South Africa. Twenty years ago, in 1993, South Africa adopted new Constitution and in 1994 were held first democratic elections. Please tell us about this part of your history.

Ambassador Mpahlwa: In 1993 we adopted the Interim Constitution and this was a very significant development because if you recall at that time we still had the apartheid government in place. But there had been recognition that the apartheid government could no longer singularly govern the country. It became clear that it was no longer possible for that government to really manage the society. And so with unbanning of political organizations in 1990 it was the first recognition that the South African situation required that different political voices, be allowed to legally exist in the country and play the role in determining the future for the country. This unbanning in 1990 had signified that the apartheid regime could no longer singularly govern the country. Arch Bishop Desmond Tutu held one of the mass rallies. I will never forget the slogan that he used, when he said: "We are unstoppable". There were huge expressions of freedom and we insisted that all the different political voices be allowed on the negotiations table. So there was a process of negotiations that started and the interim constitution was agreed upon. The interim constitution was significant in two respects. All negotiators recognized the illegitimacy of the Constitution that existed at that time. Secondly, the defeat of the political formations during the course of the negotiations attempted to actually negotiate a new final Constitution for a country. The ANC insisted, during the negotiations, that

¹ The speech of His Excellency Ambassador Mpahlwa is publishing in this issue.

all representatives of those political organizations were not legitimately elected people; therefore, a final Constitution could only be negotiated by duly elected representatives of the people. The best that we could do in order to move the country forward was to come up with the Interim Constitution that bring us into a new era, and to enable us to establish structures that will help us to conduct inclusive elections. But what is also important is that the Interim Constitution had laid down a very critical principles that later have to be confirmed in a new final Constitution that was to be negotiated by duly elected representatives of our people. These negotiations were very important because that is what helped to move the country forward. It was a new basis, it has inclusive but critical principles about the future that we were going into, it enabled us to create the structures to co-govern the country and ensure stability and move into this new phase. It has also allowed us to establish the structures such as the electoral commission and put in place mechanisms for South Africans to vote for the first time. It was indeed a significant event. The 1994 elections was a significant step forward for South African society because in spite of everything that was happening, we were able to hold peaceful elections in which South Africans in their largest numbers participated, waited very patiently to cast their vote for the first time. One of the things that has been forgotten is how much violence there was in South Africa towards the elections. At different levels we had right-wing Afrikaners who felt they had to stop this process of marching towards democracy and so we saw quite a lot of bomb explosions carried out by these organizations, trying to stop this process. But there was also violence that was unleashed by agents of the regime of the system against our people. What helped the leadership of ANC was its determination to take the country out of the current reality and give birth to new democratic government and a representative parliament. We feared that these people who were unleashing violence, only wanted to divert us from our main objective of creating democratic government. The leadership of the ANC was very-very clear, we had to move towards the holding of elections in South Africa, where people would be able to express themselves freely, make their own choice about how and by whom they wanted the country to be governed. To this day I am very thankful for that foresight on the part of the leadership of ANC and refusing to be diverted from the path towards attaining democracy. We lost one of our best leaders at that time, one of the most popular leader of ANC of that time – Chris Hani. He was the chief of staff of our military wing, very-very popular leader, one of the best whom we had, we lost him in this rightwing violence of that time. But the leadership said let us not be diverted from the path, and let us use the death of this comrade to speed up the process, let's determine the date for elections. And that's how the date – 27th of April, 1994 – emerged, because our leadership insisted that this development be used to give confidence to our people, and push for agreement on the date on which we would have our first democratic elections that would usher us into the era of democracy.

***KJIL:** Your Excellency, let me turn to the topic of the current international politics. What are the goals and principles in foreign policy of the Republic of South Africa? Who are your main allies on international stage now?*

***Ambassador Mpahlwa:** One of the main priorities of South African Foreign Policy is that of the African Agenda. In everything that we do on the international stage, African Agenda remains an integral part of our Foreign Policy. We seek to champion the ideals*

of the African continent that is at peace with itself that is stable and prosperous; we are committed to ensure that the underdeveloped continent achieves its developmental goals. With regard to Intra-Africa trade, we are involved in a lot of things as a democratic government. One of the biggest tasks following the dawn of democracy was to persuade the South African private sector to begin to invest and do business in the African continent. You can understand that due to the apartheid government, these companies were never exposed to the African continent so to them the African continent was a foreign and they were scared to go there, but the democratic government had to show them that this place is for them to do business. We also lobbied for a capacity building from within South Africa and across the world. The South African institutions are in partnership with many African countries to develop their own human potential. Many universities have become a very important part of plans of many countries to develop their own human capital. We are involved in a lot of peace-support, peace-keeping, peace-enforcement and conflict resolution in various parts of the continent. The democratic government of South Africa played a very important role in bringing different political parties of DRC together and continues to play a critical role in pursuit of peace in this country. The current president of South Africa was very much involved in the peace negotiation process in Burundi, which is stable today. Our former President Thabo Mbeki currently involved in peace process between the Sudan and South Sudan. There is a lot of evidence of South Africa being involved in peace, stability and development initiatives in the African continent.

South African government regards multilateralism as very essential part of its foreign policy in managing global affairs. Therefore, we are working closely with international bodies such as the United Nations organs, the World Bank, the Group of 20 countries, and many more. We are cooperating with various countries to ensure that in dealing with global affairs we put the multilateral institutions at the center of managing global issues. In this regard, we are working towards the reform of the international institutions such as the UN, IMF and World Bank in particular, to be democratic and to reflect the current geo-politics. These institutions continue to retain the status quo of the 1940s when most countries of the African continent were still colonized. In this work that we do, we work obviously very closely with many African countries, when we brought NEPAD, we worked with a number of African countries, Nigeria, Egypt, Algeria and Senegal were an important part of that process. We work with African countries; we work with the developing world more generally in fighting some of these issues. But I think more recently one body has emerged that represents convergence of thinking especially around area of putting multilateralism in the center of managing global affairs and reforming international financial and economic institutions to make them more inclusive or equitable. We found ourselves as part of BRICS a unique body of countries that have shared thinking about that aspect of reforming the institutions and ensuring that the management global affairs is based on multilateral approaches. We felt that we needed to be part of what at that time was BRIC because we saw this convergence of thinking on global affairs between these countries.

***KJIL:** What is a place of Russia in South Africa foreign policy? You have already mentioned this in passing, but let me express my feelings about 2 years term of South Africa in Security Council. Evaluating this two years I would suspect that the voting process of South Africa and Russia could bring me to the conclusion that we were real allies in the resolving some of international problems. We often voted together, even*

when we were against other members of the Security Council. So could you please tell us in a little bit more details about place of Russia in South African foreign policy.

Ambassador Mpahlwa: Firstly I have to say that Russia has been involved in the international and global multilateral space for far longer than South Africa has. South Africa as a democratic state; is a young country because as part of the fight against apartheid system, South Africa had been booted out of UN, we could not really participate in any of these institutions because of the system we had in place. And so as South Africa became more and more involved in global affairs we realized that in many- instances we had a convergence of thinking with Russia. This is something that has also made us natural members of BRICS since we are pursuing the same goals. We want to reform these institutions, we want a greater voice for the developing world, and we want more inclusive financial and economic system. These countries have really emerged to be the closest to us in terms of thinking around these issues and therefore from that point of view, Russia is a very important country to us from the foreign policy point of view. We have enhanced our cooperation at the UN Security Council; we have not always necessarily done the same things but had more consultations, more coordination for our positions. That is one aspect. Diplomatic relations were established in the time when both countries were actually on a transition mode, the South African government was still under the apartheid system while Russia was just emerging from the post-soviet era. When the democratic government came into place it began to look for ways in which we could develop this relationship. So we signed a number of agreements and treaties and put in place structures to enhance our relations. Although we are pleased with the level of coordination and cooperation, we do believe that this relationship is not exactly where we hope it to be. During the recent meetings between Presidents of South Africa and Russia, both leaders committed to change the situation because both countries have reached the level of stability and we can pay more attention on developing our relations. This is what we are doing right now in our work. We are really working towards diversification of our relations in areas such as Science and technology, mining, agriculture and so on.

KJIL: *It was in fact my next question that you have already started to answer. I wanted to ask you what are the main economical projects that could be developed in the future, or maybe they have already been started nowadays between Russia and South Africa?*

Ambassador Mpahlwa: Well, our countries are very strong mining producers and both have lots of mineral deposits, which are essential for each of us and in some ways I think it would be the first area perhaps. Before the recent economic crisis we saw quite a lot of interest on the part of South African mining companies to explore opportunities in Russia and many of them pulled back after the economic crisis, but already a number of Russian companies are involved in mining in South Africa. We have Renova, Norilsk Nickel in nickel mines in South Africa, so we do have some mining operations by Russian companies and of course companies like Evraz invested in South Africa. So these are areas that are emerging in our work in this forum called "ITEC" (Intergovernmental Trade and Economical Cooperation Platform). We have identified areas of energy, South Africa has huge energy needs right now because we are involved in a very big project

of increasing our electricity production, capacity, but also diversifying our sources, bringing cleaner sources of energy such as solar, wind generated energy and nuclear and one of the Russian companies is already involved in a big solar project in South Africa. Rosatom expressed a lot of interest in the nuclear build program as South Africa is going to build 8 new nuclear stations between now and 2032. I think there is a lot of interest but already we are working with Russia in this field because our existing nuclear power station gets its fuel and enriched uranium from Russia. At other levels, other projects in which Russia and South Africa are involved in are the area of minerals, because we both are strong mining countries with a long history of mining and obviously among other things unique mining technologies. In the area of science technology, innovation and space cooperation already exists between South Africa and Russia with South African Scientific institutions already cooperating with the Kurchatov Institute, the Joint Institute of Nuclear Research, and also Roscosmos. We are looking to utilize the capacities that Russia has to develop our own skills in particular areas. We need to train so many people in highly specialized areas, such as nuclear field, in maritime area and so on.

One of the challenges we are dealing with now is expanding the basket of goods that are traded between our two countries. At the moment the level of trade is very low for countries that are as big as ours. For example with China we are looking to achieve 100 billion dollars by 2015 and with India there is also a very ambitious target that has been set. South Africa also trades in a very big way with the rest of the world, and as trading nations we are supposed to set new ambitious targets for our trade; we want to increase the volume of trade and diversify the products we trade. The biggest export to Russia is fresh fruits and bottled wine, so we want other things to be traded.

***KJIL:** Let me remind you, Your Excellency that first we met with you was last year at the International Palace of Music during the concert of your extraordinary musical group «Soweto Gospel Choir». I think it is a good example how culture connects people, but my special request that this field of cultural exchange will be intensified. We already had a great cultural group Umoja here in Moscow and even in Kazan. But let me draw your attention to the fact that our cultural cooperation has one shortcoming. We still have not seen in Russia the legendary «Ladysmith Black Mambazo». That is my special request for you: please organize the concert of Black Mambazo in Russia. Let me tell you one short story. After the concert of Umoja one person told to another and I heard that. He said – “That was the best event in my life so far”. That’s an impression that South Africans may make. So please do your best in bringing Ladysmith Black Mambazo in Russia and many-many others, we will be very happy with that.*

***Ambassador Mpahlwa:** I am very glad that you have asked me about this. I also feel very strong about this, especially because I live here now and now how rich Russia is in the field of culture. And I just wish some of the things you have already achieved, we could similarly achieve in South Africa. Russian culture and cultural products are for open to anyone due to the availability of facilities, enabling everybody to go to theatres. When we walk around Russia we see one little theatre here, another one there, they are available and it is one of the things I wish we could learn from Russia. We must have these facilities close to where people are as in that way people are able to participate in cultural productions, theatre productions, so on...I am inspired from living here in Russia by how this aspect of culture is an integral part of life of people here. It is not*

something for some categories of people, it is for everyone. And I really-really admire that in Russia. You must keep that up; and show us how it is done. But I also feel that South Africa has got so much that it can give to the world and to the Russian people: from its different and rich experience, it can bring the soul of our people. I am sure that this is what you saw in the *Soweto Gospel Choir*, when you saw *Ladysmith Black Mambazo*, and when you saw *Umoja*. Soul comes out of our people. I really believe South Africa has got a lot to offer in this area, and we will do more to ensure that we have more groups that come to perform in Russia. We would like to expose more South Africans to your best performances such as your ballet dancers who in my view are just the best. So let us continue to work, I see you have a lot of interest in this area. We hope that we can work together. So I give you my commitment that we will do what we can to ensure that *Ladysmith Black Mambazo* come to Russia.

KJIL: Thank you so much Your Excellency for this interview. Thank you, we very appreciate it. Let me express our hope that our relations will grow more and more and have more strength.

ИНТЕРВЬЮ**100 ЛЕТ АФРИКАНСКОМУ
НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНГРЕССУ:****ЭТО ОДНА ИЗ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ СТРАНИЦ ИСТОРИИ,
О КОТОРОЙ ДОЛЖНЫ УЗНАТЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ**

**Интервью «Казанскому журналу международного права»
Чрезвычайного и Полномочного Посла Южно-Африканской Республики
в России господина Мандиси Мпахлуа**

КЖМП: Добрый день, Ваше Превосходительство, большое спасибо за Ваше согласие принять нас для этого интервью. Мы встречаемся с Вами в особое время. Только что мы отметили 100-летие создания Африканского Национального Конгресса и готовимся отметить 20-летие создания новой Южной Африки, когда АНК победил на первых демократических выборах в ЮАР. Так много веских причин, чтобы опубликовать специальный материал об истории Южной Африки.

Однако мне хотелось бы начать с самого начала. Если мы посмотрим в учебники истории, то там обычно история Африки начинается с так называемого открытия Африки, что является большим искажением истории. Так что мой первый вопрос: не могли бы Вы рассказать нам немного больше о древней истории Южной Африки?

Посол М.Мпахлуа: Большое спасибо за Вашу инициативу проведения этого интервью. Мы также считаем, что достижения последних 100 лет для АНК являются одними из уникальных достижений настоящего времени. Отвечая на Ваш вопрос, который является очень важным, хочется сказать следующее. Если Вы посмотрите на африканское общество сегодня, то увидите, что в различных группах в Южной Африке существуют королевства. Эти королевства появились не после эпохи колониализма, они были созданы в доколониальное время, считались органичными формами управления, которые существовали в тот период времени. Так, например, я родом из народа коса. У коса есть целый ряд королевств. Есть король Аматембу, король Амампондо... Внутри группы, из которой я родом, есть ряд царств. У зулу (крупнейшей группы в Южной Африке) – 8 королевств, вероятно, наиболее консолидированные королевства в Южной Африке. И произошло это в эпоху Короля Шака, который многое сделал, чтобы консолидировать зулу в Южной Африке. Так что есть все свидетельства того, что были свои формы правления, свои системы управления в африканских обществах. Однако эти естественные и органичные формы выражения органических форм правления были разрушены в результате колониализма. Но позвольте мне напомнить, что, согласно новым археологическим исследованиям, все больше специалистов находят подтверждения тому, что Африка была колыбелью человечества. История человечества, действительно, началась в Африке. Так, в Южной Африке есть место, которое считают колыбелью человеческого рода, оно называется Мапунгубве...

Мы нашли доказательства того, что еще в XI веке происходили некоторые формы социальной стратификации или, если хотите, классовой формации. Мы нашли доказа-

тельства того, что эта часть Южной Африки торговала с Китаем, с Дальним Востоком. Все эти вещи должны привести нас к пониманию, что в Южной Африке жизнь была и до того, как колонизаторы пришли туда. Была организация власти, было экономическое развитие, поэтому Ваш вопрос совершенно справедлив. И наша обязанность на сегодняшний день – выявить всю реальность истории, чтобы наши будущие поколения могли иметь более полное представление о стране, в которой они родились, чтобы иметь понимание собственной идентичности.

КЖМП: В этом контексте следует, наверное, сказать, что исследования Шейка Анта Диопа должны быть продолжены. Если я не ошибаюсь, после его исследований ничего подобного такого уровня по преодолению фальсификации истории Африки так и не было сделано.

Посол М.Мнахлуа: Это одна из больших обязанностей, которую мы чувствуем по отношению к Южной Африке, так как частью процесса завоевания и покорения наших людей было уничтожение, в первую очередь, нашей независимости. Когда золото и алмазы были обнаружены в Южной Африке, начался процесс индустриализации. Нашим людям не нужно было идти на работу в эти шахты. У них было свое хозяйство. Для того чтобы наши люди начали работать на шахтах, колонизаторы должны были полностью распоряжаться землей нашего народа и их хозяйством. И они начали вводить законы и налоги. Есть целый список того, что они сделали для уничтожения нашей независимости. Но при этом они должны были обязательно уничтожить нашу культуру. Если сравнить данный процесс с другими странами, которые были колонизированы на африканском континенте, в Южной Африке это разрушение происходило в существенно большей степени. Таким образом, на Южной Африке лежит большая ответственность за то, чтобы у нас появлялись наши собственные Шейки Анта Диопы, которые могли бы посвятить свои жизни для того, чтобы установить нашу реальную историю. Среди тех изменений, которые сегодня происходят в Южной Африке, следует назвать изменения в системе школьного образования. Но в обучении молодых людей до сих пор используются плохие книги, и это является большой проблемой. Я поддерживаю идею о том, что надо сделать ещё очень много в том направлении, в котором работал Шейк Анта Диоп.

КЖМП: Ваше Превосходительство, опыт борьбы АНК, борьбы народа Южной Африки, является уникальным. Хотелось бы, чтобы больше людей узнали об этом. Что послужило причиной для создания Африканского Национального Конгресса, и как бы Вы могли бы охарактеризовать 100 лет его деятельности?

Посол М.Мнахлуа: Процесс колонизации в Южной Африке проходил в течение длительного периода. Только в том регионе, который сегодня известен как провинция Кейп, бои продолжались более ста лет. Сто лет борьбы коса с британцами и голландцами. Хорошо известны войны, которые велись между зулу и британцами в регионе, который сегодня называют провинцией Квазулу-Наталь. Одной из последних войн сопротивления является т.н. Восстание Бамбаты, которое произошло в 1906 году. В конце концов, африканские народы были побеждены, и это произошло потому, что у врага, во-первых, были превосходящие силы и, во-вторых, потому что мы боролись с врагом отдельными группами. Но к концу XIX века начали появляться первые политические организации сопротивления, а в 1912 году был создан Африканский национальный конгресс. Создание Африканского национального конгресса стало началом использо-

вания новой платформы и новых инструментов для борьбы с колониализмом. Создание АНК было для нас и продолжением той же старой борьбы против колониализма, и принятием новых методов в этой борьбе. АНК собрал вместе всех: зулу, коса, сото, тсвана, все различные группы были объединены под эгидой Африканского национального конгресса. Важно отметить, что АНК имел интернациональный характер. В АНК вожди и короли того времени по-прежнему играли очень важную роль в руководстве и организации южноафриканским народом. Они были из Лесото, из Свазиленда, из Замбии, так что это было не чисто южноафриканское дело. Именно поэтому по сей день многие неюжноафриканцы считают АНК своим. Создание АНК было важным событием, потому что происходило как раз в то время, когда англичане и голландцы, которых сейчас называют бурами, после войны 1889-1902 годов решили объединиться и создать единую страну из четырех провинций (Южно-Африканский Союз), но это был союз против африканцев. АНК представлял собой альтернативный парламент для всей Южной Африки, потому что англичане и буры создали парламент, который был только для белых. Так что с самого начала АНК позиционировала себя как парламент всех африканских народов.

Переходя к следующему вопросу об оценивании 100 лет существования АНК, я думаю, что это одна из самых замечательных историй, о которой должно узнать как можно больше людей. Я считаю, что одним из самых значительных достижений АНК является объединение всех африканцев. Впрочем, в процессе этого объединения само его понятие было расширено. В Южной Африке были угнетены не только африканцы, но и все небелые, в частности, выходцы из Индии. Эти люди были привезены из Индии и других областей Азии для осуществления трудоемких работ. Они стали частью Южной Африки, частью обездоленных, угнетенных групп. Цветные люди в провинции Западной Кейп, которые были людьми смешанного происхождения, также лишились своих прав. И АНК начало говорить не только о единстве африканских народов, но и о более широком понимании единства, которое включало все угнетенные группы в южноафриканском обществе. По мере развития борьбы, АНК становится более зрелым как организация, начинает включать в эту концепцию единства и белых южноафриканцев, которые разделяли понимание справедливости, свободы и демократии. После создания АНК появляются и другие организации этого типа: Конгресс цветного населения, Индийский конгресс и Конгресс демократов. АНК, в конце концов, стал надеждой всех демократов в Южной Африке, независимо от цвета их кожи. И я думаю, что это одно из самых замечательных достижений Африканского национального конгресса за его столетнюю историю. Возможно, еще одна из самых сильных сторон Африканского национального конгресса заключалась в том, что он развивался таким образом, что стал по-настоящему народной организацией, которая представляла интересы различных социальных групп от крестьян до рабочих и деловых людей. Он действительно стал народной организацией, и это стало выражением чаяний наиболее широкого слоя населения нашей страны. АНК был и является на сегодняшний день представителем различных групп общества. Я думаю, это одно из замечательных достижений. Может быть в качестве конечной точки я хотел бы сказать, что АНК развивал новые методы, новые инструменты. Основными методами, которые использовались ими, были петиции, депутатии к королеве Англии, это были методы, которые использовались в первую очередь. Но в АНК развивались и начали использоваться более воинственные методы борьбы. Однако ситуация менялась, АНК сталкивался с растущей жестокостью режима апартеида, особенно после прихода к власти националистов в Южной Африке в 1948 году. Режим стал более жестоким по

отношению к выражениям протеста. После запрета АНК и других организаций мы были вынуждены начать поиски новых методов продолжения борьбы. Так появились тайные методы борьбы, появился такой элемент, как международная борьба, чтобы изолировать правительство апартеида, появился и военный аспект. АНК является организацией, которая использует основные формы, средства и методы борьбы, и я думаю, что это также одно из замечательных достижений АНК в течение 100 лет.

***КЖМП:** Когда я упомянул празднование столетия АНК, то использовал слово «мы»: «мы празднуем его». Я думаю, что мы – россияне – имеем право использовать это слово, потому что у нас были очень близкие отношения с Африканским Национальным Конгрессом. Я думаю, что мы должны помнить эти страницы нашей истории, и я прошу Вас рассказать нам более подробно об отношениях между АНК и Советским Союзом.*

***Посол М.Мпахлуа:** Это еще одна история, о которой, на мой взгляд, нужно обязательно рассказывать. В прошлом году я настаивал на том, чтобы год празднования столетия АНК также обязательно праздновался и в России, потому что это страна, которая внесла самый большой вклад в достижения АНК за эти 100 лет. Советский Союз, на мой взгляд, внес особый вклад в то, чтобы АНК мог стать сильной организацией. Советский Союз сделал для АНК так много! Был момент, когда АНК был эвакуирован из Танзании из-за специфических проблем и трудностей, которые у нас были в то время, он обеспечил нам военную подготовку, возможности получения образования для молодежи. СССР предоставил нам материально-техническую поддержку, предоставили нам средства к существованию, необходимую поддержку лагерей для содержания солдат и их обучения. Так что это одна из самых замечательных страниц в наших отношениях, которые сложились между АНК и Советским Союзом. Недавно мы проводили конференцию, посвященную столетию АНК, в Институте Африки Российской академии наук, где я выступал, и я там много рассказал об отношениях между СССР и АНК. Это мое выступление может также быть интересно Вашим читателям¹. Так что российский народ имеет полное право отмечать этот праздник вместе с нами.*

***КЖМП:** Ваше Превосходительство, позвольте мне добавить, что у нас есть не только право совместного празднования. Для нас была большая честь быть с Вами во время этой борьбы за свободу.*

Двадцать лет назад, в 1993 году, в Южной Африке была принята новая конституция, а в 1994-м были проведены первые демократические выборы. Не могли бы Вы рассказать нам об этих страницах истории ЮАР?

***Посол М.Мпахлуа:** В 1993 году мы приняли временную конституцию, и это было очень важное событие, потому что, если вы помните, в то время все еще существовало правительство апартеида. Но уже было признано, что правительство апартеида не могло управлять страной в одиночку. Снятие запрета с политических организаций в 1990 году было первым признанием того, что южноафриканская ситуация требует, чтобы различные политические организации имели право на существование в стране и принимали участие в определении будущего страны. В этих условиях начался процесс переговоров по принятию временной конституции. Это было значительное событие в двух отношениях. Во-первых, потому что это было признание нелегитимности той конституции, которая существовала в то время. Во-вторых, это было важно также и потому, что в ходе переговоров были попытки фактически договориться о новой конституции для страны.*

¹ Текст выступления Посла М.Мпахлуа публикуется в настоящем выпуске журнала.

АНК настоял на том, чтобы все мы сели за стол переговоров. Мы, конечно, представляли разные политические взгляды, разные политические организации, но мы не были законно избранными представителями народа. И постоянная конституция могла быть принята только в результате переговоров между избранными представителями народа. Поэтому самое лучшее, что мы могли сделать для того, чтобы продвинуть страну вперед, – это принять новую временную конституцию, которая бы увела нас от конституции апартеида и ввела в новую эру, позволила установить структуры, которые помогли бы нам провести выборы. Важно, что во временной конституции были изложены критически важные принципы, которые позднее были подтверждены в постоянной конституции, которую разработали избранные представители нашего народа.

В данной конституции было закреплено демократическое и недискриминационное будущее страны. Это было знаменательное событие, потому что это то, что помогло вывести страну вперед. Она также позволила создать новые органы, прежде всего независимую избирательную комиссию. Когда в 1994 году состоялись выборы, это был значительный шаг вперед для общества Южной Африки, потому что, несмотря на все, что происходило, мы смогли провести мирные выборы, в которых приняла участие большая часть южноафриканцев. Они терпеливо ждали, чтобы отдать свой голос в первый раз в их жизни. Сейчас уже забыто, как много насилия было в Южной Африке, когда мы продвигались к выборам. На разных уровнях мы сталкивались с трудностями, правые африканеры считали, что они должны были остановить этот процесс демократии. Было совершено много взрывов, осуществляемых правыми организациями африканеров. Те люди, которые развязали это насилие, хотели отвлечь нас от нового пути, но руководство АНК ясно понимало, что мы должны двигаться в направлении проведения выборов в Южной Африке, когда люди могли бы выразить собственное волеизъявление, сделать собственный выбор. Именно в эти дни мы потеряли одного из наших лучших руководителей в то время, одного из самых популярных лидеров того времени – Криса Хани. Он был руководителем нашего военного крыла, очень популярным лидером, одним из лучших, который был у нас. Но АНК не свернул с намеченного пути. Его смерть подстегнула ускорение процесса. Была определена дата проведения выборов – 27 апреля 1994 года. Руководство АНК настояло на том, что такое развитие событий обеспечило бы назначение даты первых демократических выборов, которые должны были открыть нам дорогу в эпоху демократии.

***КЖМП:** Ваше Превосходительство, давайте обратимся к темам, которые являются особенно важными для нашего журнала, каковы цели и принципы внешней политики Республики Южная Африка? Кто являются главными союзниками ЮАР на международной арене?*

Посол М.Мнахлуа: Важнейшим положением внешней политики Южной Африки является приоритет африканского направления. Африканский континент сегодня отличается от того континента, каким он был длительный период своей истории. Мы принимаем участие в большом количестве операций по поддержанию мира, по принуждению к миру и урегулированию конфликтов по всему континенту, диалогу и переговорам в Демократической Республике Конго. Южноафриканское демократическое правительство сыграло очень важную роль по сплочению различных политических партий Конго. Нынешний президент Южной Африки внес важный вклад в урегулирование ситуации в Бурунди. Бывший президент ЮАР Табо Мбеки был вовлечен в процесс урегулирования отношений между Суданом и Южным Суданом.

Второй аспект внешней политики Южной Африки заключается в том, что мы также рассматриваем вопрос многосторонней дипломатии как важнейшее условие управ-

ления глобальными вопросами. И поэтому при работе с различными странами мы ставим многосторонние организации в центр принятия решений.

Мы также работаем в том направлении, чтобы обеспечить, что многосторонние организации в большей степени отражали происходящее в современном мире, являющемся миром, в котором многие страны были колониями во время создания этих многосторонних учреждений и в настоящее время являются демократическими обществами, частью мирового сообщества. Однако многие из существующих многосторонних институтов не так эффективны, потому что они были созданы, когда многие страны не являлись частью сообщества наций. Мы ставим многостороннюю дипломатию в центр решения глобальных вопросов, но мы также работаем над вопросами реформирования институтов, чтобы они в большей степени отражали сегодняшнюю реальность. Эту работу мы делаем совместно с рядом стран Африки, например, Нигерией, Египтом, Алжиром...

Важно отметить, что в последнее время появилась организация БРИКС. Это уникальное объединение нескольких государств, которые имеют общие подходы к вопросу о том, как необходимо проводить реформы этих многосторонних институтов. Мы решили стать частью того, что в то время именовалось БРИК, потому что мы видели это единство подходов по глобальным вопросам между странами, которые были там.

***КЖМП:** Какое место занимает России во внешней политике Южной Африки? Если посмотреть на два года участия Южной Африки в деятельности Совета Безопасности ООН, можно сделать вывод о том, что ЮАР и Россия были настоящими союзниками в решении международных проблем, мы часто голосовали вместе, и иногда эти голоса были против других членов Совета Безопасности. Не могли бы вы рассказать немного подробнее о месте России во внешней политике ЮАР?*

Посол М.Мпахлуа: Во-первых, я должен отметить тот факт, что Россия принимает участие в международном и глобальном многостороннем процессе гораздо более длительное время, чем Южная Африка. Южная Африка является молодой страной в качестве демократического государства, а во время борьбы с системой апартеида Южная Африка была исключена из многостороннего процесса, мы не могли реально участвовать в этих организациях. Сейчас Южная Африка все больше включается в глобальные дела. Мы поняли, что во многих случаях имеем сходное с Россией понимание международных вопросов. Мы стали членами потому, что мы поняли, что страны – члены этой организации имеют общие подходы в вопросах внешней политики, что мы боремся за одни и те же цели. Мы хотим реформирования многосторонних институтов, хотим большего голоса для развивающихся стран и хотим более инклюзивной финансово-экономической системы. Эти страны действительно являются для нас более близкими по данным вопросам и, следовательно, с такой точки зрения, Россия является очень важной для нас страной в вопросах внешней политики. Мы близко работали друг с другом в Совете Безопасности ООН, хотя не всегда обязательно делали то же самое, но было больше консультаций, больше тесной координации наших позиций. Дипломатические отношения между ЮАР и Россией были установлены в то время, когда обе страны находились в переходном состоянии. Когда были установлены эти отношения, действовало еще правительство апартеида. Но и в России была постсоветская эпоха. Когда демократическое правительство пришло к власти, мы начали искать способы, с помощью которых можем развивать эти отношения. Мы подписали целый ряд важных международных соглашений. Однако когда мы оцениваем эти отношения сегодня, я считаю, что они находятся не на том уровне, где бы они могли бы

быть. На встрече наших президентов в 2012 году было отмечено, что наши страны являются политическими друзьями, но экономически это никак не отражается. Одна из причин этого заключается в том, что обе наши страны более чем на 20-летний период были вовлечены в переходный период. Это понятно, потому что до этого не было никаких государственных отношений, была лишь дружба между Советским Союзом и Африканским национальным конгрессом. Так что было достаточно сложно, чтобы политическая дружба быстро трансформировалась в торговлю, инвестиции, отношения между деловыми кругами двух стран. Однако в 2012 году мы договорились изменить эту ситуацию, потому что мы оба достигли определенного уровня стабильности и можем обратить внимание на развитие наших отношений. Это то, что мы делаем сейчас в нашей работе. Мы действительно работаем на то, чтобы выйти за рамки только хороших политических друзей и наличия хороших политических отношений и начать осуществлять реальные политические и экономические проекты.

***КЖМП:** Какие основные экономические проекты между Россией и Южной Африкой могут быть осуществлены в будущем? Может быть, какие-то из них уже начали осуществляться в настоящее время?*

Посол М.Мнахлуа: Вы знаете, что Россия и Южная Африка являются государствами с крупными залежами полезных ископаемых. До периода экономического кризиса мы видели довольно большой интерес со стороны южноафриканских горнодобывающих компаний для изучения возможностей в России. Конечно, серьезно помешал экономический кризис, но определенная часть российских компаний уже участвует в добыче полезных ископаемых в Южной Африке. У нас есть Ренова, Норильский никель в никелевых рудниках в ЮАР, у нас есть некоторые горные разработки, ведущиеся компаниями из России. Есть такие компании, как Евраз, которые инвестируют в Южную Африку. Активно развивается сотрудничество в области энергетики. Южная Африка имеет огромные потребности в энергии, больше, чем те, которые она может удовлетворить сейчас. Планируется очень большая программа увеличения нашего производства электроэнергии за счет использования новых мощностей, таких как энергия солнца, ветра, ядерной энергии. Российские компании участвуют в больших проектах по генерированию солнечной энергии в Южной Африке. Есть большой интерес со стороны Росатома принять участие в программе создания ядерного реактора. В Южной Африке будет построено 8 новых солнечных станций в период до 2032 года. Мы уже работаем с Россией в этой области, наши существующие АЭС берут топливо и обогащенный уран, который необходим для существующих атомных станций из России. Мы можем многое получить от России и на других уровнях. Есть и другие проекты, в которых участвуют Россия и ЮАР, в области энергии, в области полезных ископаемых, потому что мы сильные горнодобывающие страны с долгой историей добычи и, очевидно, среди прочего обладаем уникальными технологиями добычи полезных ископаемых. Таким образом, задействована область минералов, но еще предстоит открыть новые области, где мы можем сделать что-то вместе. Мы имеем хорошие связи с Курчатовским институтом здесь, с Объединенным институтом ядерных исследований, с Роскосмосом и другими организациями по вопросам взаимодействия в области технологии, науки, инноваций и космической сферы, развития человеческих ресурсов, особенно в Южной Африке. Мы хотим использовать мощности России для развития наших собственных навыков в определенных областях, я имею в виду, мы должны обучать так можно больше людей в узкоспециализированных областях, мы

должны обучать ядерных экспертов, собираемся строить теперь ядерный потенциал, должны тренироваться в морской области и в других областях.

На данный момент уровень торговли между Россией и ЮАР является очень низким для таких больших стран, коими мы являемся. Например, в нашей торговле с Китаем мы планируем достичь объема торговли в 100 млрд. долл. к 2015 году. У нас также амбициозные цели в торговле с Индией... Южная Африка также торгует в очень большом объеме с остальным миром, поэтому мы предполагаем установить новые амбициозные цели в торговле с Россией, увеличить объем торговли, а также увеличить ее диверсификацию. Мы экспортируем в Россию свежие фрукты и вина, но также работаем над расширением корзины товаров, которые участвуют в торговле.

***КЖМП:** И последний вопрос, Ваше Превосходительство. Он касается культуры, которую Вы только что упомянули. Позвольте мне напомнить Вам, что наша первая встреча произошла на концерте необыкновенной музыкальной группы Soweto Gospel Choir. И я думаю, что это хороший пример, как культура соединяет людей. Но позвольте мне обратить Ваше внимание на тот факт, что наше культурное сотрудничество имеет один дефект: мы все еще не видели Ladysmith Black Mambazo в России. Это моя специальная просьба для Вас, пожалуйста, организуйте их приезд. Я расскажу Вам об одном случае, который произошел на концерте другой южноафриканской музыкальной группы – Утоја. Я слышал, как один человек сказал другому: «Это было лучшее событие в нашей жизни!». Вот такие эмоции могут вызывать южноафриканские музыканты! Пожалуйста, используйте Ваше влияние для того, чтобы организовать приезд в Россию Ladysmith Black Mambazo и многих-многих других, мы будем очень этому рады.*

***Посол М.Мнахлуа:** Я очень рад, что вы спросили меня об этом, я также считаю, особенно потому, что живу здесь и сейчас и знаю, как богата Россия в области культуры. И мне просто жаль, что у нас нет некоторых вещей, которых вы уже достигли и которые вы считаете само собой разумеющимися. Я бы хотел, чтобы мы могли достичь этого в Южной Африке. В России места культуры доступны для посещения любым человеком. Любой человек может пойти в театр, обычные люди, богатые люди, образованные – это потому, что есть такие возможности. Когда вы идете по улице в России, вы видите один маленький театр там, один здесь, они доступны. Это одна из вещей, которым нам нужно научиться у России. Я просто вдохновлен этой частью жизни в России, данный аспект культуры является неотъемлемой частью жизни людей здесь. Это не то, что принадлежит лишь некоторым категориям людей, это для всех. И я, действительно, восхищаюсь этим в России. Мы должны стремиться к этому. Но я также считаю, что Южная Африка имеет также много того, что она может показать миру и российскому народу, другой опыт, богатый опыт, он выражает душу нашего народа. Я уверен, что это то, что вы видели в Soweto Gospel Choir, когда вы видели Ladysmith Black Mambazo, Утоја... Я действительно считаю, что Южная Африка может много дать в этой области, мы будем делать больше, чтобы быть уверенными, что больше ультурных групп может приехать. Мы хотели бы, чтобы больше южноафриканцев могли видеть ваши представления, ваших танцоров балета, которые, на мой взгляд, являются лучшими в мире, так что давайте продолжать работать. Я вижу, у вас есть большой интерес в этой области. Надеюсь, что мы сможем поработать вместе.*

***КЖМП:** Спасибо Вам большое, Ваше Превосходительство, мы очень ценим это. Позвольте мне выразить надежду, что наши отношения будут развиваться и укрепляться.*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И АНК

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И АНК

*В.Г.Шубин*¹

100 ЛЕТ АНК и 30 ЛЕТ «УМКОНТО ВЕ СИЗВЕ»

Если говорить сугубо формально, то «Умконто ве Сизве», или МК, как его сокращенно называли, прекратило свое существование в конце 1993 года, после того как в Южной Африке были достигнуты соглашения о политическом урегулировании. Формально они явились результатом «многопартийных переговоров», но реально – результатом многолетней борьбы за изменение политического строя, конституционного устройства ЮАР. Так что, строго формально, получается, что «Умконто» существовало 32 года. Но я полагаю, что не будет ошибкой говорить именно о 30 годах не только потому, что можно и округлить, но и потому, что последнюю пару лет МК как организация уже не действовала. Начиная с 1990 года, ее руководители и члены стали возвращаться из-за рубежа, а те, что находились внутри страны, уже никаких боевых операций не проводили. Я хочу процитировать один абзац из первого манифеста «Умконто», опубликованного 16 декабря 1961 года: *«Мы надеемся, даже в этот поздний час, что наши первые действия разбудят каждого и помогут понять, что политика националистов [имелась в виду политика правившей тогда в ЮАР Национальной партии] ведет нас к катастрофе. Мы надеемся, что приведем правительство и его сторонников в чувство, пока не поздно, так чтобы и правительство, и его политика изменились до того, как дела дойдут до ужасной гражданской войны. Мы верим, что наши действия будут ударом по подготовке националистов к гражданской войне и военному правлению»*².

Вот это тот манифест, с которым АНК отошел от традиционной для него политики «ненасилия», хотя юридически тогда «Умконто ве Сизве» была отдельной организацией. Как мы знаем из истории, позднее она стала уже признаваться как вооруженное крыло Конгресса, а потом и как Народная армия АНК.

История «Умконто» очень сложная, я не буду останавливаться на всех деталях. Напомню только, что самые первые группы бойцов готовились в Марокко, в Эфиопии, в Алжире, когда эта страна добилась независимости. Не надо забывать и о Египте, его тогдашнем президенте Насере, поддерживавшем освободительные движения. А потом уже, пожалуй, большинство бойцов обучалось в нашей стране, первоначально в Москве и в ее окрестностях, в Одессе, Ташкенте.

Но проблема была в том, что возле Южной Африки существовал «буфер», состоявший из находившихся тогда под португальским контролем Анголы и Мозамбика,

¹ *Владимир Геннадьевич Шубин* – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник Института Африки РАН, Почетный д-р Университета Западного Кейпа (ЮАР). В 1982-1991 годах – сотрудник Международного отдела ЦК КПСС. В 1995-2010 годах – зам. Директора Института Африки РАН. В 1994 г. – международный наблюдатель на всеобщих выборах в ЮАР. Выдержки из выступления на конференции, посвященной 100-летию АНК 24 апреля 2012 г. (Сб. докладов, сделанных на конференции «АНК. От освободительного движения к правящей партии: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Институт Африки РАН, 2013).

² Manifesto of Umkhonto we Sizwe. Leaflet issued by the Command of Umkhonto we Sizwe. 16 December 1961.

оккупированной ЮАР Намибии, Южной Родезии с правительством расистов (нынешнего Зимбабве), а до конца 1964 года и английской колонии Северной Родезии (нынешней Замбии). А все так называемые протектораты английские – Свазиленд, Лесото, Ботсвана – фактически были под жестким контролем ЮАР. Поэтому тем кадрам «Умконто», которые были обучены к середине 60-х годов (примерно человек 500), вернуться в страну было очень сложно, хотя предпринималось несколько попыток.

Была знаменитая операция, проведенная совместно с ЗАПУ в 1967-1968 годах – попытка пройти в Южную Африку через территорию Зимбабве. Забывают, что были и другие попытки, например, направить две группы в ЮАР через Мозамбик. Конечно, пройти до Южной Африки через территорию Мозамбика со стороны Танзании или Замбии было нереально. Одну из этих групп, кстати, возглавлял наш добрый друг Джосайя Дзеле.

Другая попытка – «операция Джей». Долгое время наши колебались, не давали согласия на содействие этой операции, однако, в конце концов, согласились помочь высадке бойцов «Умконто» с судна на южноафриканский берег, но только после тщательной подготовки. Готовилась эта десантная группа в Баку, который был основной базой нашей Каспийской флотилии.

Почти 20 лет назад мне рассказывал в Кейптауне Питер Бороко (позднее он стал генералом в военной разведке I демократической ЮАР под своим настоящим именем – Питер Тшикаре), как они прыгали с борта судна, а потом по веревочной лестнице надо было залезать назад на борт. И его затянуло почти под винт, было опасно, но его вытащили, и наш доктор дал ему стакан, кажется, даже спирта, чтобы он сразу пришел в чувство. В общем, у него хорошая память осталась о подготовке, но, к сожалению, план десантирования потерпел неудачу.

Судно должно было из порта Кисмайо на юге Сомали дойти до ЮАР и высадить группу на берег в районе бантустана Транскей. Кстати, оно прошло по пути в Сомали вокруг Мыса Доброй Надежды и даже заправлялось горючим в одном из южноафриканских портов. При этом на покупку судна было запрошено у Москвы 75 тыс. фунтов, большая сумма по тем временам¹. Из Кисмайо судно должно было идти на юг вдоль африканского побережья, но на нем сломался двигатель, да и другое оборудование. Как полагали организаторы операции, на самом деле что-то неладно было с экипажем, предоставленным «дружественной партией» (кажется, это были греки), его быстро заменили, прибыли моряки с британскими паспортами, и они пошли в плавание даже с одним работающим двигателем, но и он вскоре, извините за выражение, «сдох», поэтому операция кончилась ничем. Конечно, это была весьма грустная история. Корабль назывался «Авантюра», судно было куплено где-то в Средиземноморье. А «Операция Джей» названа, как рассказывали, Оливером Тамбо в честь Джо Слово.

Были и другие попытки. В этой связи стоит привести цитату из статьи Слово, который тогда был начальником штаба «Умконто», написанной в 1986 году и посвященной 25-й годовщине его создания: «Можно сказать, что так продолжалось до 1976 года. Один проект следовал за другим, но ни один из них по-настоящему не был успешным. Однако наши неудачи, хотя их не планировали, все же имели воздействие. Каждый мог видеть, что АНК был бесконечно настойчив в своих усилиях, несмотря на огромные трудности. Люди узнавали, что существует преданная делу группа, которая все равно будет биться головой об стену, пока та как-нибудь не треснет; я полагаю, что

¹ Эта сумма указывается в книге Э.Малоки, который был гостем Института в бытность директором Института Африки в Претории, а теперь – специальный советник министра международных отношений и сотрудничества ЮАР (E.Maloka, South African Communist Party in Exile, Pretoria, Africa institute of South Africa, 2002. – С. 29).

это было важным побочным результатом усилий, большинство из которых оказались неудачными. Но хотелось бы знать, где бы мы были без этих упрямых попыток найти ответ...»¹.

Так и было, конечно. Сам факт, что делались такие попытки, влиял на обстановку внутри ЮАР, способствовал подъему массового демократического движения. Другой важный момент – огромную позитивную роль сыграли события в Анголе и Мозамбике после португальской революции 1974 года, достижение независимости этих стран. Вот мы часто говорим, и правильно, что подъем движения в ЮАР произошел после восстания в Соуэто, начавшегося с расстрела полицией демонстрации школьников. Но как только ситуация изменилась в Мозамбике, а затем и в Анголе – с конца 1974 и в 1975 гг., молодежь уже пошла из ЮАР, чтоб вступить в структуры АНК за рубежом. Конкретный пример – это Мосима «Токио» Сехвале, который после 1994 года был премьером провинции Хаутенг, а теперь министр в центральном правительстве. Он учился у нас в Москве еще до событий в Соуэто, а затем со своими товарищами осуществил взрывы нескольких объектов, пока его не арестовали. При нашей встрече он рассказывал, что на суде (а его приговорили к 18-ти годам тюрьмы) показывали альбом с фотографиями этих объектов, и он хотел встретиться с нашим инструктором, чтобы показать его.

История известная – в середине 1980-х годов началось то, что называется по-английски «talks about talks» между АНК и правительством, потом уже конкретные переговоры. И чем дело закончилось? Дело закончилось как раз тем, о чем говорилось в Манифесте «Умконто».

Конечно, планы были более обширные. Есть хороший человек в ЮАР – Бэрри Гилдер. Я с ним познакомился недавно, он занимал разные должности, в основном касающиеся спецслужб, министерства внутренних дел и т.д. Он написал книгу воспоминаний, должна выйти в этом году, называется «Songs and Secrets» («Песни и секреты»). И не случайно, поскольку он начинал как исполнитель политических песен, а потому уже стал разведчиком. В книге есть глава о его пребывании в Москве в течение десяти месяцев, вспоминает он человека, которого называет «comrade Ivan» (т.е. Вячеслава Федоровича Ширяева, первого старшего группы советских специалистов при АНК в Анголе). Гилдер подробно рассказывает, чему и как его учили здесь: как развивать революционное движение, создавать по всей стране революционные отряды и т.д. Он с добрым юмором пишет, что, конечно, многого из этого в реальности не произошло. Но факт остается фактом: если даже те цели, о которых говорилось АНК тогда, – вооруженный захват власти и т.д. – не были реализованы, то оказалось, что их и не нужно было реализовывать, поскольку была выполнена самая первая задача, которую «Умконто» ставило перед собой. Хотя и не через несколько месяцев, и не через несколько лет, а почти через три десятилетия, но правительство ЮАР действительно было «приведено в чувство», его политика изменилась, и оно пошло на переговоры, на перемены, которые обеспечили смену власти и демократическое будущее Южной Африки.

Но у АНК и «Умконто» именно в тот период возникли новые проблемы не только из-за той позиции, которую заняло тогдашнее руководство СССР и России. К счастью, в это время АНК был достаточно популярен в мире, и если, скажем, в конце 1991 г. находившимся в нашей стране командирам и бойцам «Умконто» было предложено уехать, не завершив учебу, то другие страны, например, Индия и ряд стран Африки,

¹ Dawn, Souvenir Issue. – С. 34.

готовы были организовать военную подготовку у себя, то есть уже тогда такого ущерба не было, какой мог быть раньше.

Для членов «Умконто» тяжелый период был в 1990-1994 гг. Почему? Давайте вспомним Зимбабве. В том случае в Лондоне, в Ланкастер-хаусе, в декабре 1979 года договорились о политическом урегулировании, в феврале 1980 года состоялись выборы, а в апреле уже была провозглашена независимость. Вспомним Намибию, договорились в декабре 1988 г., 1 апреля 1989 г. должен был начаться процесс политического урегулирования. Хотя тогда вновь начались боевые действия, но в мае процесс возобновился, в ноябре были проведены выборы и в начале следующего, 1990 года, в марте уже достигнута независимость.

А в ЮАР вот что получилась: в феврале 1990 года – снятие запрета с АНК и «Умконто», в мае – начало переговоров, но «еще целых четыре года – до выборов и смены власти. Вот эти годы были очень тяжелые для многих бойцов «Умконто», когда они постепенно возвращались домой неустроенные. Тяжелый период, но он тоже был преодолен. Многие из них вошли в состав единых уже Южноафриканских национальных сил обороны (САНДФ), другие – в различные государственные структуры. Достаточно сказать, что третий уже главком САНДФ – ветеран «Умконто», а первым министром обороны демократической ЮАР стал Джо Модисе, который много лет был его командующим.

Возвращаясь к нашей помощи, еще раз хочу сказать, что главное в ней были не деньги (хотя деньги тоже были нужны), и вот почему. Финансовая помощь предоставлялась и другими, например, Швеция в последние годы борьбы давала гораздо больше, чем Советский Союз, но там было все расписано, на что тратить. А вот суммы, которые поступали из Москвы, пусть скромные в международном масштабе (по 100 тыс. долл. в год в 1980-х годах), АНК мог тратить по своему усмотрению, прежде всего на подпольную работу, где финансовые отчеты нельзя представить.

Главное было именно в том, что мы могли помогать в тех делах, где другие или не могли, или не хотели помочь. Андрей Юрьевич Урнов рассказывал, как в 1969 году даже в Африке ни одна страна не была готова принять отряды «Умконто», и им пришлось «эвакуироваться» в СССР.

В 1997 году в Танзании на конференции, посвященной 75-летию Джулиуса Ньерере, я выступал с докладом об Оливере Тамбо. В нем говорилось и о том, что бойцов «Умконто» из Танзании «попросили». Подготавливая доклад, я не знал, что Ньерере будет сидеть напротив меня и слушать, но не говорить тоже нельзя было. К счастью, Ньерере был, что называется, великодушным человеком. Он так сказал: «Я помню, что я Джошуа Нкомо (лидер ЗАПУ) сказал, чтобы он уехал из Танзании. И он на десять лет попал в тюрьму после этого. Помню, как я Сэму Нуйоме сказал «Уезжай», я тогда думал больше об интересах Танзании, чем Намибии. Но я не помню, чтобы я Тамбо такое говорил, но если говорил – я был неправ». У меня от души отлегло.

Я не идеализирую наше старое общество, иногда и там были проявления ксенофобии, и даже расизма, но все-таки наши люди были воспитаны в духе интернационализма. Они делили с южноафриканцами и хлеб, и кров, особенно в Анголе, учили их здесь, и они очень большой вклад внесли в то, что АНК занимает твердую позицию отказа от расизма. Так же, как и белые, хотя и немногочисленные, которые были в составе «Умконто».

ЭВАКУАЦИЯ БОЙЦОВ «УМКОНТО» В СССР¹

Вскоре после конференции в Морогоро руководство АНК обратилось в Москву с просьбой о приеме его делегации. Эта просьба, поддержанная компартией, была удовлетворена. В состав делегации во главе с Тамбо входили, в частности, Дума Нокве и Джо Мэтьюз. К тому времени отношения между АНК и Советским Союзом стали весьма разносторонними. Хотя в отличие от того, что писали западные и южноафриканские историки, советские военные специалисты не занимались подготовкой АНК в Танзании или Замбии и не были там советниками при АНК, практическая помощь при подготовке операций в Зимбабве и преодолении последовавших трудностей была оказана. Она осуществлялась во многих формах – в предоставлении мощного радиоприемника, упомянутого выше, срочной поставке по воздуху продовольствия и медикаментов, создании ускоренных курсов для автомехаников и более длительных годичных курсов для медсестер. (Последние курсы были весьма важными, так как опыт боев в Зимбабве показал недостаточную организацию медицинской службы в «Умконтто».) Кроме того, в трудных финансовых условиях предоставление авиабилетов позволяло руководителям АНК поддерживать международные связи, в том числе и на Африканском континенте; например, с помощью Советского Союза была организована поездка Тамбо в Алжир в 1968 году.

Советский Союз помогал и организацией поездок представителей руководства АНК и ЮАКП для встреч с активистами своих организаций, обучавшимися в СССР. Так, в июле 1968 года было дано согласие принять «члена ЦК ЮАКП Джо Слово для проведения работы среди южноафриканцев, обучающихся в СССР, сроком на две недели»³. Автор был весьма удивлен, прочитав четверть века спустя в статье в йоханнесбургской газете «Санди Тайме», что «на партийном жаргоне того времени проведение работы» означало не что иное, как «выполнение специального задания КГБ». Статья эта была написана Б.А. Пиляцкиным, корреспондентом «Известий», который «совершал поиск в кремлевских архивах», выполняя задание этой газеты (кроме гонораров, ему было обещано за услуги по тысяче долларов в месяц) и тщетно пытаясь найти документы, которые компрометировали бы Слово, Хани и других видных деятелей ЮАКП и АНК. Неясно, почему этот журналист считал себя экспертом по вопросам безопасности, но на «партийном жаргоне» и «того времени», и позднее «проведение работы» означало именно «проведение работы» – встречи с соотечественниками, обсуждение вопросов, выяснение их мнений и т.д.

Руководство южноафриканского освободительного движения старалось быть в контакте со своими активистами, разбросанными по разным странам, «проводить работу» среди них, в том числе и в СССР. На этом этапе присутствие членов «Умконтто» в СССР носило, как правило, закрытый характер, хотя иногда секреты было совсем нелегко хранить. Когда в 1969 году автор посетил Киев, сопровождая Мзивандиле Пилисо, который прибыл туда опять же для «проведения работы» – для встреч со студентами, обучавшимися на медсестер и медбратьев, директор тамошнего медицинского училища объяснила, что попытки «закамуфлировать» членов АНК под замбийских граждан оказались практически безуспешными: замбийские студентки, которые также получали образование в этом училище, никак не могли понять, почему их «соотечественницы» и «соотечественники» не могли говорить на языках народов Замбии.

Пилисо был первым членом руководства АНК, с которым автор встретился после того, как в марте 1969 года стал заниматься связями с этой организацией в Советском

¹ Выдержки из книги «Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы». – М.: Институт Африки РАН, 1999.

комитете солидарности стран Азии и Африки. Однако с тогдашними рядовыми членами АНК, находившимися в Москве, в том числе с Джо Нхланхлой, который ныне руководит спецслужбами ЮАР в ранге заместителя министра, и с Максом Сисулу, сыном Уолтера Сисулу, ставшим потом координатором фракции АНК в Национальной ассамблее ЮАР, он познакомился раньше. Оба они завершали в то время учебу в Москве, готовясь стать дипломированными экономистами.

Первая делегация АНК, в беседах с которой автор участвовал, прибыла в СССР в июле 1969 года, вскоре после конференции в Морогоро. Однако ее приезду предшествовал визит делегации ЮАКП, прибывшей в Москву в июне для участия в Международном совещании коммунистических и рабочих партий.

Делегацию компартии возглавлял Джон Маркс, ее председатель, поскольку у Мозеса Котане в декабре 1968 года случился тяжелый инсульт и он прибыл в Москву на лечение в ночь на 1 января 1969 года. В состав делегации входили также Юсуф Даду, Майкл Хармел и молодой активист, который в списках участников числился как Дж. Джабулани. Интересно, что иногда обязанности видных деятелей ЮАКП в рамках АНК занимали приоритетное место; например, Даду только в течение недели мог участвовать в работе совещания в Москве, поскольку его присутствия «требовал Революционный совет» АНК.

Международная встреча в Москве была не слишком удачной попыткой собрать вместе после долгого перерыва представителей коммунистических партий. Многие отсутствовали; среди последних были не только китайцы, но и те, кто не хотел ссориться с ними, например вьетнамцы. Более того, представители ряда участвовавших партий отказались подписать полный текст документа совещания. Но для ЮАКП эта встреча представляла возможность развития двусторонних связей с партиями из различных стран.

В отчете делегации, в частности, говорилось: «Состоялась встреча с премьер-министром А.Косыгиным. Он особенно интересовался условиями жизни шахтеров Южной Африки. По этому вопросу для него было сделано устное сообщение. Он сообщил нашей делегации, что советские люди очень интересуются Южной Африкой. Он также сказал, что они признают, что южноафриканская борьба, возможно, самая трудная в мире. Он заверил нас в их полной поддержке нашей борьбы и предложил нам запросить любую помощь, которая может нам потребоваться, когда мы будем нуждаться в этом».

М.Хармел принял активное участие в подготовке московского совещания и составил предварительный проект речи, с которой на пленарном заседании выступил Маркс. Маркс успешно председательствовал на одном из заседаний. ЮАКП была избрана членом специального «подкомитета, занимающегося подготовкой Всемирной антиимпериалистической конференции», хотя эта конференция (или, точнее, конгресс) никогда не была созвана, вероятно, потому, что в обстановке вскоре начавшейся «разрядки» советское руководство потеряло к ней интерес.

Джо Мэтьюз также был на данном совещании, в этот раз в качестве представителя Компартии Лесото (вопреки ожиданиям никто не смог прибыть непосредственно из этой страны, и в любом случае Мэтьюз участвовал в делах Компартии Лесото еще в начале 1960-х годов). Он выступил с яркой речью, направленной против тогдашней политики Пекина, даже сравнив его с «бешеным слоном». Впоследствии эта речь была использована советской пропагандой в полемике с китайцами, хотя имя «представителя Компартии Лесото» никогда не упоминалось.

В интервью южноафриканскому журналу «Фрае Веекблад» Мэтьюз впоследствии хвастался: «Я был внутри Кремля, посещая руководство старого Советского Союза

чаще, чем кто-либо еще в этой стране сегодня». Не совсем так. Он действительно посещал Кремль, когда там проходили международные конференции, но его «посещение руководства» для двухсторонних переговоров с КПСС было не «внутри Кремля», такие беседы всегда имели место в здании ЦК на Старой площади. (Есть и другие «неточности» в его интервью, но мы вернемся к истории Мэтьюза позднее.)

Делегация АНК, прибывшая в Москву в июле 1969 года, обсудила результаты конференции в Морогоро, подчеркнув, что на ней был сделан упор на работе внутри Южной Африки, на необходимости ускорения возвращения бойцов «Умконто» на родину. Новые просьбы 1И высказаны, и новая помощь АНК была оказана, в частности в подготовке кадров. В конце 1960-х годов советская помощь вновь приобрела особое значение. В период, непосредственно предшествовавший конференции в Морогоро, АНК столкнулся в африканских странах с довольно мрачной реальностью. Позднее это время, когда ряд независимых африканских «государств был настроен на достижение компромисса с режимом Претории за счет АНК и других освободительных движений, стало известно как «эра Лусакского манифеста». Этот «Манифест по Югу Африки», одобренный конференцией глав государств Восточной и Центральной Африки в Лусаке в апреле 1969 г., подтвердил, что освобождение Юга Африки является неизменной их целью. Но борцов против апартеида не могла не беспокоить готовность нормализовать отношения с колониальными расистскими режимами – Преторией, Солсбери и Лиссабоном – и «убеждать освободительное движение отказаться от их вооруженной борьбы», если эти режимы признают «принципы равенства людей» и право на самоопределение.

Действительно, в те годы все трое членов колониально-расистского «союза нечестивых» – ЮАР, Родезия и Португалия – чувствовали себя слишком сильными, чтобы думать об уступках и компромиссах. В то же время умеренный тон Лусакского манифеста использовался коллаборационистами в рядах лидеров африканских стран, среди них президент Малави Камузу Банда, чтобы оправдать свою политику «диалога» с Южной Африкой. Позиция, зафиксированная в манифесте, была названа в журнале «Африкен Коммьюнист» «нестерпимо патронизирующей и даже вызывающей», особенно поскольку она была выражена лидерами африканских государств, которые сами «достигли формальной независимости в основном даже без капли тех усилий, которые должны делать их братья на Юге». Эта резкая критика была вызвана «возможно, наиболее зловещий фразой» в Лусакском манифесте о том, что шаги, направленные против Южной Африки, могут быть приняты, «даже если международное право требует исключить активную помощь южноафриканским противникам апартеида». (Такое утверждение является труднообъяснимой ошибкой африканских лидеров и их советников: позиция международного сообщества, зафиксированная в документах ООН, напротив, предписывала оказание помощи борцам против апартеида.)

Однако больше всего Африканский национальный конгресс и другие освободительные движения беспокоил тот факт, что решения, напрямую затрагивающие судьбу их стран и народов, были приняты без их участия, по существу за их спиной.

Практические условия деятельности АНК в африканских странах также ухудшились. После неудачи боевых операций в Зимбабве «Умконто» почти потеряло возможность действовать с территории Замбии. Неблагоприятной становилась ситуация и в Танзании. Часть танзанийского руководства с подозрением относилась к присутствию в АНК неафриканцев, не говоря уже о коммунистах. Влияние Китая, возможно, также играло свою роль: на этом этапе Пекин поддерживал весьма дружественные и близкие отношения с Танзанией и одновременно активно поддерживал ПАК и лично его лидера Потлако Лебалло.

Кроме того, танзанийские власти предпочитали, чтобы вся помощь освободительным движениям осуществлялась через Комитет освобождения ОАЕ, возглавлявшийся танзанийцем. Но при такой организации дела не вся она попадала по назначению. Например, ходили упорные слухи, что часть оружия, предназначавшегося для освободительных движений Юга Африки, была направлена из Танзании в «Республику Биафру», которую провозгласили сепаратисты на юго-востоке Нигерии и которую признали и Танзания, и Замбия. В 1972 году король Марокко Хасан II выделил 1 млн. долл. для АНК, но поскольку эта сумма была направлена через Комитет освобождения, на деле АНК получил лишь 5% от нее. Только 5% помощи, собранной американскими церквями в пользу АНК, поступило в распоряжение южноафриканцев, да и их нужно было разделить поровну между АНК и ПАК.

Стремление навязать единство между АНК и ПАК, равно как и отношение к ним как к равновеликим силам, многие годы было характерно для Комитета освобождения ОАЕ и для некоторых африканских государств. Однако позиция этих государств часто менялась в зависимости не только от смены правивших режимов, но даже от назначения того или иного важного государственного чиновника. В этих обстоятельствах линия АНК была направлена на то, чтобы добиться «единства на поле боя», т.е. внутри Южной Африки. АНК настаивал, что проблема должна быть решена самим южноафриканским народом, а не извне. Несомненно, в таком подходе были и определенные тактические соображения, поскольку ПАК был весьма слаб внутри страны в течение всего рассматриваемого периода.

Между тем, ситуация на Африканском континенте менялась весьма быстро, и то одна, то другая страна, по крайней мере на короткое время, становилась активной сторонницей освободительной борьбы в Южной Африке. Например, именно в то время, когда отношения Танзании и частично Замбии с АНК ухудшились, весьма решительную позицию в поддержку освободительного движения в ЮАР заняло суданское правительство, сформированное после военного переворота в мае 1969 года. Обсуждался даже вопрос, хотя и неофициально, между представителями КПСС и АНК о возможности использования Судана в качестве базы, с которой отряды «Умконто» могли бы продвинуться на юг, даже если правительства стран, через которые они должны были пройти, не оказали бы им поддержки.

Перемены в Судане, где ряд влиятельных министров и членов военного руководства в тот период были или членами компартии, или весьма близки к ней, повлияли на отношение к Лусакскому манифесту, когда новая региональная конференция стран Юга и Восточной Африки была созвана в Хартуме в январе 1970 года. За прошедшие после его принятия месяцы стало ясно, что колониальные и расистские режимы не собирались выказывать никакой доброй воли, и в Хартуме было решено «усилить всеми адекватными средствами» национально-освободительную борьбу в Африке, «предоставляя все необходимые средства освободительным движениям, чтобы позволить им вести борьбу». Резолюции Ассамблеи ОАЕ, созванной вслед за этим, также отражали такой настрой.

Стоит напомнить, что Советский Союз весьма скептически относился к Лусакскому манифесту с самого начала и что советская делегация в ООН при обсуждении его сделала ряд оговорок. По мнению советских представителей, та точка зрения, согласно которой пришло время для диалога, для переговоров с колониальными и расистскими режимами, могла дать только почву для иллюзий. И ликвидация таких режимов на Юге Африки требовала не уговоров и переговоров, а конкретных эффективных действий.

«Эра Лусакского манифеста», когда те, кто занимал другую позицию, в частности Замбия и Танзания, начинали чувствовать себя изолированными, явно оказала негатив-

ное влияние на деятельность национально-освободительных движений, базировавшихся в этих странах. Давление со стороны ЮАР, пусть косвенное, очевидно, было одной из главных причин неожиданного решения закрыть лагерь АНК в Танзании. Вряд ли случайно, что незадолго до его принятия Дар-эс-Салам посетил Г.Оппенгеймер. Полагали, что определенную роль сыграл при этом также П.Лебалло, который в качестве свидетеля обвинения выступал на процессе сторонников бывшего танзанийского министра иностранных дел (и бывшего председателя Комитета освобождения ОАЕ) Оскара Камбоны. Подозрение, что бойцы «Умконто» могли бы поддержать якобы планировавшуюся попытку переворота, было использовано в качестве предлога теми в танзанийских правящих кругах, которые были враждебно настроены по отношению к АНК.

В этот весьма драматический момент, когда ни одна африканская страна (за исключением, кажется, Алжира) не была готова разместить у себя бойцов «Умконто», руководство АНК снова обратилось к Советскому Союзу. «В июле 1969 года наша штаб-квартира получила уведомление с требованием, чтобы АНК вывела свои военные кадры из лагеря Конгва в течение 14 дней, – говорилось в отчете, представленном на заседании Исполкома АНК в 1971 году, – «причина для такого беспрецедентного уведомления заключалась в том, что наши кадры слишком долго оставались в Конгве и что они стали угрозой для безопасности страны (Танзании. – *В.Ш.*)»³³¹. Требование было жестким: если АНК не сможет организовать отправку бойцов в Южную Африку (всего за 2 недели!), то они будут направлены в лагерь для беженцев. «Другими словами, это означало ликвидацию «Умконто ве сизве». В отчете отмечалось, что бойцы были посланы на «курсы переподготовки», и после того, как они завершили их, «мы смогли получить разрешение на их возвращение в Конгву». Этому способствовала состоявшаяся после долгого перерыва встреча между Оливером Тамбо и Джулиусом Ньерере.

Однако в действительности дела обстояли еще сложнее. В докладе, сделанном на конференции в Кабве, Тамбо был более откровенен: «В 1969 году в результате сложностей, с которыми наше движение столкнулось в этом регионе, – сказал он, – мы вынуждены были в очень срочном порядке эвакуировать нашу армию (большую часть ее. – *В.Ш.*) в Советский Союз. Наши советские товарищи тогда работали вместе с нами, чтобы подготовить товарищей, которые вернулись домой в 1972 году.

Срочная перевозка активистов «Умконто» из Дар-эс-Салама в Симферополь и другие точки в СССР была организована «спецрейсами», т.е. на самолетах «Ил-18» знаменитой ОКАБОН – Отдельной Краснознаменной авиационной бригадой особого назначения.

Беспокойство руководства АНК откровенно выразили Оливер Тамбо и Альфред Нзо, когда они прибыли в Москву в апреле 1970 года на празднование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. Они подробно рассказывали о растущих трудностях, в том числе об изгнании кадров АНК из Лесото и Свазиленда, об их арестах в Ботсване. Сливвер Тамбо особенно был обеспокоен тем, что многие годы пребывания в лагерях «Умконто» и бездействия, как он выразился, «ломали» людей

Тем не менее, в тот же самый период и.о. президента АНК рассматривал ситуацию внутри Южной Африки как многообещающую. Он считал, что в стране есть достаточно «горючего материала», но перед тем, как начать вооруженную борьбу, африканцы ждали прихода борцов за свободу извне, поскольку в течение слишком многих лет они были лишены возможности владеть оружием и им требовался своего рода «импульс». Тамбо, однако, был озабочен тем, что люди не будут ждать бесконечно и что существует опасность стихийного взрыва. Из этих слов явствует, что степень готовности народа

к вооруженной борьбе в то время переоценивалась руководителями АНК, но они правильно предвидели возможность неконтролируемых выступлений, хотя это случилось несколькими годами позже.

Первоначально предполагалось, что бойцы «Умконто» останутся в Советском Союзе на короткое время, но вскоре стало ясно, что место, куда они могли бы выехать в Африку, невозможно найти, и руководство АНК было вынуждено обратиться в Москву с просьбой продлить курс «переподготовки». Несомненно, сложившаяся ситуация была довольно затруднительной и для Советского Союза: одно дело было организовать подготовку военных кадров АНК, а другое – разместить их на своей территории на почти постоянной основе. И здесь руководство ЮАКП вновь сыграло важную роль.

На семинаре, посвященном 80-летию со дня рождения Джона Маркса, проведенном в Танзании в 1983 году, Джо Слово вспоминал об «ужасных тяготах в танзанийском буше в Конгве»: «... было время, когда казалось, что все потеряно... Те, кто пережил этот период, знают, что когда дела обстояли действительно сложно, именно Джей Би вынужден был справляться с ситуацией».

«Дяде Джей Би», как его звали в рядах АНК по первым буквам его имени и прозвища «Бивер» («Бобер»), пришлось «справляться с ситуацией» и во время своей поездки в СССР в 1970 году: убеждать советских представителей, которые без энтузиазма отнеслись к его просьбе, и что, наверное, было еще труднее, самих бойцов «Умконто» в необходимости их дальнейшей задержки в СССР. Именно он был вынужден вылететь из Москвы в Симферополь, чтобы объяснить бойцам сложившееся положение, чтобы сказать им откровенно, что руководство АНК не в состоянии ни направить их домой, в ЮАР, ни куда-либо еще на Африканский континент.

Так или иначе, 20 июля 1970 года было принято решение «разрешить Министерству обороны продлить до 1 июня 1971 года подготовку южноафриканских курсантов, которые находятся в Советском Союзе в соответствии с решениями ЦК КПСС от 1 сентября 1969 года и от 29 мая 1970 года».

Джону Марксу пришлось использовать весь свой моральный авторитет и высокий престиж среди бойцов, чтобы убедить их согласиться на дальнейшее пребывание в Симферополе. Некоторое время спустя проблема была действительно решена: те из них, кто имел соответствующий уровень образования (а иногда даже и ниже необходимого), были приняты на учебу в советские вузы (или хотя бы в ПТУ), а другие в конце концов получили разрешение вернуться в Африку. Алжир был первой страной, согласившейся помочь АНК, а вскоре улучшилось и отношение к нему со стороны танзанийских властей.

ОТНОШЕНИЯ МОСКВЫ И АНК НА РУБЕЖЕ 90-х ГОДОВ

Сотрудничество СССР с АНК продолжалось, в том числе, и в делах, требовавших высокой степени взаимного доверия. Однако как раз в тот период, когда для всего мира становились очевидными успехи АНК, особенно в политико-дипломатической области, впервые проявилось открытое противоречие между позицией Конгресса и взглядами советского официального лица. В газете «Правда» была напечатана статья Бориса Асояна, занимавшего в то время пост консультанта в Управлении Африки МИД. Асоян утверждал, что в ЮАР за предшествующее десятилетие «цвет кожи утрачивает значение как фактор экономической жизни», и писал о «разрозненности и нечеткости политических структур, противостоящих апартеиду». В ответ Слово опубликовал в той же газете статью, в которой напомнил, что 98% валового национального продукта ЮАР выпускается мощностями, находящимися в собственности и под управлением капита-

листов из среды белого меньшинства, хотя белые составляют лишь менее 17% населения страны. Слово критиковал Асояна за утверждение, что АНК является просто одной из многих сил, выступающих против апартеида («так же это стремятся делать режим Претории и Маргарет Тэтчер»). Слова Асояна о «неожиданном (для многих) решении Претории сесть за стол переговоров с Анголой и Кубой» Слово рассматривал как «недооценку борьбы» и подчеркивал, что битва при Квито-Кванавале ознаменовала коренной сдвиг в балансе сил в регионе и именно этот сдвиг «заставил Преторию сесть за стол переговоров по Намибии и Анголе».

Поставил Слово и вопрос о том, почему Асоян сделал этот «опасный поворот»: «Может быть, от желания подогнать южноафриканскую действительность под абстрактную и универсальную стратегическую концепцию? Мы в южноафриканском революционном движении активно приветствуем, говоря словами Асояна, рассеивание «конфронтационного тумана». Но туман неоправданного примиренчества может оказаться не менее вредным для правильного анализа».

Сказались на политике Москвы по отношению к Южной Африке и перемены в государственном устройстве СССР в 1989 году. Начался процесс передачи большей части реальной власти от КПСС государственным структурам, важнейшими из которых стали Съезд народных депутатов и Верховный Совет, превратившийся в постоянно действовавший парламент под председательством Горбачева, который на следующий год занял созданный «под него» и по его настоянию пост президента. Многие вопросы, которыми ранее занимался Международный отдел ЦК, как уже отмечалось, перешли в ведение МИД и других государственных ведомств. К сожалению, такие нововведения, пусть даже сделанные из лучших побуждений, не сопровождались созданием соответствующих координирующих и исполнительных структур, в том числе и в аппарате Горбачева. В результате они привели к резкому ослаблению координации в выработке и проведении советской внешней политики.

Настойчивые попытки повлиять на линию руководства МИД в отношении Южной Африки, не допустить ухудшения отношений СССР с АНК делались В.Г.Солодовниковым, который с дипломатической работы вернулся в Академию наук, сочетая научную деятельность с общественной в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Начиная с сентября 1989 года он направил Шеварднадзе несколько писем, в которых предупреждал, что хотя сдвиги в позиции Москвы по отношению к АНК еще не привели к открытому столкновению с ним, такая опасность возникла.

В это же время появились и проблемы с кадрами АНК, прежде всего «Умконто», обучавшимися в СССР. Руководители Конгресса в конце 1980-х годов были слишком заняты как усилением борьбы, так и «переговорами о переговорах» и не находили времени регулярно навещать членов АНК, разбросанных по разным городам и республикам СССР. Такие поездки все же были, например Касрилса – в Ульяновск, Хани и Септембера – в Минск, но некоторые группы бойцов за три-четыре года учебы так и не видели никого из штаб-квартиры АНК. Между тем, общее ухудшение социально-экономического положения в нашей стране и связанная с этим деморализация влияли и на южноафриканцев, хотя в разных местах ситуация была разной. Она во многом зависела и от «окружающей среды», и от подбора курсантов. Так, если курсантов военного-морского училища в Баку командование хвалило, то в центре по подготовке авиационных и авиационно-технических кадров ВВС во Фрунзе посетивший его С.Макана обнаружил «очень печальный и вызывающий беспокойство список неоднократных фактов нарушения дисциплины и общего беспорядка» среди южноафриканских курсантов. Особенно он был встревожен участием некоторых из них в спекуляции: «Руководство (центра. – В.Ш.) объяснило, что это становится общей болезнью, которой подвергают-

ся всякие люди, как местные, так и иностранцы. В конечном счете решение лежит в политическом воспитании кандидатов и их правильном отборе. Дисциплина в целом среди иностранцев там ослабевает. Не только кадры АНК участвуют (в ее нарушении. – *В.Ш.*)... Вновь был подчеркнут вопрос о поездке лидеров (АНК. – *В.Ш.*) во все эти районы. Что бы они (советское командование. – *В.Ш.*) ни делали, это не может заменить роль руководства АНКУМК».

Попытки вбить, и поглубже, клин между СССР и АНК продолжались и накануне, и после снятия запрета на деятельность Конгресса. Так, газета «Стар» писала: «В частных беседах советские руководители усилили давление на АНК». Это было неверно хотя бы потому, что никаких «частных бесед» между руководителями СССР и АНК просто не было, а во время официальных бесед так вопрос никогда не стоял.

Это относилось и к встречам Шеварднадзе с высшими руководителями АНК. Во время празднования достижения независимости Намибии Шеварднадзе в Виндхуке встретился с Манделой. Этой встрече предшествовала его обстоятельная беседа в Лусаке 20 марта с руководителями АНК, включая Нзо, Табо Мбеки и Слово. В ответ на предложение советского министра иностранных дел «консультироваться, беседовать и координировать наши действия» Мбеки ясно изложил позицию АНК: «Мы хотим, чтобы СССР был лидером антиапартеидных сил. Такая позиция не должна быть скомпрометирована... СССР, как и ранее, должен рассматриваться как страна, не начинающая устанавливать связи с уходящей системой... Мы не хотели бы, чтобы у нашего народа создалось негативное представление об СССР».

Шеварднадзе заверил руководителей АНК, что советская помощь будет продолжаться, и согласился с их мнением о необходимости тесного сотрудничества во время переговорного процесса: «Мы были бы готовы работать с вами по всем этим вопросам. Я думаю, что в МИД должен быть специальный человек, ответственный за контакты с нашими друзьями в этом вопросе, человек, с кем могли бы консультироваться в любое время... Мы готовы работать с вами в ваших революционных делах».

Представители АНК не имели возражений против встречи Шеварднадзе с Де Клерком. «Президент Де Клерк, возможно, захочет увидеть меня, – сказал Шеварднадзе. – Должен ли я увидеться с ним? Должен ли я воздержаться от этого? Мне хотелось бы иметь какой-то мандат». Такая встреча в Виндхуке состоялась, и Де Клерк постарался убедить Шеварднадзе, что готов к серьезным переговорам о политическом урегулировании и ликвидации апартеида.

Шеварднадзе намекнул руководителям АНК на возможность постоянного присутствия советских дипломатов в Южной Африке, однако связал этот вопрос с предстоящим переводом штаб-квартиры АНК из Лусаки в ЮАР: «Учитывая, что вы переводите ваши офисы, нам надо подумать о новых каналах... После вашего переезда нам снова надо будет подумать, о какой-то официальной связи (с властями ЮАР. – *В.Ш.*) без установления официальных отношений».

Несмотря на заверения Шеварднадзе, в тот самый период, когда несколько десятилетий борьбы против системы апартеида начали приносить свои плоды, отношения Москвы с АНК и его союзниками продолжали охлаждаться. Перевод штаб-квартиры АНК в Йоханнесбург в середине 1990 года осложнил поддержание постоянной связи с его руководством. Вопреки обещаниям Шеварднадзе в МИД не было назначено «специального человека» для поддержания таких связей. К тому же АНК получал слишком скудные сообщения о советских дипломатических акциях и планах, и нередко в тот период руководство АНК получало сначала информацию о советско-американских встречах по Югу Африки от американцев, причем более подробную, чем из Москвы, хотя и соответственно отредактированную, а попросту говоря, искаженную. Сказывалось

и то обстоятельство, что за исключением некоторых из них, работавших в «прифронтовых» государствах, советские дипломаты, как правило, имели весьма ограниченный опыт в контактах с АНК. К тому же их «специализация» по чисто межгосударственным отношениям не помогала пониманию всей сложности антирасистской борьбы в Южной Африке.

Но у создавшихся сложностей были и более весомые политические причины. Продолжавшийся сдвиг в позиции Горбачева и его окружения привел к «деидеологизации», а на деле – «реидеологизации» почти всего: от экономики до международных отношений, разговоры о приоритете «общечеловеческих ценностей» стали прикрытием для некритического восприятия западных ориентиров во внешней политике.

Добавились и экономические причины. Поскольку экономическая ситуация в СССР в 1990-1991 гг. быстро ухудшалась, «интересы народного хозяйства» стали ключевыми при выборе зарубежных партнеров. Однако зачастую эти слова использовались для прикрытия узкоэгоистичных интересов групп чиновников и возникавшего в ту пору частного бизнеса. В отношении Южной Африки такой подход был весьма ущербным. Именно «интересы народного хозяйства» использовались как повод для нарушения или по меньшей мере ослабления санкций против Претории, вместо того чтобы серьезно заняться подготовкой к многогранному сотрудничеству в будущем, когда нужда в санкциях отпадет.

Нежелание Шеварднадзе на деле консультироваться с АНК по важнейшим вопросам советской политики по отношению к Южной Африке явно проявилось, когда он дал согласие на приезд в СССР в августе 1990 года делегации во главе с министром торговли и промышленности ЮАР Кентом Дюрром. Хотя подобный визит означал очень важное исключение из проводившейся Москвой политики бойкота Претории, он не обсуждался ни в Верховном Совете, ни в Международном отделе теоретически тогда все еще правящей партии (он практически был скрыт от них), ни с руководством АНК. Лишь в последний момент, когда уже что-либо было поздно изменить, в Лусаку была направлена (довольно куца) информация о предстоящей поездке, что никак нельзя было назвать консультациями.

Официально возглавлявшаяся Дюрром делегация была приглашена в СССР руководством «Экопрома», объединения государственных предприятий, созданного для решения проблем экологии. ТАСС сообщил в этой связи, что южноафриканские фирмы предложили предоставить технологию и оборудование для чрезвычайных мер по очистке территории после чернобыльской катастрофы». По этой информации делегация посетила, кроме Москвы, Киев и «окружающие районы». Но для Дюрра, да и для некоторых его собеседников в Москве чернобыльская трагедия была практически лишь поводом для обсуждения самого широкого круга вопросов: делегация посетила и Кировский завод в Ленинграде (там шли переговоры о возможности производства автомобилей), и даже Сочи (гостеприимные хозяева пытались привлечь южноафриканцев к вложению средств в курортный бизнес).

Сам Дюрр в частной беседе признал, что его визит должен был «открыть ворота в Восточную Европу», и важность его заключалась в том, что у Претории «не было другого способа» сделать это. В конце же концов обещания Дюрра по оказанию реальной помощи в преодолении последствий катастрофы, в частности в строительстве трех поселков для эвакуированного из опасной зоны населения, так и остались пустыми обещаниями, но пропагандистский успех Претории был вполне реальным.

Власти ЮАР были готовы встретиться с представителями любых «представителей» из Москвы. В феврале 1991 года страну посетила группа «российских бизнесменов» во главе с так называемым «генеральным директором расположенного в Москве Центра между-

народных проектов». Она была принята Рулофом Ботой и рядом других деятелей режима, и этот «гендиректор» в интервью заявил, что «Россия не связана теми ограничениями в отношениях с Южной Африкой, которых придерживалось Советское правительство. Россия никогда не голосовала за санкции». Такое заявление, естественно, вызвало восторг у его собеседников. Мэр Претории даже обсуждал с этими бизнесменами вопрос о «породнении» южноафриканской столицы с Москвой, хотя у тех не было на данный счет никакого мандата от Моссовета. Остается добавить, что после возвращения этих визитеров в Москву сотрудники советского МИД никак не могли разыскать данный «центр».

Весьма важным и противоречивым событием в советско-южноафриканских отношениях в тот период было подписание в 1990 году договора сроком на пять лет о продаже добываемых в СССР алмазов компании «Де Бирс». Это было первое прямое соглашение такого рода за почти тридцать лет, хотя, строго говоря, оно было заключено с зарегистрированной в Швейцарии компанией «Де Бирс сентенери». Оно подверглось критике с разных сторон и по разным причинам. Правительство России протестовало против того, что эта сделка, предусматривавшая поставку алмазов на миллиарды долларов, была заключена без его участия. Те, кто готовил и подписывал соглашение, доказывали, что оно лучшее из возможного. Но другие специалисты, в частности те из них, кто был связан с обработкой алмазов, рисовали совсем иную картину, подчеркивая, что «Де Бирс» успешно манипулировал ценами в свою пользу, направляя в Москву подставных бизнесменов для закупки по сниженным ценам и тех пяти процентов алмазов, которые СССР имел право продавать самостоятельно и таким путем проверять, насколько справедливы цены, установленные «Де Бирс». Они считали, что соглашение невыгодно для СССР и могло только укрепить монополию Оппенгеймера на мировом рынке.

Примечательно, что всего лишь за несколько месяцев до подписания этого соглашения Николас Оппенгеймер внес крупный взнос (по сообщениям печати – 300 тыс. долл.) в Советский фонд культуры, членом правления которого была Раиса Горбачева. Немалая часть этих средств была использована на прием руководителей данного фонда во время их визитов в Лондон. А жена ответственного сотрудника Управления Африки МИД, завизировавшего проект соглашения (того самого, которого беспокоила перспектива устранения апартеида), вскоре получила высокооплачиваемую работу в представительстве «Де Бирс», открывшемся в Москве.

Охлаждение между АНК и горбачевским окружением в немалой степени объяснялось и тем, что методы борьбы, использовавшиеся АНК, будь то вооруженная или массово-политическая, противоречили вошедшей тогда в моду теории о «ненасильственном мире». Отражением ее была и речь Шеварднадзе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1989 года, в которой он призывал «решительно действовать против любого насилия, чем бы оно ни мотивировалось и ни оправдывалось».

Такие «новые настроения» требовали ответа, и я попытался дать критический анализ их в своей статье в журнале «Азия и Африка сегодня». Поскольку, как отмечалось выше, в то время в научных и политических кругах Москвы распространилась иллюзия, что все важнейшие мировые проблемы могут быть разрешены при достижении соглашения между СССР и США, я начал статью с цитаты из работы Палло Джордана о советско-южноафриканских отношениях, написанной в начале 1990 года: «Если сегодня кажется, что урегулирование путем переговоров становится вероятным, то это происходит больше благодаря борьбе, которую ведет южноафриканский народ, чем стратегиям, разработанным политиками – будь то в Москве или в Вашингтоне». Критиковались в статье и приведенное выше высказывание Шеварднадзе, и абсолютизация ненаси-

лия Яковлевым: «...представляется, что как исключительно опасно для революционеров абсолютизировать насилие (правда, ни АНК, ни ЮАКП в этом упрекать нельзя), так и неоправданно уже сейчас полное исключение возможности его применения (тем более в случае насилия со стороны карательной машины властей) ... глубоко неверно интерпретировать новое политическое мышление как отказ от всех старых форм и методов, как заведомое и полное отрицание политики, проводившейся в прошлом, скажем, до апреля 1985 года».

К середине 1990 года в отношениях Москвы с АНК появился еще один трудный вопрос – о поездке в СССР Нельсона Манделы. Его освобождение из тюрьмы 11 февраля 1990 года было встречено в Москве с глубоким удовлетворением. Из Международного отдела ЦК в аппарат Горбачева тут же был передан проект приветствия, подготовленный заранее. Однако, очевидно, послание Манделе не было для Горбачева и его помощников приоритетным делом – проект был одобрен, опубликован и направлен лишь два дня спустя, позже, чем послания от других видных государственных деятелей мира.

Послание было передано через посольство СССР в Лусаке руководству АНК одновременно с приглашением Манделе «от имени советского руководства» посетить СССР. Но в подписанном Горбачевым варианте, в отличие от проекта, отсутствовала заключительная фраза: «Надеюсь на скорую встречу в Москве».

Так или иначе, вскоре в Лусаку для встречи с Манделой вылетела делегация СКССАА во главе с В.Г.Солодовниковым. В беседе с ней Мандела тепло говорил о поддержке Советским Союзом вооруженной борьбы АНК, подчеркнув в то же время, что Конгресс, как и СССР, предпочел бы политическое решение вопроса. «Мы в АНК верим, что Советский Союз поддержит нас и на нынешнем критическом этапе борьбы», – сказал Мандела. Вслед за этим приглашение Манделе подтвердил в беседе с ним в Виндхук Шеварднадзе.

В апреле 1990 года Манделе была присуждена Международная Ленинская премия мира (он был выбран среди восьми кандидатов), но ему так и не довелось ее получить. Появились трудности, казалось бы, случайного характера. Сначала штаб-квартира АНК предложила, чтобы визит состоялся в начале июня, т.е. практически в дни, когда Горбачев совершат поездку в США. Затем советская сторона назвала сроки в середине сентября, но все зарубежные поездки Манделы на тот месяц были отменены. Потом АНК предложил октябрь, но после долгого молчания за несколько дней до намеченного срока из Москвы пришло сообщение, что эти сроки – неподходящие. При этом Горбачев предложил Манделе согласовать новые сроки визита до конца 1990 года, но сделано это не было. Наконец, АНК объявил, что визит состоится в конце мая 1991 года, однако, как и в предыдущий раз, с этим объявлением поторопились, поскольку из Москвы подтверждения не было, а в самый последний момент, когда Мандела находился уже в Нигерии на пути в Москву, пришел отказ.

Хотя каждый раз в связи с отсрочкой визита Манделы выдвигались оправдывающие их причины, в основе таких задержек были политические мотивы: Горбачев и его ближайшее окружение сосредоточили свою внешнюю политику на узком круге «богатых» государств, в основном западных, в тщетной надежде на получение существенной поддержки провозглашенным тогдашним советским лидером реформам.

Анатолий Черняев, помощник Горбачева по международным делам, писал позднее: «У Горбачева был какой-то нюх на перспективных и «не нужных нам» деятелей... Он «замотал» свою встречу с Манделой, хотя и ученые, и мидовцы (правда, при некотором сопротивлении с моей стороны) не раз ему пространно доказывали, что это нужно сделать: весь мир тот объехал, везде – на высшем уровне, а в Москву так и не может попасть! Горбачев не верил, что, подпитывая АНК и снабжая его оружием, мы

содействуем правильному процессу в ЮАР. Не пресекал это дело «по инерции», руки не доходили. И понимал, что одно дело, когда Манделу принимают даже в Вашингтоне, а другое дело – в «красной» Москве, подозреваемой в экспансии коммунизма».

Но, очевидно, нюх у Горбачева был уж не настолько хорош: вскоре Мандела стал президентом ЮАР, а сам он бесславно покинул президентский пост. Слова Чернышева представляют собой типичную попытку «переписать историю». На самом же деле Горбачев долгое время поддерживал практически все просьбы АНК, будь то по политическим или военным вопросам. Он не только не прекращал содействия Конгрессу, но тепло принимал его лидера – Оливера Тамбо – в 1986 года в тогда еще действительно «красной» Москве в разгар рейгановской кампании против «империи зла». А в 1990-1991 гг., когда возник вопрос о приезде Манделы, уже вряд ли кто-либо мог заподозрить Горбачева в «распространении коммунизма».

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СССР И АНК В 1960-е -70-е ГОДЫ

А.Ю. Урнов¹

Сто лет – это срок! История в полном смысле этого слова. Кто старше? Ну, может быть, Индийский национальный конгресс, а кто еще? АНК – это действительно патриарх национально-освободительных сил и организаций Африки. Мне довелось познакомиться и начать работать с АНК чуть меньше полувека назад. В 1966 году я был утвержден референтом Международного отдела ЦК КПСС, и Юг Африки был сферой моей ответственности. К этому времени мы отказались от того, что можно назвать «пролетарским уклоном» в подходе ЦК КПСС к национально-освободительному движению, от старой позиции, которая сводилась к тому, что национально-освободительное движение – это дело справедливое, но руководить им должен пролетариат, и целью его должна быть пролетарская революция.

Началась новая политика. На международном коммунистическом совещании 1960 года крушение колониальной системы было признано вторым по своему историческому значению явлением после создания социалистической системы. Силы социализма и силы национально-освободительного движения были объявлены союзниками. То есть была выдвинута новая концепция мирового революционного процесса, не чисто коммунистического, пролетарского, а более широкого -антиимпериалистического.

При всем при том, национально-освободительное движение было разнородным и его отряды по своей политической ориентации были различны. В определенных случаях СССР мог выступать единым фронтом со всем «третьим миром». Напомню о знаменитой декларации «О предоставлении независимости колониальным странам и народам», о взаимодействии с Движением неприсоединения. Но, повторяю, с отдельными отрядами ситуация была разная. Некоторые сторонились нас, тяготели к Западу, к бывшим метрополиям, другие, напротив, исповедовали левые взгляды, тянулись к нам, были готовы к сотрудничеству. Возглавляли эти левые силы партии, которые в нашем политическом словаре и науке стали именоваться национально-

¹ *Андрей Юрьевич Урнов* – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Выдержки из выступления на конференции, посвященной 100-летию АНК 24 апреля 2012 г. (Сб. докладов, сделанных на конференции «АНК. От освободительного движения к правящей партии: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Институт Африки РАН, 2013).

демократическими, реже революционно-демократическими. С этими партиями КПСС устанавливала межпартийные связи. Некоторые из них находились у власти, другие продолжали национально-освободительную борьбу. Прямые межпартийные связи с ними устанавливались не всегда сразу. Довольно часто бывало, что сначала КПСС опосредованно сотрудничала с этими партиями через такую «палочку-выручалочку», как Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. И уже на следующем этапе устанавливались прямые связи.

Значительное число таких партий действовало в Африке. Понимание советским руководством и КПСС растущей роли и значения этих партий в революционном процессе нашло свое выражение в том, что в начале 60-х годов в Международном отделе ЦК КПСС был создан Сектор Африки. До этого вопросами Африки занимался сектор Ближнего Востока. Теперь и у нас Африка завоевала «независимость». Сектор этот возглавил Петр Иванович Манчха. Курировали сектор заместители заведующего Отделом – сначала Корионов Виталий Германович, а потом Ульяновский Ростислав Александрович. Ваш покорный слуга начинал работу референтом. Я окончил МГИМО, где специализировался по США. Первые пять лет своей работы в Отделе я в основном общался с коммунистами – американскими и английскими. Тематика и проблематика национально-освободительного движения, «третьего мира» были для меня внове. И я, грешным делом, когда пришел в сектор, недоумевал: есть же в ЮАР коммунистическая партия, зачем нужен еще какой-то Африканский национальный конгресс? Вскоре, впрочем, разобрался, что к чему.

Затрону тему взаимодействия южноафриканских коммунистов и Африканского национального конгресса. Это был совершенно уникальный союз. Полное единство взглядов по всем вопросам: на каком этапе находится антиколониальная революция, какие задачи необходимо решать, какими методами вести борьбу. Хотелось бы подчеркнуть, что южноафриканские коммунисты никогда не ставили под сомнение ведущую роль АНК в национально-освободительном движении Южной Африки. Они очень хорошо понимали, что только под руководством АНК может быть свергнут режим апартеида и устранен этот самый «колониализм особого типа» и – что не менее важно – что только под руководством АНК после свержения режима апартеида в стране может быть установлена настоящая нерасовая демократия. Они работали рука об руку.

Могут сказать, что в руководстве АНК было немало коммунистов. Это так. Назову М.Котане, Дж.Б.Маркса, М.Мабиду, К.Хани, Д.Тлуме. Все они входили в руководство и, конечно, влияли на политику АНК. Но АНК из-за этого не становился «красным». Социалистические лозунги никогда в АНК напрямую не выдвигались. Если это не так, пусть меня поправят. Это была национально-освободительная организация, и ее задача состояла в утверждении демократического принципа «один человек – один голос». Было и «обратное влияние». Известно, что У.Сисулу входил в руководство Коммунистической партии. Пишут, что и Н.Мандела был членом ЦК Компартии. Вопрос остается открытым. Думаю, что решение закрывать его или нет будет принято самим уважаемым Нельсоном Манделой. Так или иначе, сотрудничество было взаимообогащающим. Позволю себе сказать, что если Коммунистическая партия противодействовала возможному возникновению внутри АНК черно-расистских проявлений, то АНК, в свою очередь, противодействовал сползанию Коммунистической партии к левачеству. Это было очень плодотворный и, как показала история, очень результативный союз.

К вопросу о том, кто был в АНК главным. Я имел дело в основном с Оливером Тамбо. В то время остальные высшие лидеры сидели в тюрьме. Тамбо был сначала исполняющим обязанности Президента АНК, потом Президентом при живом Манделе. На встречах южноафриканских товарищей с участием Тамбо, свидетелем которых

я был, отношение к нему всегда было подчеркнуто уважительным, он для всех был «chief». В Компартии он точно не состоял. Однажды Тамбо признался нашему заведующему сектором, что «завидует коммунистам» – им все намного проще и яснее, а ему надо завоевывать поддержку сил самой разной политической ориентации, поэтому приходится иногда хитрить, иногда дипломатничать, всегда быть настороже.

Что касается форм сотрудничества, то, в общем-то, они известны, и о них говорил господин посол: помощь в подготовке кадров, в вузах много училось активистов АНК. Политической подготовкой занимался филиал Института общественных наук при ЦК КПСС, там же обучались борцы против португальского колониализма. АНК был нашим «конфидантом». Когда ЦК КПСС направлял письма братским и дружественным партиям, АНК всегда был в списке адресатов. И, конечно, АНК всегда приглашался на съезды КПСС и юбилейные мероприятия. Их было много в то время. Я посмотрел выступление Оливера Тамбо на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции. Он говорил: «На пороге последнего десятилетия XX века Великая Октябрьская Социалистическая революция продолжает оказывать решающее воздействие на ход событий в мире». Критикуя «империалистов», которые, по его словам, «испытывали патологический страх», что в результате грядущих перемен ЮАР станет «передовым демократическим государством», Тамбо заявил: «Там, где империализм не может контролировать демократию и манипулировать ею, он относится к ней, как к чему-то враждебному».

Когда Тамбо прилетал в Москву, его обычно принимал заведующий Отделом, Секретарь, потом кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев. Множество бесед проводилось на уровне заместителя заведующего Отделом. Причем я не припомню ни одного случая, когда были бы какие-то столкновения, споры, потому что программные цели, стратегические и тактические установки АНК всегда встречали понимание. И не могли не вызвать уважения и восхищения золотые слова из Хартии свободы, которые сегодня уже дважды или трижды цитировались: «Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет, – черным и белым». Пример истинного интернационализма.

Получило поддержку и решение о начале вооруженной борьбы. Не было расхождений в оценках развития международной ситуации, в том числе и по китайскому вопросу.

Я говорил о помощи: обучение в вузах, политическая поддержка, естественно, и военная. Упоминалось, что военные кадры АНК начали готовить в Одессе. Потом и в Крыму появилась целая база «Перевальное». Случалось и непредвиденное. Был военный лагерь АНК в Дар-эс-Саламе, и вдруг по какой-то причине танзанийское руководство решило этот лагерь закрыть, а людей девать некуда. Тревога. Большую массу людей воевать в Южную Африку не пошлешь. Доложили мы в ЦК, и в Дар-эс-Салам вылетели военно-транспортные самолеты, забрали всех ребят и привезли в Крым. Они были в некотором смятении. Мне довелось сопровождать в «Перевальное» Дж.Б.Маркса, который провел с ними разъяснительную работу, поднимал их боевой дух. Вооружение поставлялось, конечно, но с учетом характера сопротивления. Танков не давали. Давали легкое вооружение, взрывчатку.

Финансовая помощь. Было и такое. Один эпизод: я нахожусь с Оливером Тамбо в гостинице на Плотникове, в его апартаментах. Он пишет письмо в ЦК КПСС с просьбой о финансовой помощи. Цифру поставил и смотрит на меня вопросительно. Я взглянул, смотрю – мать моя – просит миллион долларов. Сумма огромная. Что делать? Но я решил промолчать. Посмотрим, что получится. Вопрос решался на самом верху. Дали триста тысяч долларов. Это тоже сумма немалая.

Еще КПСС приглашала представителей АНК на отдых и лечение. Тамбо направлялось персональное приглашение.Guestы отправляли в санатории и дома отдыха, организовывали поездки по стране. Ну, а общеполитическая поддержка в ООН и в других международных инстанциях – об этом даже и говорить не приходится.

Не удержусь, и пару слов скажу о Горбачеве. После тяжелейших первых лет запрета и подполья в 1980-е годы ситуация в ЮАР изменилась. Влияние АНК росло. Он набирал силу. А тут Горбачев. Первые два года все, казалось бы, шло нормально. Тамбо удостоился приема у Генерального секретаря ЦК КПСС. Владимир Геннадьевич переводил их беседу. В изданной в 1987 г. книге Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» было сказано очень много правильных вещей, даны верные оценки положения в ЮАР. А затем – разворот на 180 градусов. У меня такое ощущение, что наше руководство переориентировалось с АНК на белое правительство, решив, что по части реформирования южноафриканского общества оно располагает большими возможностями и будет действовать более конструктивно, чем АНК. Какая тут вооруженная борьба! Директор Института вспоминал грустную историю о том, как мы приглашали, приглашали, да так и не приняли Манделу. А ведь его весь мир на руках носил, десятки тысяч выходили на улицы его приветствовать, в том числе и в США. А вот Де Клерка собирались принять. Когда я был послом в Намибии, в конце 1991 года, мы получили ориентировку, что вынесено решение принять Де Клерка в Москве. Но случилось так, что по времени это совпало с Беловежской пущей. Так что и Де Клерку было не суждено в СССР побывать. Я не хочу ничего плохого о Де Клерке сказать. Есть разные мнения на этот счет, но я думаю, что он свою Нобелевскую премию заслужил. Тем не менее, две эти фигуры и как личности, и как политические деятели несопоставимы.

Вернусь к Тамбо. Человек он был до конца преданный делу. Только этим и жил. Не помню за ним никаких человеческих слабостей. Не пил, не курил. Эпизод. Сидим на Плотниковом переулке, вместе ужинаем, тосты, конечно, поднимаем за победу, за хороших людей. Оливер рюмку крутит, но не пьет. Манчха ему говорит: «Что ты ее все ласкаешь, гладишь, возьми ты ее наконец!». Тамбо посмеялся, но так и не выпил. Он заслуживал того, чтобы быть увековеченным. Я очень обрадовался, когда узнал, что международный аэропорт в Йоханнесбурге носит его имя.

Не могу не поклониться памяти и других африканских революционеров: М.Котане и Дж.Б.Маркс похоронены на Новодевичьем кладбище. К Хани. Я с ним виделся в Лесото. Потом он трагически погиб. Юсуф Даду – потрясающий человек! Руководитель Южноафриканского индийского конгресса. Он был по существу координатором лондонского центра сопротивления. Белые коммунисты – Дж.Слово, М.Хармел, Б.Бантинг. Слово был человек железный, блестящий организатор. Он непосредственно руководил вооруженным сопротивлением. М.Хармел был очень остроумным. Помнится в Москве, на бывшей даче Сталина, проводился закрытый пленум Центрального Комитета Южноафриканской компартии. Приехали все. Нет только Мозеса Мабиды. Все обеспокоены: что случилось? Куда он пропал? И тут Хармел говорит: «Да что вы тревожитесь? Ведь Мабида – это единственный зулус, который сегодня должен прибыть в Москву. Обязательно найдется». Нашелся. И, конечно, Альфред Нзо – Генеральный секретарь АНК, затем министр иностранных дел ЮАР. Вклад названных товарищей в победу над расистским режимом невозможно переоценить.

В сожалению, в конце 1980-х – начале 1990-х годов наше сотрудничество с АНК было во многом свернуто, но это не поколебало лидирующие позиции Конгресса, и он одержал полную победу на выборах в апреле 1994 года. Со всей ясностью подтвердилось: при всем значении внешней помощи главная сила АНК коренилась в народной поддержке. Спасибо.

**ПОБЕДА НАД РЕЖИМОМ АПАРТЕИДА.
КТО ВНЕС РЕШАЮЩИЙ ВКЛАД: АНК ИЛИ ОДФ?**

В.Н.Тетекин¹

В начале 1980-х казалось, что режим апартеида незыблем. Настолько была мощная система подавления, настолько несокрушимым был полицейский режим, что ликвидация апартеида казалась скорее теоретическим, нежели практическим занятием. Тогда никому в голову не приходило, что эта могучая машина подавления, которая растапывала соседние страны, которая сокрушала всякие признаки сопротивления внутри страны, может в один момент рухнуть. И, тем не менее, это произошло. Те маловеры, которые в начале 80-х годов говорили: «Вы напрасно теряете время, поддерживая АНК. АНК никогда не придет к власти», оказались посрамлены. АНК пришел к власти во главе широкого спектра демократических сил. Нам пытались объяснить, что мы неправильно понимаем ситуацию, что есть могучий Панафриканистский конгресс (ПАК). Оказалось, нет. При всем уважении к тем людям, которые искренне боролись в рядах ПАК, лидером сопротивления все-таки был АНК. И сегодня совершенно ясно, что именно он был ведущей силой национального, освобождения, потому что именно АНК сумел, взяв власть, уверенно повести страну дальше.

Что касается личных ощущений, то, может быть, это звучит необычно, но для меня это было очень романтическое время – время великих страстей. Наша советская действительность была в то время надежная, стабильная, но честно признаться, немножко скучноватая. Все было ясно, все было распланировано. А там, в Южной Африке, пылали такие колоссальные страсти! А какие люди!

Самое потрясающее, самое интересное – это калибр людей, с которыми нам приходилось встречаться в Москве и на международных мероприятиях за пределами Советского Союза. Это были потрясающе интересные люди. Я имею в виду не только лидеров, но и активистов АНК. Я потом пришел к выводу, что там был своеобразный естественный отбор. Те, кто были слабы духом, те, кто не были способны внести вклад в борьбу, они просто отсеивались по дороге. А наверх поднимались самые выдающиеся. Никакого бюрократического продвижения карьеры не было и быть не могло. Потому что, с одной стороны, была работа, а с другой стороны – потенциальная гибель, как минимум тюрьма. Поэтому люди поднимались наверх, становились руководителями, членами Национального исполкома АНК по заслугам.

Это были очень интересные люди: Оливер Тамбо, Мозес Мабида, Джо Слово, Джо Модисе, Ронни Касрилс, Эссоп Пахад, Альфред Нзо, Джо Нкадименг, тогда еще молодые Табо Мбеки и Крис Хани. У меня есть очень интересная фотография. Я ей горжусь. На этой же трибуне, чуть ли не с этим же микрофоном стоит будущий президент Южной Африки Табо Мбеки – совсем молодой, позади него стоит молодой переводчик в моем лице. Быстро меняются времена – Табо Мбеки уже бывший президент, а ваш покорный слуга еще движется вверх, неожиданно для себя даже став депутатом парламента.

¹ *Вячеслав Николаевич Тетекин* – д-р ист. наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации. В 1994 г. – международный наблюдатель на всеобщих выборах в ЮАР. Выдержки из выступления на конференции, посвященной 100-летию АНК 24 апреля 2012 г. (Сб. докладов, сделанных на конференции «АНК: От освободительного движения к правящей партии: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Институт Африки РАН, 2013).

Интереснейшие были люди. Поэтому поддержка АНК не была работой. Для меня это был тот идеальный случай, когда работа и хобби совпадали. Периодически, поскольку у нас был ненормированный рабочий день (делегации прилетали и улетали в любой день – и в субботу, и в воскресенье, и рано утром, и поздно вечером), мы брали так называемый «отгул»: отработал субботу-воскресенье, по закону тебе полагается компенсация в рабочие дни. В Комитете солидарности уже знали, что если я говорю: «Все. Я устал, больше не могу – беру отгул» – это значит, что я не к 9-ти часам утра на работу приду, а к 11-ти. Так много было интересного, что невозможно было сидеть дома. Ноги сами несли меня на работу.

Вспоминаю, что в течение многих месяцев я, находясь в Москве, говорил по-английски больше, чем по-русски! Потому что все время шел большой поток делегаций АНК. Не хвастаясь, скажу: мы делали много. У нас каждую неделю была по приглашению или транзитом делегация, которую мы принимали.

Я назвал несколько лидеров, с которыми у меня было счастье часто общаться. Но и рядовые активисты были не менее интересны. Подкупали их убежденность, страстность, одновременно глубокий интеллект, глубокое знание проблем Южной Африки и всегда потрясающее чувство юмора. У меня даже возникло подозрение, что продвижение в рядах АНК осуществлялось на основе чувства юмора.

Людей без чувства юмора я вообще не встречал в руководстве АНК. Вот, например, Томаса Нкоби. Огромный мужик, очень суровый, генеральный казначей. Он никому не должен был давать денег. Сбирать, но никому не давать. Все к нему ходили, требовали, а он всем отвечал: «Нет». Суровый был человек – не подходи. Но один раз я с ним попал в компанию. У него оказалось потрясающее чувство юмора. Он рассказывал истории такие и так, что я чуть живот не надорвал. А Джо Нкадименг – это театр одного актера! Он в лицах изображал, передавал интонации, выражение лица. Его можно было слушать часами! И одновременно это был беззаветный борец, один из первых бойцов вооруженных формирований АНК «Умконто ве Сизве», который прошел через все тяготы, пережил множество потерь. Его сын погиб на поле боя...

Я долго размышлял: кто все-таки сыграл ключевую роль в победе над режимом апартеида: АНК или ОДФ? Вы знаете, во время ситуационных анализов наши коллеги, иногда в попытках выдвинуть новую теорию, говорили, что есть противоборство внутри АНК между сторонниками жесткой вооруженной борьбы и теми, кто за политическое урегулирование. Утверждали, что те, кто ближе к компартии, – это одна категория, а те, кто ближе к другим структурам, – они более умеренные «националисты». Вокруг этого строилась теория. У меня это всегда вызывало смех, потому что я знал, что внутри южноафриканского подполья один и тот же человек мог одновременно быть одним из руководителей легальных профсоюзов, членом нелегальной политической структуры АНК, бойцом «Умконто» да еще и членом Коммунистической партии. И когда выдвигали эту теорию, я всегда напоминал о таких людях, которые «на поверхности» в течение дня работают в профсоюзах, а ночью с автоматом Калашникова идут на боевую операцию. Не было четкой разницы между подпольными и легальными структурами.

Когда я уже начал заниматься научной работой в этом направлении, я спросил Попо Молефе – руководителя Объединенного демократического фронта: «Удивительно, как у вас спонтанно возникали массовые общественные организации?». И действительно, в конце 80-х годов они вдруг начали создаваться в большом количестве: молодежные, женские, религиозные, спортивные, общинные организации. Попо Молефе посмотрел на меня и говорит: «Ага, спонтанно! Никак не спонтанно! Все происходило под руководством подпольных структур АНК. Мы получали указания от АНК, шли и организовывали «спонтанный» процесс». То есть связь между легальными организациями и подпольными структурами была очень тесная.

В своей книге «Африканист»¹ я описываю эпизод, когда я оказался в Южной Африке нелегально. Это было в мае 1989 года. Организовал все это действие известный ныне южноафриканский политик Вэлли Муса. Это произошло под руководством Объединенного демократического фронта. Меня принимали в Южной Африке и «втащили» туда именно они. Однако после того, как я благополучно из Южной Африки выбрался, а потом приехал в Намибию, мне один из советских дипломатов, тихонечко через несколько месяцев отведя в сторону, сказал: «На тебя жаловалось правительство Южной Африки, что ты, будучи в Йоханнесбурге, встречался с подпольными структурами АНК». Вот и разбери-пойми: вроде ОДФ, а на самом деле, по официальным оценкам, это АНК.

Ну и еще одна из зарисовок о «легальном-нелегальном» АНК. Я сейчас с огромным удовольствием читаю книгу воспоминаний об Уолтере Сисулу. У нас в общественном сознании символом освободительного движения является Нельсон Мандела. Это совершенно справедливо. Но с другой стороны, есть мощная, могучая семья Сисулу. Отец, мать, сыновья, дочь и внуки, все они участвовали в освободительной борьбе, все сидели в тюрьмах. Если Нельсон Мандела (может быть, не вполне корректное сравнение) из всей семьи участвовал в борьбе один, ну и еще его жена Винни, то семья Сисулу боролась против апартеида практически в полном составе.

Да и сегодня Макс Сисулу – председатель Национальной ассамблеи, его сестра Линдиве – член правительства. То есть их заслуги оценены по достоинству. Но я вспоминаю эпизод, когда Уолтер и Альбертина Сисулу приехали в Москву по приглашению Комитета солидарности стран Азии и Африки после его освобождения из тюрьмы, на отдых и лечение. Сидим в гостинице, обедаем. Уолтер Сисулу – один из руководителей АНК и Альбертина Сисулу – она тоже АНК, но и одновременно сопрезидент Объединенного демократического фронта. И между ними начинается политический диспут: кто же все-таки обеспечил создание революционной ситуации в Южной Африке? Альбертина, женщина, которая возглавляла легальную борьбу, когда все остальные были в тюрьме, говорит Уолтеру, которого она нежнейше любит (я читал их переписку из тюрьмы – потрясающая любовная лирика!): «Если бы не мы, ОДФ, еще неизвестно, где бы вы в вашем АНК были!». То есть роль массовых легальных структур была очень весомым дополнением к той борьбе, которую вели подпольные вооруженные структуры АНК. Я себе поставил эту задачу – исследовать, что все-таки оказало решающее воздействие – подпольные структуры или массовые легальные? И пришел к выводу, что невозможно провести грань. Это была уникальная комбинация подпольных и легальных структур. И надо отдать должное АНК – это было колоссальное политическое творчество. И надо подчеркнуть, что вся борьба АНК – проявление невероятного политического творчества. Это бесконечная тема. Ее можно развивать.

Хотел бы в заключение подчеркнуть, что все это происходило в самых тяжелых политических условиях второй половины XX века. Более сложной ситуации, более репрессивного режима на нашей планете не было. Нужна была величайшая поддержка со стороны народа, величайшая способность отвечать на запросы народа, величайшая способность к политическому творчеству, которую проявил АНК, чтобы противостоять этой чудовищной машине подавления – режиму апартеида.

Я счастлив, что мы сегодня отмечаем 100-летие АНК в условиях, когда уже 18 лет он находится у власти. Хочу пожелать нашим товарищам еще 100 лет проявлять такую же политическую изобретательность и творчество, которые они проявили в ходе борьбы за власть. До сих пор у них это получалось очень прилично. Надеюсь, что и дальше будет получаться еще лучше!

¹ Интервью «Казанского журнала международного права» с В.Н.Тетекиным о его книге публикуется в настоящем выпуске.

PAGES OF HISTORY OF THE RELATIONS BETWEEN USSR AND ANC

LESSONS FROM 100 YEARS OF THE LIFE OF THE AFRICAN NATIONAL CONGRESS

Mandisi Mpahlwa¹

Chief Albert Luthuli, President of the ANC from 1952 to 1967, said, when he received the Nobel Peace Prize in 1961, «many years ago my people extended a hand of friendship and what happened to that hand only history can tell». Of course that metaphorical hand of friendship was the welcome and warmth with which Africans received the first Europeans who came to settle in South Africa in 1652. We know that that hand was bitten by those to whom it was extended and what followed were epic wars that were fought and lasted two and half centuries, culminating in the final defeat of Africans in what became the last of those wars of resistance against colonial invasion and dispossession – the Bambatha Rebellion of 1906.

In the meantime, the 1884 Berlin Conference had intensified the colonial drive as it had carved up Africa among the various colonial and imperial powers. The situation in South Africa had become more complex as, in addition to the initial Dutch settlers who had assumed a new identity as Boers, it had seen the entry of the English, and conflicts with Africans on the one hand, and Boers on the other, with the Boers later leaving the initial theatre of this conflict – the Cape Colony – en masse through the Great Trek to settle in the northern parts of South Africa. More conflict between them was to follow when gold and diamonds were discovered where the Boers had settled. The pinnacle of this conflict was the Anglo-Boer War of 1899-1902 (now re-named the South African War) that ended in defeat for the Boers.

As the curtain was drawn on the Anglo-Boer War, and the Bambatha Rebellion was crushed, something of great significance took place that formed an important backdrop to the establishment of the African National Congress (then the Native National Congress). This was the historic compromise between the English and the Boers to establish a single territory with a National Government – the Union of South Africa – for whites only. Put differently, they buried their differences and united in maintaining and deepening the colonial subjugation of the Africans.

On the other hand the Africans, who had been fighting as different tribes and were defeated one by one, area by area, remained as such, fragmented and defeated. The venerable Sol Plaatjie captured that period as follows: «these were desperate times as the chapter of wars of resistance drew to a close, with many having already been displaced from their land to work in the new mines and factories that had emerged with discovery of gold and diamonds». A new educated elite of Africans had emerged, and religion had set in among them leading to new forms of expression such as publications, African Independent Churches, and early political organisation.

¹ *Mandisi Mpahlwa* – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of South Africa in the Russian Federation. Extracts from his speech made at the Conference at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Science, 24 April 2012 («АНК. От освободительного движения к правящей партии: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Институт Африки РАН, 2013).

But had Africans accepted their defeat and given up the fight against their colonial subjugation? The establishment of the ANC in 1912 became an emphatic no to this question.

Unity: A Weapon Against The Demon Of Tribalism In Defence Of African Independence

The African National Congress – then called the Native National Congress – at its very inception became a **platform for unity of the various tribes** and, in this way, struck at the heart of what had been a significant factor in the eventual defeat of the Africans which brought to an end the era of wars of resistance. On this basis, the launch of the ANC in 1912 also dealt a **blow to the core colonial strategy of divide and rule**. This new platform for unity extended **beyond the boundaries of South Africa**, with the launch of the ANC assuming a regional character as it was attended by **traditional leaders from Botswana, Lesotho, Swaziland and Zambia**, who were leading their own peoples' resistance to colonial conquest.

The launch of the ANC was, therefore, a **significant first step** that, in the face of defeat to an enemy with superior weapons, combined Anglo-Boer unity, and dispossession, **signalled the continuation of resistance to colonial conquest on a new basis and different forms of organisation**. It was a first step of great courage and vision and, thus, a great salute is due to those early pioneers and visionary African leaders: intellectuals, chiefs, clergy who, when we look back today, were very dynamic thinkers, activists, writers and organisers who established the first African churches, organisations and publications.

This was also an **act of great inspiration to the whole of the African Continent which made, and makes, Africans to claim the ANC as their own as well**.

One of the first struggles waged in this new phase of resistance was against the **1913 Land Act, poll tax and pass laws which were, together, aimed at completing the destruction of African independence** through dispossession of their land and livestock, and to ensure labour for the new mines and factories that emerged with the discovery of gold and diamonds. In this way the Africans were forced to sell their labour, with their source of livelihood taken away from them, and to earn the money to pay the new taxes that had been imposed. **These first struggles were, in essence, in defence of African independence**.

As we celebrate a hundred years of the life of the ANC, the first set of lessons to draw, which, perhaps, go a long way towards explaining the enduring character and long life this great organisation has had, consists in the powerful platform for broad-based unity across various tribes within South Africa, and with peoples beyond its boundaries. Furthermore, the emergence of the ANC provided, in the face of defeat and dispossession, a new instrument, a new basis and new methods for defence of African independence. It can, and should, be boldly said that these are qualities that have remained characteristic of the ANC throughout its one hundred year existence that we are today celebrating.

The ANC Becomes The Political Home For All Oppressed South Africans

As the wars and resistance had continued, other important changes were taking place within African society as, with the advent of mission schools, the influences of education and Christianity, as well as the discovery of gold and diamonds with the resultant emergence of new mines and factories, meant that social stratification within African society was taking place and, thus, over time, educated people, intellectuals, the clergy and the working class emerged; later still, as further stratification and class formation gathered pace, African

entrepreneurs and skilled Africans, all of whom confronted racially based restrictions in the pursuit of their interests, also emerged. **All of these class and social groups found, in the ANC, an organisational expression of their aspirations.**

One of the early attractions of the ANC was that it put itself up as a **Parliament of the African people** in direct counter to the all-white parliament established through the Anglo-Boer compromise and resulted in the Union of South Africa in 1910. However, the oppressed in South Africa were not only the Africans but **the Coloured and Indian people** such that as the struggle progressed, great convergence materialised in the struggles of all these groups, with **the ANC eventually becoming a home for all oppressed South Africans as well as those from among white society that identified with the struggle of the oppressed people, truly cementing the ANC's status as a Parliament for all South Africans.**

The ANC, therefore, had a historic mission that resonated with a broad spectrum of the oppressed and beyond and which, as one of the factors that gave the ANC a long life, resulted in an ever-widening theme, in almost outwardly moving concentric circles of an ongoing process of expanding and higher levels, of unity, and, perhaps, a further important lesson to harvest from the century of existence of this great organisation.

The ANC And The Working Class: A Strategic And Enduring Alliance Forged In Struggle

The struggle of the African people had, over the two and half centuries, revolved around land dispossession and was thus rural/ peasant based; the discovery of minerals led to very rapid industrialisation and the emergence of a working class and working class organisations. This development fitted in with the pattern of racial division that had taken shape in the broader society, with the white and black components of this class facing different conditions, a reality that worker organisations had to contend with very early. This resulted in **early debates around the relationship between class and national struggle which often after ugly discourse in the 1920's, resulted in recognition of the national question as the most urgent political question in the context of South Africa.** This laid the **foundation for the birth of an alliance between the National Liberation and Working Class Movements** which meant that, while working class organisations were concerned with shop-floor struggles and the struggle for socialism, in the context of South Africa, primary efforts would be directed at the objective of achieving national liberation.

This was the beginning of an alliance that was later formalised and became the bedrock of the struggle against Apartheid – the proverbial anvil and a rock between which it would be crushed. **For any industrialised society the centrality and power of an organised working class is well established and this was, thus, a crucial strategic achievement for the ANC which became the accepted leader of this alliance.** At different periods in the life of the ANC this relationship with communists and worker organisations came under attack such as when President Gumede visited the Soviet Union in 1927, when the Youth League was formed in 1943, and when the Pan Africanist Congress broke away in 1959, however it endured and led to **great achievements characterised as follows by President Oliver Tambo:** «Ours is not merely a paper alliance, created at conference tables and formalised through the signing of documents and representing only an agreement of leaders. Our alliance is a living organism that has grown out of struggle. We have built it out of our separate and common experiences», **and by President Nelson Mandela in 1995:** «It is a relationship that has detractors in abundance; a relationship that has its prolific obituary scribes. But it is a relationship that always disappoints these experts. Because it was founded in the struggle. It is written in the blood of many martyrs». Some of the leaders of our worker and liberation struggles – Comrades Moses Kotane, JB Marks and Ivon Jones – were laid to

rest in Novodevichy Cemetery here in Moscow. **This relationship became the foundation for later alliances with other organisations in the 1950's, as well as at the height of the Mass Democratic Movement in the 1980's which was epitomised by the emergence of the United Democratic Front, and stands out as one of the critical foundations for the resilience, long life and relevance.**

Evolution Into A Mass-Based And Dynamic Organisation

The ANC evolved from its early days of, almost, becoming an elitist organisation characterised by the dominant role of intellectuals, chiefs, the clergy and professionals, as well as methods of struggle that did not connect with the people, into a **mighty mass movement that was fighting people's struggles with them, providing leadership in action, working with different organisations, and formations of various kinds and purposes.**

It developed **ever-expanding forms and methods of struggle, became capable of responding to different situations, and adapting its methods to changing material conditions.** It thus became a living, dynamic organism that evolved with time and changing material conditions and was, very often, influenced by the various organisations and sections or groupings of society that it interacted with.

The economic hardships of the Great Depression of the 1930's, the impact and aftermath of the Second World War, as well as the intensification of oppression with the advent of Apartheid in 1948, introduced new militancy and dynamism in the ANC that led to the great mass struggles of the 1950's that culminated in the banning of political organisations in 1960, mass arrests of political leaders and brutal suppression of all forms of protest. These conditions that developed over the decade of the 1950's had, once again, and as had happened at the turn of the century with the crushing of the last of the wars of resistance, produced circumstances which resulted in the ANC **re-examining the methods of struggle in response to a new reality.** This is when underground and armed methods, as well as the international campaign to isolate Apartheid were added to its already rich arsenal of tactics.

The recovery from the setback of the 60's and 70's was long, hard and painful but was achieved as evidenced by **heightened «mass organisation, armed actions and the international isolation of the Apartheid regime in the 1980's, resulting in the ultimate triumph of the cause of democracy in the 1990's.**

The Freedom Charter – A New Vision For South Africa

At a time that we could refer to as the dark days, when there was yet no light at the end of the tunnel, when the intensity of oppression was deepening while the democratic forces had not yet gathered sufficient strength to bring about change, the ANC led a process towards developing a post-Apartheid vision for South Africa – **the Freedom Charter** – in 1955, which still remains relevant today, and became **the foundation for the new constitution of a democratic South Africa.**

This document, which was later formally adopted by the ANC, served to cement the ANC as a home for all South Africans as it responded to, and addressed the aspirations of every section of society, including white South Africans, as its pre-ambles reads: **«South Africa belongs to all who live in it black and white, and that no government can justly claim authority unless it is based on the will of all the people».**

It was a vision born out of a thorough-going democratic process of consultation with the people in the villages, farms, factories, offices, townships and everywhere over a period of one year, culminating in a mass gathering in which all the demands were reduced to a

single, comprehensive and coherent document that was adopted. This further enhanced and entrenched the status of the ANC as a parliament for all South Africans as they, in their different categories, could find in the document an expression of their aspirations.

It is worth noting, at this point, that the ANC drew up and adopted its first bill of rights, which preceded by many years the same development in the United Nations, in 1923, and, in 1943, when the Youth League was formed, the African Claims document, with a bill of rights, was drawn up and adopted.

All of these are evidence of an organisation that was imbued with vision and a far-sightedness that, at various points and times, served the struggle for liberation very well, with all the attendant difficulties and challenges that such struggles generally encounter.

The ANC As A Disciplined Organisation And A School Of Leadership

This great organisation was also blessed with great leaders, whose greatness derived from sacrifice, fighting with the people, a higher level of morality, longevity and steadfastness to the cause of freedom. We believe, however, that these great qualities of these great individuals were enhanced, or forged, in being part of an organisation that had particular characteristics. The ANC has for most of its life, been a disciplined organisation that functioned, and functions, on the basis of **core values, principles and a character that are well-defined in its constitution**; it functions on the basis of **properly constituted structures, processes and systems**, and these become **the basis of the conduct and activities of its members**.

Furthermore, through **depth of organisation** that consists in branches, regional, provincial and national structures, as well as the Youth, Women's and now Veterans Leagues, each with their own sub-structures, the ANC has **constantly developed and nurtured layers and layers of leadership**.

This gave the ANC one of its best qualities as an organism of constant continuity and change which allowed for inter-generational infusion and succession through a mutual process of influence that enabled the younger generation to influence the older generation while learning the best lessons from them. In this way the organisation was able to retain its best qualities while accommodating new ideas and adapting to new methods.

A further characteristic of the ANC, arising from what I have just described, as well as its nature as a broad based organisation which multiple interests are represented, is that it has always been a **platform for the contestation of ideas**, and out of this it has always been able to adopt the best policies, and became an organisation that always strives to achieve the best possible balance between its various, and often competing, constituencies and interests.

The ANC has, over its life, had extensive international exposure to, and engagement with, progressive and other forces throughout its existence and, in the process, learned the **best lessons from the experiences of others** to become a very wise and even sophisticated organisation.

All of these combined have given the ANC one of its best attributes as a resilient organisation capable of recovery from immense difficulties and setbacks as, on examination, its history reveals that it has had plenty of these.

Esteemed comrades and friends of the ANC and the people of South Africa, how do I bring this to a close, accepting that the study of an organisation that has existed over a hundred years as a united, strong, dynamic, cohesive, fighting and resilient organisation, is an immense undertaking that is fraught with attendant dangers, and risks,

of completeness and correctness of interpretation? What do I say, and what can I say, about, and to, such an organisation by way of drawing from its past and track-record, and projecting into the future?

The ANC And The Next Hundred Years

Firstly, the ANC stands as a unique organisation with a global footprint, extensive experience, a high level of wisdom and sophistication and yet remains an organisation that is **deeply rooted** in the masses of the people. This is a feature that it **needs to** defend with its life.

Secondly, the ANC has been an integral part of the global progressive forces, and the world we live in today which is highly imbalanced, shows that there is still a need for a progressive movement to fight the battles of today, and it must strive to remain part of the global progressive movement.

Thirdly, the most enduring slogan of the ANC has been «Mayibuye iAfrica», which means «Africa must return to its rightful owners», and, since attaining democracy and ascending into Government, it has had Africa as the first of its priorities in its foreign policy and engagement with the world. The ANC must retain this position for a long time to come as the road ahead for Africa is still long and hard.

Finally, and I have not said anything about this as the key focus, in celebrating the ANC centenary, has been to examine the entirety of its existence with a view to learning the best lessons from it, the ANC is, once again, facing new problems because of the new material conditions within which it seeks to fulfil its historic mission, problems that have not featured in most of its 100-year history. These are the problems of the last eighteen years as a ruling party, and which are crisply captured and articulated as follows:

- intra-organisational management, unity and cohesion have come under severe strain;
- the challenges of governance drain the organisation of its best human resources, leaving a gap in its structures;
- the still high levels of poverty and inequality have the potential to undermine or detract from nation-building;
- the economic hardships still faced by many Africans have the potential to fuel xenophobia by Africans against other Africans;
- the weaknesses of government at various levels, which are slowing down the process of achieving the objectives of the struggle for the majority who were victims of dispossession and oppression, point to the urgent need to invest in strengthening local government in particular.

As we celebrate the Centenary of the ANC we need, as we have had to do at different points in the course of our struggle, to find new and urgent responses to the new challenges that confront us.

We Dare Not Fail To Rise To This Challenge!

Amandla!!!

**ON THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN USSR AND ANC**

*Vladimir Shubin*¹

EVACUATING THE ARMY TO THE USSR

Soon after the Morogoro conference the ANC leadership, supported by the SACP requested that a delegation be received in Moscow. This request was granted, and the delegation arrived. It was headed by Oliver Tambo and included Duma Nokwe and Joe Matthews. By that time, the relationship between the ANC and the Soviet Union had become more diversified. Contrary to the views of many writers, Soviet military specialists did not train or advise the ANC in Tanzania or Zambia; this was done in the USSR. Moscow had also provided practical assistance in the operations in Zimbabwe, as well as appropriate back-up. This took many forms and included the supply of a powerful radio-receiver (mentioned above), airlifting food and medicine, a crash course for motor mechanics, and a one-year training course for nurses. «This last was of special importance as experience in Zimbabwe had revealed that the medical service available in MK was inadequate. Also, the provision of air tickets enabled the ANC to maintain international contacts, through visits like Tambo's to Algeria in 1968.

The Soviet Union arranged trips for ANC and SACP leaders to visit their cadres studying in the USSR. For instance, in July 1968 the CPSU Central Committee agreed to receive 'a member of the SACP CC Joe Slovo to conduct work among South Africans studying in the USSR. I was astonished 24 years later to read in an article in the Johannesburg *Sunday Times* that «in the Party jargon of the times «conducting work» meant nothing else but performance of special KGB assignments». The author, Boris Pilyatskin of *Izvestiya*, 'scoured the Kremlin archives' on a well-paid assignment for the *Sunday Times* trying – in vain – to find documents which would compromise Joe Slovo, Chris Hani and other prominent SACP and ANC members.» I am happy to inform Pilyatskin that, in anyone's jargon, 'conducting work' meant, in fact, meeting people, holding discussions with them, and canvassing their opinions. It is to the credit of the ANC and the SACP leadership that they maintained close contact with South Africans in the USSR and in other countries.

At that stage the presence of MK members in the USSR was secret, though sometimes secrets were not easy to keep. In June 1969, I visited Kiev, accompanying Mziwandile Piliso, who went there precisely 'to conduct work among South Africans', that is to see the students. The principal of the local nursery school explained that the attempt 'to disguise' the ANC members as Zambians was hardly successful, as genuine Zambian students were surprised that their supposed compatriots could not speak their vernacular languages.

Piliso was the first member of the ANC leadership whom I met after joining the staff of the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee in March 1969. I had earlier met rank-and-file members in Moscow, among them Joseph Nhlanhla, future Minister of Intelligence Services, and Max Sisulu, Walter's son, a future member of the South African parliament. Both of them were that year completing their master's degrees in economics.

The first ANC delegation I met was the one that came to Moscow after the Morogoro Conference, in July 1969, a month after the SACP delegation that participated in the International Communist and Workers' Parties Meeting. The SACP delegation was led by J.B. Marks, the Party Chairman, because Moses Kotane had suffered a severe stroke and had been brought to Moscow for treatment in the early hours of the morning of 1 January 1969.

¹ *Vladimir Shubin* – Professor, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science. Extract from the book «ANC. A view from Moscow». 2-nd edition. – Cape Town, 2008.

The members of the delegation were Yusuf Dadoo, Michael Harmel and a young activist registered as J. Jabulani.» Dadoo could stay for only a week as he was ‘wanted by the [ANC] Revolutionary Council.

The international gathering in Moscow was a partially successful attempt to bring together representatives of the communist parties. Too many were absent, not only the Chinese, but also those who did not want to quarrel with them, including the Vietnamese. A number of the participating parties refused to give full support to the documents of the meeting. But for the SACP the meeting was of the utmost importance: its delegation used the opportunity to develop bilateral ties with various parties. Part of the report of the delegation read:

A meeting was held with the [Soviet] Prime Minister, A.Kosygin. He was especially interested in the conditions of the mine-workers in South Africa. A verbal report was given to him on the subject.

He informed our delegation that the Soviet people are very interested in South Africa. He also said that they recognize that the South African struggle is probably the most difficult one in the world. He assured us of their total support of our struggle and invited us to ask for any support we may require whenever we need this».

Mike Harmel took an active part in the preparation of the meeting, and made a preliminary draft of the speech delivered at the plenary session by J.B. Marks, who also chaired one of the sessions. Joe Matthews was also there, this time as a representative of the Communist Party of Lesotho. He made a strong anti-Beijing speech, comparing the Chinese Communist Party with a ‘mad elephant’. It was widely publicised in those days of Soviet-Chinese polemics, although the name of the ‘CPL representative’ was not mentioned.

The ANC delegation in Moscow discussed the results of the Morogoro Conference, the renewed emphasis on the work inside South Africa, and the need to speed up the return home of MK fighters. New requests were presented, and new assistance was provided, particularly in training.

In the period immediately before and after the Morogoro Conference, which became known as ‘the era of the Lusaka Manifesto’, the ANC was faced with a new and worrying development. Some independent African states proposed compromises with the Pretoria regime, at the expense of the ANC. The Lusaka Manifesto on South Africa was approved by a conference of Eastern and Central African states in Lusaka in April 1969. The signatories confirmed that the liberation of southern Africa was their aim, while stating their readiness to normalise relations with colonial and racist regimes. They would urge the liberation movements ‘to desist from their armed struggle’ if those regimes recognized ‘the principle of human equality’ and the right to self-determination. The moderate tone of the manifesto was used by collaborationists such as President Banda of Malawi to justify their policy of a so-called dialogue with South Africa.

It was perhaps ironic that the three members of the ‘Unholy Alliance’ – Pretoria, Salisbury and Lisbon – felt themselves at that stage strong enough not to have to be concerned about concessions and compromises. The *African Communist* described the manifesto as ‘insufferably patronising and even arrogant’. This sharp criticism was also a response to ‘perhaps the most sinister phrase’ in the manifesto: that steps against South Africa had to be taken ‘even if international law is held to exclude active assistance to the South African opponents of apartheid’. (This was an inexplicable mistake by the African leaders concerned, as the position of the international community, expressed by the UN, specifically prescribed assistance to those fighting against apartheid.) However, the aspect of the manifesto that most disturbed the ANC and other liberation movements was the fact that decisions affecting the destiny of their countries and peoples were taken without their participation or their knowledge.

At the same time, ANC activities in African countries were faltering. After the failure in Zimbabwe, MK lost its capacity to operate from Zambian territory. Some of the Tanzanian leadership looked with suspicion on the presence of non-Africans and communists in the ANC. The influence of China was discernible at this stage, as Beijing was very friendly not only with Tanzania but also with the PAC, headed by Potlako Leballo.

Tanzania preferred all assistance to be channelled through the OAU Liberation Committee (headed by a Tanzanian), but in fact not everything was reaching its destination. For example, there were consistent rumours that some arms intended for liberation movements were re-routed to Biafra, whose attempt to secede from Nigeria was actively supported by Tanzania. In 1972, King Hassan of Morocco allocated one million US dollars to the ANC. These funds were channelled through the Liberation Committee, but the ANC received only five per cent of the promised sum. The same was true of assistance received by the OAU from US churches and intended for the ANC: only five per cent was actually passed on to the South Africans, and then with the stipulation that it be equally divided between the ANC and the PAC.

For many years the OAU Liberation Committee and many individual African states followed a strategy of attempting to impose unity on the ANC and the PAC and treating them as equally important. However, the position of these countries altered frequently, depending not only on changes of government but even on the appointment of individual government officials. In these circumstances, the ANC's approach was one of achieving 'unity on the battlefield' – that is, inside South Africa – rather than in exile. The ANC insisted that the problem should be solved by South African people and not imposed from outside the country.

The concerns of the ANC leadership were clearly expressed by Oliver Tambo and Alfred Nzo when they came to Moscow in April 1970 to participate in Lenin's centenary celebrations. They frankly described their growing difficulties, including the expulsion of ANC cadres from Lesotho and Swaziland and their detention in Botswana. Tambo was particularly concerned that many years of 'inaction', of staying idle in the camps, were 'breaking' the spirit of activists. He believed that the situation inside South Africa was explosive, but that Africans, without weapons for so long, were waiting for freedom fighters to return before starting the armed struggle. At the same time he was worried that the people's impatience might result in a dangerous unplanned uprising. The degree of people's readiness to fight was clearly overestimated by ANC leaders at that time, but they were correct in their concern about an uncontrolled uprising, even though it was not to occur until 1976.

In the wider context, the African continent was in a state of flux, with countries seesawing in their support for the liberation struggle in South Africa. When, for example, Tanzanian and Zambian relations with the ANC cooled, the organisation received very resolute support from the new Sudanese government formed after a military coup in May 1969. At some stage there was even an informal discussion between the CPSU and ANC representatives about the possibility of using Sudan as a base from which MK units would move south, even in the face of lack of support from other governments in the region.

Support from the Sudan, no doubt promoted by some influential ministers who were either members of the Communist Party or close to it, affected responses to the Lusaka Manifesto at a regional conference convened in Khartoum in January 1970. It became clear that the colonial and racist regimes were not going to show any goodwill, and the Khartoum conference decided 'to intensify by all adequate means' the national liberation struggle in Africa 'by making available all necessary facilities to liberation movements as would enable them to carry out the struggle'. Resolutions of the OAU Assembly convened in August-September 1970 also reflected this spirit.

The Soviet position on the Lusaka Manifesto was sceptical from the very beginning, and the Soviet delegation to the UN registered a number of reservations. In its opinion the time had not come for dialogue with colonial and racist regimes. The eradication of these regimes in southern Africa required not talks and persuasion, but concrete and effective action. However, in spite of the newly revised OAU position, contacts between certain African countries and South Africa continued; others, like Zambia and Tanzania, started to feel increasingly isolated. This affected the activity of the liberation movements based in those countries».

South African pressure was apparently one of the main reasons for a sudden decision to close ANC camps in Tanzania. Many believed that a negative role was also played by Potlako Leballo, who was a state witness at the trial of the supporters of former Tanzanian Foreign Minister (and former Chairman of the Liberation Committee), Oscar Kambona. Those in Tanzanian ruling circles hostile to the ANC used the suspicion that MK. cadres would support the alleged coup attempt as a pretext to convince President Julius Nyerere to curtail ANC activity, even if only temporarily.

At this critical moment, when not a single African country was ready to house the remaining core of MK, the Soviet Union was again approached. 'In July 1969 our headquarters received a notice requiring that the ANC vacate its military cadres from the Kongwa Camp within a period of 14 days', explained the report presented to the ANC NEC session in 1971. 'The reason given for this unprecedented notice was that our cadres in Kongwa had stayed so long that they had now become a security risk to the country. The order was somewhat dramatic: if the ANC was unable to infiltrate its MK cadres into South Africa – within 14 days – they would be sent to a refugee camp. 'In other words this meant the liquidation of Umkhonto weSizwe'. According to the report, fighters were sent on 'refresher courses' and, after these were completed, 'we were able to obtain permission for their return to Kongwa'. This had been facilitated by a meeting between Oliver Tambo and Julius Nyerere. But the reality was somewhat more complicated. Tambo was more straightforward at the Kabwe Conference: 'In 1969 as a result of complications that our movement faced in this region, we had to evacuate [most of] our army to the Soviet Union at very short notice. Our Soviet comrades then worked with us to prepare the comrades who returned home in 1972. Their urgent transportation by 'special flights' (Ilyushin-18 planes of the OKABON, the Independent Red Banner Special Purpose Air Brigade) relocated the MK fighters from Dar es Salaam to Simferopol and elsewhere in the USSR.

Initially it had been planned that they would stay in the USSR for a short time, but it soon became clear that there was nowhere for them to go and the ANC leadership had to request that their course of 're-training' be extended. The situation was difficult for the Soviet Union as well: it is one thing to arrange for the training of military cadres but another to maintain them on an almost permanent basis. Here, the SACP leadership again played an important role. At a later seminar in Tanzania in 1983 to commemorate the 80th birthday of J.B. Marks, Joe Slovo spoke of the 'terrible hardships in the Tanzanian bush in Kongwa ... there was a time when all seemed lost ... Those who lived through that period know that when things became really bad it was J.B. who was the one who came to face the music'.

Marks had 'to face the music' in the USSR as well – to face, that is, not very enthusiastic Soviets and even less enthusiastic South Africans. It was he who in 1970 had to explain to the Soviet political and military officials the need to prolong the stay of MK cadres in the USSR. Further, it was he who had to fly from Moscow to Simferopol to explain to the fighters that their leadership was not in a position either to send them home or to redeploy them anywhere else in Africa. The decision 'to allow the Ministry of Defence to prolong to June 1, 1971 the training of the South African cadets who are in the Soviet Union according to the CC Central Committee decisions of 1 September 1969 ... and of 29 May 1970' was taken on 20 July

1970.' Marks had to use all his moral authority and the high regard in which MK fighters held him to convince them to accept the need to stay longer in Simferopol. Some time later the problem was solved: some of the fighters were enrolled in Soviet universities or vocational schools, while others were finally returned to Africa. Algeria was the first to help the ANC. Also, as mentioned above, the attitude of the Tanzanian authorities improved.

THE USSR STRENGTHENS ITS RELATIONSHIP WITH THE ANC

Soon after my return from Berlin Joe Slovo asked on behalf of Oliver Tambo if a meeting could be arranged with Gorbachev in Moscow. It was felt that the high prestige then enjoyed by the Soviet leader could work to the advantage of the ANC. International perceptions of the ANC were changing rapidly. In May 1986, for example, the US for the first time officially described the ANC as a 'liberation organisation'. Slovo also said that Western attempts to influence Tambo had failed, as he was '100% on anti-imperialist positions'. The growing influence of the ANC made a meeting with Gorbachev feasible. Personal conditions were also favourable. Gorbachev was, at least initially, much more dynamic with regard to Africa than his predecessors: during 1986 he received six heads of independent African countries in Moscow.

The first (and last) discussion between the ANC President and the Soviet leader took place in the Kremlin on 4 November 1986. Tambo arrived in Moscow at the head of a strong ANC delegation, but at the meeting itself he was accompanied only by Thabo Mbeki. Tambo had flown to Moscow from Maputo, where he had attended the funeral of Samora Machel, who was killed when his Tupolev-134 plane crashed inside South Africa.

The circumstances of this tragedy are still to be fully investigated, as the report by the Margo Commission, appointed by Pretoria, was far from convincing. Soviet investigators were firmly of the opinion that some outside interference with the navigation of the plane had occurred. In the International Department, we tried to find out the truth at source, as it were, and Deputy Minister of Civil Aviation Vasin described to us how the plane had been lured off course by a false beacon. The Soviets were especially offended by the allegations made by Pik Botha about the supposed 'drunkenness' of the Soviet crew.' He claimed that in some cases there were traces of alcohol in their blood. Later he tried to explain away these assertions in the context of defending his country.

What is interesting is that Pik Botha and the South African authorities were ready to use every opportunity, even when inappropriate, to engage with the USSR. After the crash, a middle-rank official of the USSR Embassy in Maputo had to travel to South Africa to visit a Soviet flight engineer who had been admitted to hospital there. Botha immediately sought to make political capital out of this. He received the official personally and tried to use him to send a political message to Moscow. Pretoria was ready to maintain a position of 'political neutrality' in international relations and wished to establish relations and develop co-operation with the USSR in every field, including the marketing of gold, diamonds and other minerals. Pretoria also sent a senior official from the Department of Foreign Affairs to accompany the technical specialists who went to Moscow to investigate the black boxes that contained information about the fatal flight. (The Soviet Embassy in Mozambique mistakenly issued him with a visa without prior approval from Moscow.) However, the official met only a low-ranking Soviet diplomat, an attache or a third secretary, and then only informally, during the meeting of air-safety specialists. Later the South Africans tried in vain to find out what the Soviet response was to the matters raised by their so-called emissary.

There were also other attempts at opening contact, such as when the good offices of an Italian businessman, Giovanni Mario Ricci, were used to approach the Soviet Embassy in the

Seychelles. It was hardly coincidental that Craig Williamson, by that time a director of the Longreach Company (funded by South Africa's Department of Military Intelligence), should become a member of the board of Ricci's GMR Company.

At the Tambo-Gorbachev meeting, the latter gave evidence of sound knowledge of the situation in South Africa and the region. Even though he had no notes in front of him, he had studied all the material we had prepared for him. The discussion, intended to last 45 minutes, continued for an hour beyond that time, in an atmosphere of friendship and mutual understanding. There were no points of disagreement, with perhaps one exception: the ANC leader was insistent that Gorbachev visit southern Africa (he had already been invited by several countries, including Zimbabwe and Tanzania), but Gorbachev, while agreeing in principle, pleaded for 'revolutionary patience'. In their communique, the two leaders appealed 'to all who are interested in the peaceful and free future of the peoples of Southern Africa to collectively search for ways to solve the problems'. Gorbachev informed Tambo confidentially that P.W. Botha was 'knocking on our door through a third, even a fourth, party'. 'But,' he added, 'we are not in a hurry.' He assured the ANC President that any step in this direction in future would be taken only after consulting Tambo and his colleagues. Alas, he did not keep his word.

At the press conference which followed, Tambo reported: 'We emerged from that meeting strengthened by the knowledge that the Soviet Union stands firmly with us in the struggle for a united, democratic and non-racial South Africa, an independent Namibia and a peaceful region of Southern Africa. We draw immense satisfaction and inspiration from the fact that the Soviet Union is resolved to contribute everything within its possibilities and, within the context of our own requests, to assist the ANC, SWAPO and the peoples of our region to achieve these objectives. The Soviet Union is acting neither out of consideration of selfish interest nor with a desire to establish a so-called sphere of influence'.

Tambo's words did not accord with the fantasies of Stephen Ellis and his coauthor 'Sechaba', who used anonymous and highly dubious sources to describe Soviet intentions and policies after the famous Gorbachev-Reagan summit in Reykjavik in October 1986. The meeting was not the first between the two leaders, as they claim; neither did it 'set a groundwork for a comprehensive deal'. On the contrary, Gorbachev was greatly disappointed both by the failure to reach an agreement on the reduction of nuclear missiles and by the American interpretation of the talks. I witnessed how he criticised Reagan's behaviour in the strongest terms at his meeting with Tambo.

There was no 'redefining zones of influence' in Reykjavik and, contrary to the claims of Ellis and 'Sechaba', the Soviet government did not 'commit itself to withdraw its forces or to refrain from seeking the overthrow of the existing order [in South Africa], leaving the field to the USA and its allies on the ground'. One can only shake one's head at reading that South Africa was allegedly included in Reykjavik 'in the category of countries where the USSR would henceforth refrain from aggression' and that the Soviet Union agreed it would no longer 'throw its weight behind the effort by the ANC and the SACP to foment a revolution in South Africa'. In fact, the published minutes of the summit show that South Africa had not been mentioned at all in the Gorbachev-Reagan discussions.

The reality at that stage (the situation did change later) was exactly the opposite. The Gorbachev-Tambo meeting in 1986 not only symbolised a new, higher level of contact, but also resulted in a number of important practical steps. The day after meeting with Gorbachev, Tambo led his delegation to a meeting in the Soviet Ministry of Defence, where it was received by Army General Valentin Varennikov, then the First Deputy Head of the General Staff. (I met the General for the first time in Angola in January 1984, when he was inspecting the Soviet military mission and discussing the counter-offensive against UNITA with the Angolans and

Cubans. Later he became famous as one of accused in the Moscow 'Treason Trial' of the leaders of a so-called coup in August 1991. As distinct from all the other accused, he refused an amnesty granted by the Russian parliament in January 1994, and was later acquitted by a Military Collegium of the Supreme Court. Later he was an MP.)

Varennikov started the meeting with a half-hour lecture about the Soviets' desire for peace and readiness to reduce weapons. I got the impression that the General had neither read *Pravda* that morning nor been briefed by his assistants about Tambo's meeting with Gorbachev. So he was not aware that general questions of peace and disarmament had already been discussed with Tambo. 'Our military are the most peaceful people', I scribbled in a note to Joe Slovo. He nodded with a chuckle.

A comprehensive discussion took place between the delegation and officials of the International Department, which was headed at that stage by the CPSU International Secretary Anatoly Dobrynin. His appointment to this post in March 1986 to replace the 81-year-old Ponomarev rejuvenated the department. Dobrynin combined his internationalist and patriotic feelings with an efficiency no doubt acquired during his 25 years of ambassadorship in Washington. The two and a half years that he was in office, through to October 1988, were the best for the department.

Tambo and his colleagues wanted the USSR to strengthen its position and maintain a higher profile in southern Africa, and not leave the field to the Western powers. The visible presence of the USSR was needed, especially against the background of an increasing number of visits by representatives from other countries. They emphasised that a trip by Gorbachev to southern Africa would 'transform the situation', especially after Reagan had snubbed the leaders of the Front Line States by rejecting their invitation. In Joe Slovo's words, it would 'electrify the region. People are looking for the support of a friend.' Dobrynin promised to speak to Gorbachev again about this idea. He assured the delegation of the USSR's '100% support' for the ANC – and, 'if you want it, 120% support'.

At the same time, Gorbachev and Dobrynin fully supported the ANC proposal to explore the possibility of joint Soviet-American actions against apartheid. The USA had been forced to change its attitude to the ANC and it was now hurriedly trying to establish official contact. On 20 September 1986, Tambo had a meeting with Chester Crocker, which was a prelude to his meeting with Secretary of State George Shultz in January 1987. The US Ambassador in Lusaka was even interested in the shape of the table for future talks. Traditional hostility to the ANC had begun to melt, but the numbers game concerning SACP members in the ANC NEC continued, and the ANC's relations with the USSR were a permanent issue in discussions.

One of the questions raised by Dobrynin was whether Pretoria had atomic weapons. The delegation assured him that South Africa was in a position to produce them. The question of atomic weapons, naturally, worried those in the USSR who dealt with South Africa. It was Moscow that warned the USA and other Western powers about preparations for nuclear testing in the Kalahari in 1977. I am not aware if the top Soviet leadership had hard information about the actual production of bombs by South Africa, but certainly that possibility was always considered.

However, after the outgoing apartheid regime admitted producing six atomic bombs, some academics claimed that this nuclear capacity had played a major role in shaping developments in the region. Professor Renfrew Christie in his paper on South Africa's nuclear history advances this as 'an attractive hypothesis'. 'By threatening to test or to use its atomic bomb, South Africa had relieved itself of the Soviet-backed military threat which it had so long feared, and had saved itself the need to build a very expensive fighter aircraft.' He admits that there is not enough information to judge whether an atomic test threat was made by South

Africa in 1987, 'nor what effect it had on the war [in Angola] or on negotiations.' Nonetheless, he insists: 'The most likely understanding is that President P.W. Botha successfully used the threat of a nuclear explosion, in the process of getting Cubans to leave Angola. If this is true, Apartheid's atom bomb strategy paid off'. To the best of my knowledge, this was not so. The Soviet executive and other papers concerning talks on the Angola-Namibia settlement never referred to this as an issue of leverage. Regarding the Cubans, Jorge Risquet – in his preface to Piero Gleijeses's book on Cuba's involvement in Africa – writes: 'The Cuban government suspected that South Africa had nuclear weapons and it was on the basis of this belief that its tactical groups were formed and position and combat methods were selected'.

The mood of Tambo's delegation was upbeat, in spite of the regime's visible success in suppressing legal opposition. On 20 May, the ANC issued its latest 'call to the people': 'From Ungovernability to People's Power'. In particular, the ANC statement called for a general strike on 16 June 1986. To counter it, Pretoria re-introduced the State of Emergency (lifted the previous March) throughout the country. As Chris Hani explained, the regime managed to beat off the visible part of the flame of resistance, to weaken the emotional effect of events in South Africa on the international public, especially in the West. Prevented from mobilising resistance through mass rallies, the democratic forces had to concentrate on organisational activity in virtual underground conditions, mostly at the grassroots level. This created new problems for the regime: while the national leaders were well known and could easily be detained, the security forces, who had lost almost all their informants in the black community, were unable to cope with the lower echelons of resistance. The flame, extinguished on the surface, was in fact spreading more widely beneath it.

It is worth recalling how Chris Hani in 1986 envisaged the future of South Africa. My notes reveal that he thought the next government would be an ANC government or, rather, a government formed by the ANC, with some places in it allotted to organisations and individuals not connected with the ANC, including representatives of the white population. In his opinion, the main subject of future talks with the government would be the convening of a Constitutional Assembly. But at that time the ANC had not accumulated enough strength to force the government to start genuine talks. A meeting between the ANC and a group of National Party MPs was expected, despite its having been banned by P.W. Botha. The ANC would then explain in more detail its social economic policy.

After the meeting in the Kremlin between Tambo and Gorbachev, the official press release, agreed by both sides, declared that a political settlement in southern Africa could be achieved. It would need to be based on three major conditions: an end to Pretoria's acts of aggression against independent African states; the granting of independence to Namibia in accordance with UN resolutions; and the removal of the apartheid regime in South Africa as 'the primary cause of the conflict situation in the region.'

In January 1987, an ANC delegation led by Johnny Makatini, head of the International Department, visited Moscow to participate in the commemoration of the ANC's 75th anniversary. In his discussions in Moscow, Makatini indicated that while the USA and UK had become 'resigned to the reality' with regards to the ANC, he was convinced they had a 'hidden agenda'. This was to promote the 'Natal option' – Buthelezi – and to support the so-called Genscher initiative to convene a conference on South Africa of the Lancaster House type.

During Makatini's visit, the forthcoming opening of the ANC mission to the USSR was officially announced. This matter had been extensively discussed during Oliver Tambo's visit in November 1986. Philip Nel writes in his book on Soviet-South African relations: 'The clearest indication of the traditional Soviet uncertainty about the true potential of the ANC is to be found in the fact that the USSR only allowed the ANC to open an office in Moscow in

1986 ...Why did the USSR wait for so long? The obvious explanation is that the USSR was definitely sceptical about ANC claims that were not always a reflection of the real state of affairs. However, what was 'obvious' to a South African 'Sovietologist' was not obvious to the Soviets themselves.

The ANC leadership, and Tambo in particular, were cautious about a Moscow office, even after an informal ANC office was opened in Washington and the logical move would have been to have one in Moscow to balance the equation. Though Tambo always publicly acknowledged the role of the Soviet Union in support of the South African liberation struggle, at the same time he was concerned about the accusation that the ANC was a Soviet proxy. That was particularly the case because of his assumption that the office would be financed by the Soviet government. In the event, when the ANC mission was finally opened, it was financed through the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee by the non-governmental Soviet Peace Fund.

Years earlier, ANC representatives had informally raised the question of Anthony Mongalo, ANC representative in the GDR, being given representative status in Moscow as well. But this idea seemed strange to the Soviets. They were also unhappy when Alfred Nzo requested in January 1985 that Moscow accept an ANC representative with the limited function of maintaining contacts with South African students and relevant Soviet organisations. It was acknowledged that the handling of ANC students' affairs was not an easy task: in 1986, they were scattered in 14 cities in different parts of the vast country. However, it was felt that so limited an office would not only be detrimental to the ANC's prestige, but could also cause confusion about Soviet attitudes to the ANC. If the office was to be established, it would have to be a fully fledged operation. Probably encouraged by the positive processes in the USSR in 1985-6 and by the more assertive stance of the ANC in the international arena, Tambo finally made an official request for an ANC mission to be opened in Moscow.

From the very beginning the mission enjoyed all diplomatic privileges, even though it was accredited to an NGO, the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee. They included, for example, diplomatic immunity as well as the right to hoist the ANC flag on the premises and use it on the official car.

Unfortunately the ANC delayed the opening of the mission and in fact never used it to its fullest extent. Though originally two people with diplomatic status were to staff the mission (in addition to several Soviet employees), the head of mission was helped by a deputy for only a small part of the three years of his stay in the Soviet Union.

Steve Tshwete, who was a guest of the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee in May 1987, wrote in his report: 'The whole trip – from the beginning to the end – was one grand experience with the Soviet people whose depth of commitment to our struggle is immeasurable'. At the same time, he shared the Soviets' concern about an ANC office: 'The Soviet Solidarity Committee and other comrades I have met harped on the urgency of an ANC office in the Soviet Union'. After his arrival in Moscow in mid-November, the head of the mission, Siphosiso Makana, wrote to Alfred Nzo: 'Yesterday I was at the office of the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee... This [opening of the mission] seems to be a more serious affair than we have thought'.

Relations in the military field were also being strengthened at this time. From 1986, there was an increased number of ANC members coming for all kinds of training, including Military Combat Work – a highly specialised course for organisers of the armed underground. The letters MCW became very popular in MK and the ANC. A decision was taken in 1986 that an annual intake of 60 people should come for training in MCW and related subjects over a five-year period, to 1990. In fact, the intake was greater than was planned for.

In 1986, even before the Gorbachev-Tambo meeting, the first group of ANC members arrived for a full course for motorised infantry officers in Simferopol. Starting from 1987, full-course training (four to five years) was organised for the ANC in several fields in various Soviet cities: helicopter and later jet pilots, as well as aircraft engineers, in Frunze; naval officers in Baku; communications officers in Ulyanovsk; and political officers in Minsk. (By way of comparison, an officer's training course in the South African Defence Force lasted between six and twelve months.) Joe Modise had raised this issue earlier, but the usual rule in the Soviet Army was to train foreign personnel for the type of arms and equipment to be supplied. However, after Tambo's meeting with Gorbachev, an exemption was made for the ANC: the need to train an officers' corps for the future armed forces of a democratic South Africa became obvious, and we managed to persuade the Ministry of Defence to agree to this.

One more problem was discussed in Moscow during Tambo's visit: the need for the re-organisation of the ANC's security apparatus. By that time, the top ANC leadership and especially Tambo himself were worried that the security department could spin out of control (or indeed might already have done so). As has been seen, the situation in this field was critically assessed at the Kabwe Conference.

In recent years, much has been said about the incidence of malpractice committed by ANC security personnel, especially in Camp 32, or Quatro camp, in Angola. As an organisation, the ANC accepted collective responsibility for this. The conditions of underground struggle and the need to counter the enemy's penetration of ANC ranks created, if not a spy mania, at least a culture of suspicion. One of the ANC papers on security declared: 'Our guiding principle must be that «every new individual is 'suspect' until proved innocent». In another document, the use of force during interrogation was rejected, but for practical and not for ethical reasons: 'Force – poor technique as it may evict [*sic*] false information.' However, that paper was simply a summary of a US manual on the subject.

The ANC was often lenient in the punishment of offenders in its ranks. For example, I heard that Ellis's 'co-author', who camouflaged himself as 'Sechaba', was alleged to have been involved in financial irregularities involving thousands of Zimbabwean dollars. He was investigated and disciplined by being sent to a farm in Angola. He was allowed not only to appeal but also to go to Zimbabwe to collect his belongings. Instead, he sought refuge in the Canadian High Commission in Harare, later finding his way to the USA, following in the steps of Lennox Sebe's niece, Kave (as mentioned earlier).

Some 'experts' are fond of making the SACP a 'scapegoat' in these cases. In this respect Ellis and 'Sechaba' are in the forefront. They admit that 'the rank and file of Umkhonto weSizwe, including the mutineers [of 1984], generally commended the Party', but claim they did not know that the ANC security department 'was a Party fiefdom'.

It is not for me to judge when this or that action of ANC security was justified: the whole truth may come out only if and when the archives of Pretoria's security services are opened for inspection (that is, provided the secrets have not been shredded). But the documents which are already available show that the SACP (like the USSR for that matter) was actively concerned to prevent abuses.

On 29 November 1982, immediately following Moses Mabhida's return from Moscow, the SACP Central Committee Secretariat discussed at its meeting in Maputo 'the question of the method of interrogation in the MK'. Information (or at least rumour) of unacceptable methods of interrogation in the ANC had reached Moscow, and we raised the matter with him. Both then and later we reminded SACP and ANC leaders and activists of the tragedy of the Soviet Union, when some of its best people were lost during Stalin's days because of a spy mania. At the next meeting of the SACP Secretariat it was decided: 'The question of interrogation in our camps to be further looked into.' The matter was referred to the SACP

Politburo, which took a decision: ‘Luanda delegation to discuss this question further with selected comrades’.

During his visit to Moscow in November 1986, Oliver Tambo, in the presence of Joe Modise and Chris Hani, repeated a request forwarded earlier for a Soviet security expert to be sent to the ANC in Angola. For one reason or another, the Soviets declined to respond. I still believe that was a mistake, because such an expert could have exerted a positive influence on the practices of the ANC. Ronnie Kasrils writes in his book: ‘Whatever might be thought about interrogation methods in communist countries, I found that Soviet and East German training emphasised the need to depend on brain work and not beating to arrive at the truth.’ For a number of years, ANC security personnel were trained mostly in the GDR. If any blame is to be laid at the feet of their instructors, it is perhaps that they were not sufficiently insistent that ANC cadres should never use methods typically used by the South African regime and (unfortunately) by some independent African countries as well.

It was no accident that Tambo requested new personnel to be trained in the security field at the precise time when changes in the NAT (the ANC’s Department of Intelligence and Security) became imperative and he was keen to rid the organisation of the blunders and abuses of the past. Soon after Tambo’s visit to Moscow in February 1987, the National Executive Committee finally decided to reorganise the ANC security service: ‘The present Directorate of NAT will be dissolved, effective as from the date the Presidential Committee formally announce it.’ That announcement was to be made on 20 February. The top officials of the department were informed that they would all (with the exception of Sizakele Sigxashe) be transferred to other missions. In particular, Piliso, who headed the department after Makana, became head of the Department of Manpower Development.

Almost simultaneously, in January, Tambo announced an amnesty for ‘those who were expelled and have now recognised their errors and wish to return to the field’. A reduction in the term of sentence or, in some cases, a reprieve was recommended ‘for prisoners and other detainees’.

The most amusing of the claims made by Ellis and ‘Sechaba’ is that in September 1987 the Angolan government offensive against the SADF-backed UNITA was ‘supervised in part by a Soviet General Konstantin Shaganovitch’. In the first place, the term ‘supervised’ does not correctly express the role of Soviet military advisers and specialists in Angola, but, leaving that aside, the fact is that in the early 1980s there was a Soviet General in Angola whose name was Vassily Shaklinovich, who was a Chief Military Adviser. Moreover, Soviet documents captured by South Africans during their invasion of Angola and published as an addendum to the Denton Report in Washington did contain a reference to ‘Chief Military Adviser in the People’s Republic of Angola Lieutenant-General V.Shaklinovich’, dated April 1980. The General left Angola for the USSR the same year and died shortly thereafter in Moscow. The obituary was duly published in the Soviet official military newspaper *Krasnaya Zvezda* (Red Star), but apparently neither SADF personnel nor their friends read it. One of Shakhnovich’s successors was Colonel-General Konstantin Kurochkin. So it seems that Ellis managed to merge someone dead with someone alive. Kurochkin himself left Luanda in 1985, though he later visited Angola several times ‘on an invitation of the President’. So, if *Comrades against Apartheid* is fact, what is fiction?

But Ellis was not alone. Fred Bridgland, a leading British journalist, used ‘General Shaganovitch’s offensive’ as the title for a section of his book describing military actions in Angola. The non-existent Konstantin Shaganovitch, according to Bridgland, was ‘a known chemical warfare expert’, and this is used to substantiate the claim that the Angolan Brigade that faced the SADF had ‘chemical weapons in its armoury’. The same author invented one more Soviet, namely Shaganovitch’s subordinate ‘Mikhail Petrov, first deputy on the Soviet

Politburo in charge of counter-insurgency policy'. There was no such post, and in any case nobody in the Politburo would have been specifically in charge 'of counter-insurgency policy'. Perhaps Bridgland meant Marshal Vassily Petrov, Commander-in-Chief of the Soviet Ground Forces and later the First Deputy Defence Minister. If so, Petrov was first and foremost in charge of regular warfare, and could by no stretch of the imagination be described as junior to 'Shaganovitch'.

Chris Louw, prefacing his interview with Ellis, wrote: African National Congress leaders in exile more than once found that next day after a secret meeting the editors at *Africa Confidential* were fully informed of what had been discussed behind closed doors. Louw does not indicate a source for this intimate knowledge of the mood of the ANC leaders, but in any case the reality was quite different.

Ellis had become editor of *Africa Confidential* in August 1986. The level of the journal's 'knowledge' from then on is reflected in an article on the ANC, published on 10 December of the same year. It contained distorted information on virtually every member of the ANC Executive Committee. Alfred Nzo was wrongly described as 'a recipient of the Lenin Peace Prize'; Pallo Jordan became an 'SACP member'; Joe Nhlanhla was 'currently Chairman of the ANC Youth League' (which had been defunct for over 25 years) and 'one of the 1976 generation' (despite having left South Africa in the mid-1960s). Josiah Jele's first name was 'unknown' to *Africa Confidential* despite his involvement for over 15 years in the international activities of the ANC. *Africa Confidential* also referred to him as 'apparently SACP Secretary General',» although Joe Slovo had just been elected General Secretary at a meeting of the SACP Central Committee in Bulgaria in November-December 1986. His post of National Chairman was allocated to Party veteran Dan Tloome. At the written request of the SACP, Slovo was relieved of his duties as Chief of Staff of MK in February 1987 by the ANC National Executive Committee, so that he could 'devote more time to his responsibilities as General Secretary of the SACP'.

The 'confidential' nonsense about the ANC spread by *Africa Confidential* was part of a broader campaign orchestrated against the ANC. *The Problems of Communism* magazine, put out in Washington by the US Information Agency, published an article by another 'expert', M Radii, already mentioned previously. Apparently Radu was highly regarded by the US establishment, because the agency reprinted and widely distributed his article. In it he described Chris Hani as 'a veteran of the Soweto riots', and Nelson Mandela as the 'de jure President' of the ANC from the 1960s».

In spite of the propaganda onslaught and Pretoria's pressure, the position of the ANC in Africa was improving. In discussions with the Soviets, leaders of the Front Line States were demonstrating their increased sympathy for the ANC and showing a greater commitment to help it. When Robert Mugabe was in Moscow in June 1987, he confidentially informed Gorbachev that Zimbabwe had started facilitating MK crossings into South Africa. The Tanzanians, too, again opened some military facilities for the ANC. They also helped transport ANC cadres to some forward areas via flights from Dar es Salaam which avoided Mozambican territory.

The ANC was slowly and cautiously increasing its presence in Mozambique. While the quota often was officially maintained, by mid-1986 about a hundred activists were based in Mozambique. Before his death Samora Machel suggested that, in the event of problems, the ANC representative should make direct contact with the Central Committee of Frelimo, effectively sidestepping the Ministry of Security'. However, the Mozambican position remained unstable and unpredictable. In December 1986, the new Mozambican President Joachim Chissano met Oliver Tambo. Although the discussions with Chissano were friendly, the Mozambicans suddenly informed the ANC that Pretoria had demanded the deportation of

most of the ANC office staff in Maputo, including Jacob Zuma, Indres Naidoo, Sue Rabkin and Bobby Pillay (Sonny Singh).

A dramatic improvement in Beijing's attitude to the ANC and SACP was apparent in the mid-1980s. A Chinese delegation visited Zambia in November 1985 and agreed to supply the ANC with uniforms and small arms, and offered to train its cadres in China. The Chinese met Joe Slovo in his capacity as the SACP Chairman and invited him to China, having expressed regret that for 20 years there had been no contact between Beijing and the SACP. In September 1986, Slovo headed an SACP delegation to China and relations were restored. At Slovo's request on the eve of the visit, a specialist on China from the CPSU International Department came to Lusaka to brief the SACP group.

Meanwhile, the relationship between the USSR and the ANC was continuing to develop in a number of ways. Apart from general political delegations, several specialist delegations were received; for example, there was one on education. In March 1987, an important seminar of social scientists took place in Moscow. Among its participants were the ANC Executive members Dr Pallo Jordan and Siphosiso Makana, and several prominent South African researchers, including Dr Ivy Matsepe-Casaburri, now South African Minister of Communications.

The ANC received assistance in improving communications between its units in different areas, a need long recognised by Soviet specialists. On one occasion, when an ANC delegation was in Moscow, the Soviet military organised a communications demonstration in one of the ANC special flats to illustrate the need for the ANC to request more sophisticated equipment. 'This is the first time', Slovo whispered to me, 'that I've heard of people begging others to request goods from them for free'. The formal request duly followed and the ANC was supplied with a multitude of radio installations, from truck-mounted equipment for reliable long-distance communication between, say, Luanda and Lusaka, to sophisticated portables for use in the underground. Special equipment to ensure the safety of communications was also provided. Jackie Molefe, the ANC head of Communications (Jackie Sedibe, later Major-General in the SANDF) and her deputy spent several weeks in Moscow for consultations relating to this project.

Various other visitors continued to come to Moscow, such as an ANC activist whose passport name was Peterson, who arrived on 24 June 1986 for medical treatment. This was none other than Gordon Webster. He had been arrested and wounded while carrying out an ANC operation, and was in police custody in hospital. In a daring escape, he was 'kidnapped' by his fellow fighter, Robert McBride, Webster had two bullets in his body and, though his condition improved in the Moscow Hospital, doctors remained hesitant about removing the bullets from his chest. Webster was determined to return to South Africa, which he did, and he was arrested again.

While these contacts were occurring in 1986 and 1987 and relations between the USSR and the ANC were being conducted on ever higher levels, reports by foreign academics and journalists began to appear which suggested a rift between them. The first of these was largely the consequence of a paper presented by Professor Gleb Starushenko, then Deputy Director of the Africa Institute, at the Second Soviet-African Conference in June 1986. Speaking strictly in his personal capacity, Starushenko called for 'comprehensive guarantees for the white population' in South Africa. This private initiative by Starushenko was quite acceptable within the process of democratisation of both political and academic life then taking place in the USSR. Some of his proposals were realistic, even though they contradicted the existing public positions of the ANC. Others were whimsical and uninformed, such as a proposal for a chamber in a future South African parliament 'possessing the right of veto, on the basis of the equal representation of four communities'.

Starushenko's paper and an interview subsequently given by another former Deputy Director of the Africa Institute, Victor Goncharov, provided a feeding frenzy for foreign 'Sovietologists'. Speculating on whether or not Kremlin leaders approved Starushenko's remarks on white minority rights became a fashionable occupation. *The Soviet Review*, published by the Institute of Soviet Studies at the University of Stellenbosch, commented in 1987: 'Since taking power, Gorbachev has been using academics more and more for foreign policy purposes, often as vehicles to introduce new ideas (see for instance Starushenko's and Goncharov's ideas about South Africa). In reality, however, neither Gorbachev, nor any other significant political figure 'in the Kremlin' or beyond its walls, either knew about or was interested in 'Starushenko's and Goncharov's ideas'.

The Soviet Union's open support of the ANC, including armed struggle, was again underlined at a very high level in November 1987 when Andrey Gromyko, the Soviet Head of State, presented the Order of People's Friendship award to Oliver Tambo in a ceremony in the Kremlin. We felt that it would be a proper occasion to restate the Soviet position on the ANC, and the armed struggle in particular, and drafted Gromyko's speech accordingly.

Following the third Gorbachev-Reagan summit in Washington in December 1987, the CPSU Central Committee sent a confidential letter to the ANC and other friendly organisations which assured them: 'While discussing the problems of regional conflicts and other issues with Americans we have stressed the point that our aspiration for a dialogue with the US by no means should be construed in such a way that we give up the solidarity with the liberation struggle of peoples or ignore the interests of the developing countries. Never and under no circumstances shall we deviate from the course of supporting the right of nations for independent development, never shall we go for any accord with Americans at the expense of or to prejudice the peoples of developing countries. For us solidarity with those who struggle for national liberation, against imperialism and neocolonialism, remains a permanent factor which is not influenced by the temporary changes'.

The Soviet position with regard to a political settlement in South Africa was elaborated by Gorbachev in a speech at a dinner in honour of Joachim Chissano in August 1987. Gorbachev's words led to some speculation that he was announcing a departure in policy, but this was not the case. He said inter alia that 'we don't believe in the thesis «the worse the better». There is no doubt that the elimination of racist rule by means of a political settlement is in the interests of all the people in South Africa, black and white. We should seek and find the ways which lead to such a settlement. It is time for Pretoria to understand that too. We are in need of new ideas, a new approach and collective efforts'.

Some South African and Soviet academics latched on to this supposed departure from previous policy, which they alleged followed the principle 'the worse the better'. Vladimir Tikhomirov, then from the Africa Institute, commented later that officials of the International Department had not been consulted and that 'the new shift in Soviet policy towards Southern Africa came quite unexpectedly for both the CPSU bureaucrats and the ANC-SACP leaders'. However, there was no need for 'CPSU bureaucrats' to be consulted, because the International Department was in fact a coauthor of Gorbachev's text. When the first draft came from the Ministry of Foreign Affairs, various changes, modifications, deletions and additions were made in the usual way. Nevertheless Gorbachev's key phrase – 'We don't believe in the thesis the worse the better' – did indeed come from the Foreign Ministry. Its origin, however, lay further afield, in the Soviet Academy of Sciences. Its author was Professor Apollon Davidson, mentioned previously.

As for its being a surprise to 'the ANC-SACP leaders', the truth was quite the opposite. The 'closed door' multilateral consultations involving the ANC, Cuba and the Soviet Union which had been mooted earlier finally took place in Moscow in September 1987, and proved

PAGES OF HISTORY OF THE RELATIONS BETWEEN USSR AND ANC

again that there was a commonality of vision on all major issues, including the approach to political settlement. Tambo had expressed the need for these tripartite talks soon after his meeting with George Shultz in January 1987. The ANC President had come away from that meeting satisfied by the US administration's formal recognition of the ANC, but he was worried that the USA wished to be the only mediator in future talks.

The ANC delegation to the Moscow meeting included all the senior office-bearers of the organisation. The approach to political settlement was one of the major subjects discussed. Tambo and his colleagues described in particular the offers of various parties to be mediators or intermediaries between the ANC and Pretoria.

The 'talks about talks' process was far from smooth. When the question of the exchange of prisoners was discussed at the ANC Working Committee in March 1987, for example, Johnny Makadni and Pallo Jordan suggested that Hendrik W van der Merwe be used to sound out Pretoria's position, but proposed that this be followed up by a neutral government. 'Botha repudiated Van der Merwe last time. He could do likewise on this occasion,' Jordan commented.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЮЖНОЙ АФРИКОЙ

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЮАР

**ПОЛИТИКА ГОРБАЧЕВА – ШЕВАРДНАДЗЕ ПРОТИВОРЕЧИЛА
НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ СССР**

В.Г.Солодовников¹

«Перестройка», начатая М.Горбачевым, в конечном счете привела не только к разрушению Советского Союза и глубокому кризису России, но и к ослаблению позиций нашей страны в мире, в том числе и в Африке. Как известно, отношения между СССР и африканскими странами в 70-80-е годы развивались динамично. Вопреки распространявшимся в годы «перестройки» утверждениям об обременительности для Советского Союза сотрудничества с Африкой, оно имело взаимовыгодный характер.

Весьма перспективными с точки зрения не только политических, но и потенциальных экономических интересов СССР представлялись взаимодействия с группой стран Юга Африки, в деколонизацию которых СССР внес ощутимый вклад. Однако подлинно широкое развитие связей СССР с этим регионом могло начаться лишь после ликвидации апартеида в Южной Африке.

Принципиальный курс СССР на активное сотрудничество с АПК и его союзниками пользовался поддержкой не только внутри самой Южной Африки, но и во всем мире, в том числе среди демократической общественности западных стран, где существовали национальные движения и комитеты против апартеида.

К концу 80-х годов обозначились реальные перспективы политического урегулирования на Юге Африки. В ноябре 1989 года в Намибии состоялись всеобщие выборы. На март 1990 года было намечено провозглашение ее независимости. Появилась реальная перспектива переговоров между правительством ЮАР и демократическими силами Южной Африки во главе с АНК. Но именно в это время руководство СССР сделало поворот от политического сотрудничества с АНК и его союзниками на развитие отношений с правительством апартеида в Южной Африке. А после 1991 года те, кто формулировал внешнеполитический курс России (Ельцин и Козырев), с еще большим упорством продолжали эту ущербную для нашей страны политику в отношении Южной Африки.

Российским историкам, в том числе африканистам, еще только предстоит ответить на вопрос: почему группа Горбачева – Шеварднадзе – Яковлева, определявшая в конце 80-х годов внешнеполитическую стратегию СССР, отошла от многолетней линии на поддержку АНК и ЮАКП, взяв курс на постепенное свертывание отношений с ними и на развитие связей с правительством белого меньшинства, время существования которого было на исходе? Ведь это в конечном счете привело к резкому ослаблению, а затем и к полной утрате Россией влияния на урегулирование положения в ЮАР. И это происходило в то время, когда

¹ *Василий Григорьевич Солодовников* – член-корреспондент РАН. В 1961-1964 годах – заместитель Постоянного представителя СССР при ООН. В 1964-1976 годах – директор Института Африки АН СССР. В 1976-1981 годах - Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Замбия. Кавалер ордена Сподвижников Оливера Тамбо (ЮАР).

США, начиная с 1986 года, стали ужесточать экономические санкции против ЮАР и налаживать контакты с АНК. Ведь уже было ясно, что время расистского режима подходит к концу и во главе будущей Южной Африки встанет Н.Мандела. Где искать ответ – в Москве или в Вашингтоне? Ответ можно получить только, повторяю, после опубликования архивных материалов МИД СССР и ЦК КПСС.

Интересы нашего государства тогда не требовали от Министерства иностранных дел снижения уровня сотрудничества с АНК и его союзниками и тем более переноса акцента на контакты с правительством Претории. Я понимал, что ничего хорошего для нас тайные контакты МИД с правительством Претории принести не могли, а ущерб от них для России может оказаться немалым.

В трех обращениях (это письма и аналитические записки), направленных министру иностранных дел СССР, я изложил свою точку зрения на политику советского руководства в Южной Африке, которая отражала также мнение значительной части советских ученых-африканистов, общественных деятелей, дипломатов и ряда политических и общественных структур. Поэтому надеюсь, что эта публикация может представлять интерес для исследователей внешней политики СССР и, в частности, истории советско-южноафриканских отношений.

Первые встречи между советскими и южноафриканскими дипломатами, на которых обсуждались отношения между СССР и правительством ЮАР, начались в рамках Международной контактной группы по намибийскому урегулированию. Советская и мировая общественность узнавала об этих встречах, как правило, из сообщений западных средств массовой информации. Наши участники этих встреч хранили молчание, наивно полагая, что их содержание останется в тайне от советской и международной общественности. Расчет был на создание «доверительных отношений с Преторией», и он изначально строился на песке, ибо южноафриканцы стремились использовать эти контакты в своих, прежде всего пропагандистских, целях. Умышленная утечка информации об этих «закрытых» контактах между дипломатами СССР и ЮАР всегда исходила от южноафриканской стороны. Эта утечка информации была выгодна для нее: у лидеров АНК такого рода «конфиденциальные» связи вызвали подозрения в отношении искренности СССР в поддержке АНК и его союзников.

Чаще всего в связи с этими тайными встречами упоминалось имя заместителя министра иностранных дел СССР А.Л.Адамишина. Само собой понятно, что Адамишин мог проводить подобные встречи только с согласия главы МИД СССР Э.А.Шеварднадзе.

В Советском комитете солидарности обсуждались эти «секретные» переговоры посланцев Шеварднадзе с представителями режима апартеида за спиной АНК. Но мы возражали не против обсуждения как такового советскими и южноафриканскими дипломатами отношений. Более того, мы считали, что такие обсуждения могли бы быть полезными, если бы на них южноафриканской стороне излагалась подлинная позиция СССР, которая состояла не в том, чтобы (как это писали западные и южноафриканские газеты) завоевать Южную Африку и поставить ее в зависимость от СССР, а в том, чтобы оказать содействие демократическим силам Южной Африки в ликвидации системы апартеида и в создании демократического, нерасового общества. Если бы об этом велись переговоры, то непонятно, зачем их нужно было скрывать от международной и советской общественности и тем более от АНК, которому Международный отдел ЦК КПСС и ряд советских государственных и общественных организаций продолжали оказывать политическую и материальную поддержку? Очевидно, у руководства Министерства иностранных дел были основания утаивать сам факт таких встреч и цели переговоров. Не только руководство АНК, но и мы – активисты Советского комитета солидарности – считали, что некоторые представители советского руководства вступили в контакты с режимом апартеида за спиной АНК и его союзников.

По высказываниям министра Э.А.Шеварднадзе (в частности, по его ответу на мои обращения) можно сделать вывод, что тогда МИД СССР стал проводить «политику равноудаленности» от АНК и его союзников, с одной стороны, и от режима апартеида – с другой. Такую недалновидную политику руководства МИД можно объяснить полным непрофессионализмом, если только в этом не было злого умысла против интересов нашего государства.

Западная и южноафриканская пресса тогда много писала об этих встречах как о свидетельстве отхода руководства СССР от традиционной поддержки АНК и его союзников. Цель этой газетной шумихи была очевидна. Она была направлена на то, чтобы убедить борцов против апартеида в том, что СССР предал их, и чтобы они искали поддержку на Западе и поэтому были более дипломатичными на переговорах с правительством белых. Со стороны МИД СССР не было официальных разъяснений о причинах тайных встреч дипломатов СССР и Южной Африки.

Разве в Министерстве не читали иностранных газет и не анализировали впечатление, складывавшееся в мире по отношению к политике СССР в Южной Африке? Уверен, что в низшем и среднем звене МИД такой анализ проводили и соответствующие выводы делали. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы, подготовленные Управлением стран Африки для беседы руководства МИД с В.Г.Солодовниковым. Но руководство Министерства игнорировало их.

Следует отметить, что в эти годы среди государственных и общественных структур, занимавшихся внешнеполитической деятельностью, не было единства в отношении предложенного группой Горбачева внешнеполитического курса. Не было единства и в самом высшем руководстве страны – в Политбюро и Секретариате ЦК КПСС: не все поддерживали группу Горбачева, проводником политики которой был МИД во главе с Шеварднадзе. Против капитулянтской линии Горбачева-Шеварднадзе во внешней политике страны выступали Министерство обороны, КГБ, Международный отдел ЦК КПСС, значительная часть депутатского корпуса, дипломаты и некоторые общественные организации. Поэтому руководство МИД стремилось не афишировать контакты с представителем режима апартеида в Южной Африке.

До того, как Горбачев и его единомышленники в Политбюро ЦК КПСС – Яковлев А.Н., Шеварднадзе Э.А., Медведев В.А. и их ближайшее окружение – стали проводить так называемую политику «нового мышления» (которая по существу была капитулянтской политикой, добровольной сдачей Западу своих позиций на международной арене, в том числе в третьем мире), партийные, государственные органы и общественные институты – Политбюро, Секретариат и Международный отдел ЦК КПСС, МИД, Министерство обороны, КГБ, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки и др. – каждая из этих организаций в рамках своей компетенции и «специфики» проводили в отношении Южной Африки согласованную линию. СССР тогда бойкотировал связи с режимом апартеида и оказывал политическую поддержку и материальную помощь, включая подготовку кадров и поставки оружия, национально-освободительным силам, которые вели борьбу против апартеида и расовой дискриминации.

Другой особенностью внешнеполитической системы Советского Союза до прихода к власти группы Горбачева было то, что в выработке и осуществлении внешней политики самое активное участие принимал Международный отдел ЦК КПСС, осуществлявший координацию этой деятельности, а также общественные организации с различной «специализацией». Например, СКССАА изначально занимался вопросами общественной поддержки национально-освободительной борьбы народов этих двух континентов: сотрудничал с освободительными движениями Юга Африки, в частности с МПЛА (Ангола), ФРЕЛИМО (Мозамбик), ЗАПУ (Зимбабве), СВАПО (Намибия), АНК (Южная Африка). С середины 70-х годов, по мере

резкого усиления борьбы против режима апартеида в Южной Африке, СКССАА принимал все более активное участие в поддержке этой борьбы и, соответственно, накопил большой опыт работы в данном регионе.

Особенностью формирования внешней политики СССР в те годы было давнее, но хорошо скрываемое от общественности внутри страны и за рубежом противоречие между так называемой «коминтерновской» линией Международного отдела ЦК КПСС и так называемой «прагматической» линией МИД. Ничего антагонистического в этом не было. Это было, скорее, весьма рациональное распределение ролей в формировании и осуществлении внешней политики между МИД и МО ЦК КПСС. У каждой из сторон были своя ниша, свои цели, свои методы деятельности и свои союзники. Кстати сказать, примерно по такому же принципу организована внешнеполитическая деятельность и в западных странах. Там наряду с государственными внешнеполитическими ведомствами существует множество влиятельных «общественных», неправительственных организаций, находящихся под плотным контролем внешнеполитического истеблишмента этих стран.

В доперестроечный период расхождения в подходах («коминтерновцев» и «дипломатов-прагматиков») разрешались высшим партийно-государственным коллегиальным органом – Политбюро ЦК КПСС, в котором были представлены руководители МИД и Международного отдела ЦК КПСС. Дипломатам и сотрудникам аппарата ЦК КПСС доперестроечного времени были хорошо известны постоянные стычки между министром иностранных дел А.А.Громыко и заведующим Международным отделом ЦК КПСС Б.Н.Пономаревым. Эти споры и разногласия в подходах к международным проблемам МИД СССР и МО ЦК КПСС позволяли Политбюро находить оптимальные подходы и компромиссы между «прагматиками» и «идеологами».

С приходом к руководству страной группы Горбачева эта отработанная годами форма выработки внешнеполитического курса страны стала разрушаться и вопросы сотрудничества СССР с национально-освободительными организациями передали в МИД СССР, сотрудники которого ранее этим практически не занимались. Курс на отстранение партии от контроля за внешнеполитической деятельностью государственных органов привел к тому, что руководство МИД во главе с Шеварднадзе начало проводить линию на Юге Африки, исходящую из приоритетной задачи улучшения отношений с Западом, прежде всего с США.

Руководство МИД с приходом Э.А.Шеварднадзе, получившего фактически карт-бланш Горбачева на формирование внешней политики, начало энергично избавляться от опеки ЦК КПСС. Но применительно к Южной Африке у руководства МИД возникали две проблемы.

Во-первых, как уже отмечалось выше, МИД никогда ранее по-настоящему не занимался практическими вопросами связей с национально-освободительными движениями, поскольку по своеобразному «разделению труда» внутри советской внешнеполитической системы это относилось к компетенции МО ЦК КПСС и активно сотрудничающих с ним общественных организаций, прежде всего СКССАА. Практическими вопросами поддержки вооруженной борьбы занималось Министерство обороны. Разумеется, МИД также был задействован, особенно в политической поддержке освободительных движений в системе ООН. Работа с АНК и другими движениями шла через посольства СССР, под крышей которых работали представители Министерства обороны и КГБ.

Я пишу об этом с уверенностью, поскольку в бытность послом СССР в Замбии (1976-1981), где находились штаб-квартиры АНК, ЗАПУ и СВАПО, мне приходилось осуществлять контакты и проводить переговоры с руководством этих организаций. Но для МИД, который отвечал, прежде всего, за межправительственные связи, отношения с национально-освободительными движениями (НОД) были вторичными. Работа с НОД для МИД была, можно сказать, даже отчасти обременительной, так как она осложняла отношения с запад-

ными странами, особенно с США. Я это познал на собственном опыте¹ и никогда с такой постановкой вопроса не соглашался, считая, что вопросы национально-освободительной борьбы должны иметь высокий приоритет во внешней политике СССР и в практической деятельности Министерства иностранных дел.

Во-вторых, исходя из специфики МИД как органа, прежде всего межгосударственных отношений, его активная роль в Южной Африке означала, что его естественным собеседником становился не АНК (хотя поначалу с ним консультировались), а правительство ЮАР.

Определенный смысл в установлении контактов между МИД СССР и правительством Южной Африки был. Об этом шла речь выше. Но изменение акцентов произошло слишком резко, без достаточного объяснения причин такого поворота для АНК, для советской и зарубежной общественности. Это позволяло многим трактовать действия руководства МИД как отход от принципиальной линии поддержки освободительной борьбы против расистского режима и остатков колониализма, что противоречило интересам СССР, наносило ущерб его авторитету на международной арене.

Кульминацией «нового подхода» группы Горбачева-Шеварднадзе к проблемам Южной Африки стала уклончивая позиция Горбачева в отношении приема в СССР лидера АНК Нельсона Манделы, которого после освобождения из тюрьмы в феврале 1990 года с триумфом принимали в США, странах Западной Европы и третьего мира. Руководство АНК и лично Н.Мандела сделали крупный политический жест, заявив, что первой страной за пределами Африки, которую он хотел бы посетить, будет СССР. Этот сигнал Горбачев и его окружение, озабоченные поисками «общечеловеческих ценностей» и западных кредитов, не сумели по достоинству оценить. Визит Н.Манделы много раз откладывался по вине советской стороны. Становилось все более очевидно, что Горбачев не хотел встречаться с Нельсоном Манделой. Возможно, он боялся со стороны последнего прямых вопросов: почему советское руководство стало отходить от поддержки АНК и ЮАКП и их союзников по борьбе? А после прихода к власти АНК, когда Нельсон Мандела стал президентом ЮАР, он не стал торопиться с визитом в постсоветскую Россию, которая теперь для ЮАР уже не представляла большого интереса ни в экономическом, ни в политическом плане. Россия, прервавшая отношения со своими политическими и стратегическими союзниками в третьем мире благодаря антинациональной политике Горбачева – Шеварднадзе и Ельцина -Козырева, утратила свое влияние на Юге Африки и в третьем мире вообще.

После 1994 года ситуация в российско-южноафриканских отношениях по сравнению с концом 80-х годов кардинально изменилась. Теперь в визите Нельсона Манделы в Москву была больше заинтересована ослабевшая Россия, чем АНК и правительство ЮАР. Неоднократные попытки российского руководства организовать визит президента ЮАР Н.Манделы в Москву воспринимались южноафриканской стороной без особого энтузиазма. Так России пришлось расплачиваться за предательство Горбачевым и Шеварднадзе союзников СССР в Южной Африке. Визит Н.Манделы в Россию состоялся только в конце апреля 1999 г., за несколько недель до его ухода с поста президента ЮАР.

Возвращаясь к политике Горбачева – Шеварднадзе, следует отметить, тогда, в 1990-1991 гг., утверждалось, что одним из главных доводов против приема Н.Манделы в Москве было нежелание Р.М.Горбачевой встретиться с женой Нельсона Манделы – «террористкой» Винни Мандела. Однако негативная репутация Винни Мандела, созданная СМИ, для лидеров западных стран – США, Англии, Франции и Японии – и для многих других стран не явилась препятствием для приема Н.Манделы на самом высоком государственном уровне. Для лидеров этих стран интересы своих государств были выше капризов их жен.

¹ См.: Солодовников В.Г. «К истории «холодной войны» на Юге Африки». (Реакция Вашингтона и Москвы на выступление советского посла в Замбии о политике США и Англии на Юге Африки.) Дипломаты вспоминают. Мир глазами дипломатической службы. – М., 1999. – С. 199-228.

Возможно, в разговорах о влиянии Р.М.Горбачевой на затяжку визита Н.Манделы многое преувеличено, но даже эти разговоры сами по себе весьма показательны как отражение недальновидной политики по отношению к Южной Африке.

У Горбачева и его окружения были, по-видимому, более важные доводы против встречи с Нельсоном Манделой. Так, помощник и единомышленник Горбачева А.Черняев в своих воспоминаниях утверждает, что Горбачев считал Н.Манделу неперспективным лидером. И это притом, что к 1990 году для всех разумных людей было ясно, что Нельсон Мандела скоро будет новым президентом ЮАР. А.Черняев откровенно рассказал о том, как Горбачев уклонялся от встречи с Н.Манделой, и не только с ним. «К слову сказать, – отмечает Черняев, – у Горбачева был какой-то нюх на неперспективных и ненужных нам деятелей. У него даже такое выражение есть: «А зачем они нам?». К числу таких неперспективных и ненужных нам деятелей, как утверждает А.Черняев, Горбачев относил Ясира Арафата и Нельсона Манделу. Каким «гениальным» оказался «нюх» у Горбачева и его советников типа Черняева, доказала сама жизнь. В том же (1991) году Горбачев оказался на обочине истории, а Нельсон Мандела вскоре стал главой государства, пользующимся огромным уважением во всем мире. Вместо того чтобы определять курс внешней политики страны на фундаменте научного анализа, Горбачев и Шеварднадзе полагались на «нюх».

Об отношении Горбачева к АНК, к его борьбе против апартеида и к визиту в СССР Нельсона Манделы А.Черняев пишет следующее: «Он «замотал» свою встречу с Манделой, хотя и ученые, и мидовцы (правда, при некотором сопротивлении с моей стороны) не раз ему пространно доказывали, что это нужно сделать: весь мир тот объехал, везде его встречали на высшем уровне, а в Москву так и не может попасть! Горбачев не верил, что подпитывая АНК и снабжая его оружием, мы содействуем правильному процессу в ЮАР. Не пресекал это «по инерции», руки не доходили. И понимал, что одно дело, когда Манделу принимают даже в Вашингтоне, а другое дело – в «красной» Москве, подозреваемой в экспансии коммунизма». Ну что можно сказать о таких «архитекторах» внешней политики великого государства? Стыдно за державу, что у ее руля оказались деятели с таким примитивным мышлением.

Итак, визит в Москву Нельсона Манделы состоялся только в конце апреля 1999 года. Этот ожидавшийся девять лет визит и встреча двух президентов – России и ЮАР – не принесли каких-либо ощутимых результатов. Для этого были, по моему мнению, две основные причины.

Во-первых, трудно и невозможно в ходе одной встречи растопить холод и ликвидировать подозрения в отношениях между нашими странами, оставшимися в наследство от Горбачева и Шеварднадзе и усилившимися в период «kozyревской» униженно прозападной дипломатии.

Во-вторых, как это отмечалось выше, у руководства ЮАР после того, как Горбачев и Шеварднадзе отказались от сотрудничества с АНК на этапе, когда в Южной Африке шли переговоры о будущем этой страны, ослаб интерес к сотрудничеству с Россией.

Н.Мандела прибыл в Москву за полтора месяца до его отставки с поста президента ЮАР, и он не хотел что-либо менять в политике ЮАР в отношении России, оставив эту проблему своему преемнику на посту президента ЮАР Табо Мбеки. В свою очередь, президент России Б.Н. Ельцин не мог предложить Манделе ничего, кроме примитивного антикоммунизма и антисоветизма, что последний отверг и демонстративно изменил согласованную программу пребывания в Москве, посетив Мавзолей В.И. Ленина и встретившись с лидером КПРФ Г.А.Зюгановым.

Последствия внешней политики Горбачева – Шеварднадзе негативно сказываются для России до сих пор: мы растеряли своих союзников в Восточной Европе и в третьем мире и не обрели их на Западе. Россия оказалась в вакууме.

Однако вернемся к анализу политики Горбачева – Шеварднадзе в конце 80-х годов.

Советская общественность, в том числе и ученые-африканисты, восприняли неоднозначно переориентацию официальной политики СССР на диалог с режимом апартеида и на ослабление сотрудничества с АНК и ЮАКП.

Некоторые ученые, общественные деятели и журналисты выступали в поддержку нового подхода руководства МИД СССР в Южной Африке, а другие отождествляли свою позицию с линией Международного отдела ЦК КПСС и СКССАА, выступая за продолжение традиционной политики, ориентированной на сотрудничество с АНК как основной силой, способной добиться ликвидации апартеида и создания нерасового общества.

Следует отметить, что политика руководства МИД во главе с Шеварднадзе была встречена неоднозначно и среди сотрудников Министерства. Многие из них видели порочность этой политики, но, находясь на службе, были вынуждены, часто против своей воли, исполнять указания руководства Министерства.

Организационным и идеологическим центром «внутренних диссидентов» – противников политики Горбачева и Шеварднадзе в Южной Африке – в те годы были Африканская комиссия и Отдел Африки Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, которые пользовались поддержкой сотрудников Международного отдела ЦК КПСС, ряда ученых из Института Африки. СКССАА продолжал поддерживать активные связи с АНК и ЮАКП, проводил совместные семинары, выступал с заявлениями в их поддержку, в том числе и в поддержку вооруженной борьбы, игнорировал «установки» руководства Министерства иностранных дел на свертывание сотрудничества с АНК и его союзниками.

В начале марта 1989 года почти одновременно произошли два события, которые, с одной стороны, еще больше осложнили отношения между руководством СССР и АНК, а с другой – окончательно продемонстрировали недалекость политики группы Горбачева – Шеварднадзе – Яковлева в отношении АНК и ЮАКП. Эти деятели уклонились от переговоров с высшим руководством АНК во главе с его президентом О.Тамбо, прибывшим в Москву по приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР для обсуждения согласованных действий в новой обстановке на Юге Африки, сложившейся после поражения южноафриканской армии в Анголе и в связи с возросшим авторитетом АНК как внутри страны, так и на международной арене.

В состав делегации АНК, прибывающей в Москву на переговоры с советским руководством, входили: Оливер Тамбо – президент АНК; Альфред Нзо – генеральный секретарь АНК; Джо Слово – член Национального исполкома АНК, генеральный секретарь Южноафриканской коммунистической партии; Джон Нкадименг – член Национального исполкома АНК, генеральный секретарь Южноафриканского конгресса профсоюзов; Роберт Манси – член Национального исполкома АНК, заместитель генерального казначея АНК; Джо Моднее – член Национального исполкома АНК, командующий вооруженными силами АНК «Умконто ве сизве»; Крис Хани – член Национального исполкома АНК, начальник штаба «Умконто ве сизве», а также Саймон Макана, представитель АНК в СССР, член Национального исполкома АНК.

Руководство АНК было принято первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР (председателем был М.С.Горбачев) А.И.Лукьяновым. На этой встрече присутствовали сотрудники МИД и МО ЦК КПСС. Это был достаточно высокий уровень советского руководства, но не тот, на котором принимались политические решения. Именно так советская и международная общественность восприняла этот прием в СССР делегации АНК.

Отказ Горбачева встретиться с делегацией АНК поколебал веру руководства АНК и ЮАКП в том, что оно и дальше может полагаться на поддержку со стороны руководства СССР. Можно с полным основанием утверждать, что с этого момента СССР начал утрачи-

вать реальное влияние на урегулирование положения в Южной Африке. Инициатива все больше переходила в руки Запада, прежде всего США. После того как МИД начал уклоняться от поддержки АНК на переговорах с правительством белого меньшинства, СССР оказался не нужным ни одной из противоборствующих сторон в южноафриканском конфликте – ни АНК, ни белому правительству ЮАР.

В те же дни в начале марта 1989 года, когда делегация руководства АНК находилась в Москве, а Горбачев уклонялся от переговоров с ней, в Лондоне проходила конференция по проблемам Южной Африки с участием делегации Института Африки АН СССР, представителей южноафриканских белых, связанных с режимом апартеида, при посредничестве английских дипломатов и бизнесменов. Конференция, как писала английская пресса, была закрыта для прессы и общественности. Впоследствии на Западе писали, что инициатором проведения конференции без участия АНК (в противоположность трехсторонней встрече в Ливеркузене, ФРГ) было Министерство иностранных дел ЮАР, которое согласовывало свои действия с Госдепом США и МИД Великобритании.

Оба эти события – уклонение Горбачева и Шеварднадзе от переговоров с руководством АНК и ЮАКП и встреча делегации Института Африки с представителями белой общины ЮАР без участия АНК – были использованы западной и южноафриканской пропагандой, чтобы создать впечатление у международной общественности, в частности южноафриканской, охлаждения отношений между СССР и АНК.

Лондонская трехсторонняя встреча вызвала негативную реакцию демократических сил не только в самой Южной Африке, но и в мире. В Комитете солидарности также негативно отнеслись к этому. Мы не понимали позиции своих коллег из Института Африки: как можно было обсуждать будущее Южной Африки без участия АНК – основной антиапартеидной силы, когда даже в белой общине уже признавали лидирующую роль АНК? Впоследствии советские участники Лондонской встречи говорили, что их обманули, так как якобы была предварительная договоренность об участии АНК. Тогда почему они согласились вести дискуссию с людьми, которые их обманули? Наконец, почему не сделали публичного заявления и тем самым дали противникам сотрудничества АНК с СССР использовать это молчание в целях внесения раскола в отношения между СССР и АНК, в целях ослабления позиций АНК внутри страны и на международной арене.

Журнал «Фронтфайл» утверждает, что встречу, в том числе все расходы членов делегации Института Африки, финансировал «независимый фонд». Но чей это был фонд? Чтобы дезавуировать появившиеся в западных и африканских СМИ публикации, в которых (при ссылках на участие советских ученых во встрече с представителями белой общины Южной Африки без участия АНК) утверждалось, что советское руководство отказалось от поддержки АНК, МИД СССР 15 марта 1989 года организовал пресс-конференцию для советских и зарубежных журналистов с участием начальника Управления стран Африки МИД СССР Ю.А.Юкалова, директора Института Африки АН СССР Ан.А.Громько и зампреда Совета комитета солидарности стран Азии и Африки В.Г.Солодовникова. Мое заявление на этой пресс-конференции отличалось от высказываний Юкалова и Громько. Поэтому пресс-конференция вызвала на Западе новый всплеск комментариев по поводу советской внешней политики на Юге Африки.

В сложившихся условиях СКССАА оставался на прежних принципиальных позициях дружбы и всестороннего сотрудничества с АНК и ЮАКП. 7 марта делегации СКССАА и АНК провели переговоры, по итогам которых было принято совместное заявление, опубликованное в газете «Известия» 18 марта 1989 года. В этом документе отмечалось: «СКССАА и АНК выступили в поддержку всего комплекса мер, выработанных мировым сообществом и международным общественным мнением для оказания давления на режим Претории. Они высказались за полную поддержку массового демократического движения внутри Южной

Африки в его борьбе против системы расизма и апартеида. Во время встречи был подчеркнут предпочтительный характер решения проблем страны политическими средствами. Вместе с тем, отмечалось, что народ Южной Африки имеет полное право на выбор форм и средств борьбы, включая вооруженную борьбу, что соответствует резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 43/50 от 5 декабря 1988 года».

Позиция СКССАА, отраженная в коммюнике, была вызовом «новой» политике руководства МИД СССР в отношении Южной Африки. Именно этим можно объяснить то, что так долго задерживалась публикация Коммюнике о переговорах СКССАА с руководством АНК. Только после разразившегося международного скандала в связи с отсутствием представителей АНК на конференции в Лондоне коммюнике появилось в печати.

В эти годы – 1987-1990 – СКССАА провел целый ряд двусторонних семинаров и встреч с представителями АНК и ЮАКП, в которых участвовали ученые-африканисты, работники сектора Африки МО ЦК КПСС, активисты движения афро-азиатской солидарности. По-прежнему широко отмечались памятные даты в истории освободительной борьбы африканского населения ЮАР и Намибии.

Было бы неверно, однако, думать, что СКССАА не учитывал перемен, происходящих в мире и, в частности, в самой Южной Африке. СКССАА начиная с 1987 года стал устанавливать связи с представителями белой общины Южной Африки, которые выступали против апартеида и искали контактов с внутренними и международными силами, противостоявшими режиму апартеида.

Первым южноафриканским белым, не членом АНК и ЮАКП, с которым я встретился в 1987 году в Комитете солидарности, был известный южноафриканский писатель Анри Бринк. Беседа с этим человеком произвела на меня глубокое впечатление. Она позволила еще раз убедиться, что далеко не все белые в Южной Африке поддерживают систему апартеида. После этого у меня было много встреч с южноафриканскими белыми – противниками апартеида, но встреча с Андре Бринком осталась в моей памяти навсегда. Большую роль в развитии связей между Комитетом солидарности и белыми либералами – противниками апартеида – сыграли директор Института демократической альтернативы для Южной Африки (ИДАСА) – Фредерик ван Зейл Слабберт и Алекс Борейн. Важно отметить, что все эти контакты между Советским комитетом солидарности и белыми либералами проходили по согласованию с АНК. Я не знаю ни одного случая, чтобы АНК возражал против наших инициатив. Следует особо подчеркнуть, что СКССАА был первой советской организацией, которая в середине 80-х годов установила связи с представителями белой общины Южной Африки. Все остальные советские общественные и научные организации, в том числе Институт Африки, стали устанавливать контакты с южноафриканскими белыми после того, как СКССАА пробил брешь в «железном занавесе», разделявшем советскую общественность и демократические организации Южной Африки.

Среди многочисленных семинаров, конференций и встреч, которые в те годы проводила Африканская комиссия СКССАА, следует особо отметить трехстороннюю встречу представителей советской общественности, лидеров АНК и ЮАКП, а также видных общественных деятелей «белой» Южной Африки, состоявшуюся в Ливеркузене (ФРГ) в октябре 1988 года. Это мероприятие, наряду со встречей представителей АНК и белых либералов в Дакаре в июле 1987 года, в немалой степени способствовало преодолению предрассудков и заблуждений белых южноафриканцев в отношении АНК и СССР. Эти две встречи были важными шагами на пути создания психологических условий для переговоров между правительством ЮАР и АНК.

Отрехсторонней встречей в Ливеркузене представителей советской общественности, АНК и белых либералов Южной Африки в свое время много писали на Западе и в самой Южной Африке. Участники встречи, в том числе автор этой работы, встречались с журналистами,

проводили пресс-конференции. Мы были заинтересованы в самом широком освещении хода и итогов этой весьма конструктивной встречи белых Южной Африки и «красных» из Советского Союза. Как была организована эта встреча, каково было ее значение для консолидации антиапартеидных сил в Южной Африке, я рассказал в интервью в журнале «Эхо планеты». Сообщения западной прессы о тайных встречах советских дипломатов с представителями правительства Претории, попытка скрыть встречу в марте 1989 года под Лондоном советских ученых с представителями южноафриканской белой проправительственной части без АНК воспринимались международной общественностью как свидетельство переориентации на установление отношений с режимом апартеида и на ослабление сотрудничества с АНК. И это было правдой. Мне известно, что на совещании у заместителя министра иностранных дел СССР А.Л.Адамишина некоторые ученые и журналисты-африканисты уже в 1986 году высказывались за установление дипломатических отношений с режимом Претории. Я считал такую политику в отношении Претории ошибочной. Именно поэтому я решил обратиться к министру иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе с предложениями внести коррективы во внешнеполитический курс СССР в Южной Африке.

Мои обращения к Э.А.Шеварднадзе и его ответ

Первое письмо и аналитический анализ советско-южноафриканских отношений я отправил главе МИД СССР в конце марта 1989 года.

*Министру иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе
Уважаемый Эдуард Амвросиевич!*

В последнее время наш подход к проблемам Юга Африки и особенно к вопросу о советской политике по Южной Африке вызывает у меня определенное беспокойство. Откликаясь на Ваши призыв к ученым и дипломатам смелее высказывать свое мнение по вопросам внешней политики, хотел бы поделиться некоторыми соображениями на основе 25-летнего опыта изучения Африки и практической работы на этом континенте.

Хотелось бы надеяться, что у Вас найдется время, чтобы ознакомиться с прилагаемым анализом ситуации.

*В.Г.Солодовников,
член-корреспондент АН СССР,
Чрезвычайный и Полномочный Посол. 30.03.1989 г.*

*Приложение: Новый советский подход к урегулированию в Южной Африке
и его возможные последствия*

Основу нашей политики в отношении Южной Африки до последнего времени составляли отказ от каких-либо контактов с правительством ЮАР и поддержка освободительного движения в лице Африканского Национального Конгресса. Долгое время наша страна была единственной из крупных стран, проводившей такую политику. Запад, руководствуясь экономическими, идеологическими и военно-стратегическими интересами, осуществлял широкие связи с ЮАР.

В последние годы мировое сообщество существенно изменило свою точку зрения, что нашло свое выражение в комплексе мер бойкота против ЮАР. Но именно в момент признания мировым сообществом советской формулы (изоляция режима плюс поддержка освободительного движения) мы начали осуществлять поворот в обратном направлении – в сторону

установления регулярных контактов с Преторией. (Информация об этом поступает в основном из западных источников. В нашей прессе эти вопросы не обсуждаются.)

Разумеется, речь не идет о нашем участии в многосторонних усилиях по Юго-Западной Африке. В этих переговорах взаимодействие представителей ЮАР и СССР было необходимым и вполне оправданным. Наше участие в них получило высокую оценку мирового сообщества. Речь сейчас идет о контактах между дипломатическими представителями СССР и ЮАР вне рамок этих переговоров, на двусторонней основе. Еще более тревожно, что они приняли характер секретных встреч между Р.Ботой и представителями МИД СССР (о чем мир немедленно узнает, несмотря на их «секретный» характер).

Каковы возможные последствия этого решения? Представляется необходимым прежде всего оценить потенциальную эффективность нашего дипломатического воздействия на Преторию. Весь опыт Запада показывает ограниченные возможности дипломатического давления на ЮАР, что подтверждается провалом американской политики «конструктивного сотрудничества». (Общепризнанно, что нынешняя ситуация на Юге Африки возникла в результате комбинации экономических санкций и военного поражения ЮАР в Анголе.) Возникает вопрос: каким образом мы намерены сделать наши контакты с Преторией действенными, когда мы не располагаем теми экономическими и политическими рычагами, которыми обладают западные страны?

Втягиваясь в собственный вариант «конструктивного сотрудничества» с ЮАР (а об этом в мире говорят уже открыто), достаточно ли мы учитываем американский опыт подобного сотрудничества, которое привело к крупнейшему поражению Рейгана в Конгрессе и к значительному росту антиамериканизма в Южной Африке и на Африканском континенте в целом.

Основным фактором, определяющим наше влияние на процессы в Южной Африке, были и остаются традиционные связи с АПК, который твердо выступает за всестороннюю изоляцию Претории как инструмент ликвидации апартеида политическими средствами. Наши регулярные контакты с Преторией вызвали растущее недовольство в АНК и – что еще более важно – внутри Южной Африки. В какой мере мы учитываем настроения почти 30 млн. черных африканцев, которые в конечном счете будут определять ход и направление перемен в стране и которые настойчиво требуют от мирового сообщества ужесточения бойкота Претории? Пока, к сожалению, можно говорить лишь о первых признаках падения авторитета СССР в африканских массах и даже о первых симптомах антисоветизма со стороны тех, кто всегда считал нас надежным союзником.

Наши новые подходы не вполне точно соответствуют и реальной ситуации внутри Южной Африки, нынешней расстановке социально-политических сил. Суть конфликта в стране – борьба за политическую власть между подавляющим большинством населения (черными) и частью белого меньшинства, намеренного сохранить апартеид в той или иной форме, что неизбежно вынудит нас сделать выбор: на чьей стороне мы находимся.

Провал нескольких вариантов «реформ» подтверждает, что стратегическая инициатива находится в руках АНК и массового демократического движения, пользующегося поддержкой части белой общины (более 20%). Со стороны правительства идет пока только смена типа пропагандистского прикрытия. Не видно серьезных признаков намерения правительства устранить глубинные причины, вызывающие кризис в стране: национальное угнетение и социальную несправедливость. Пока что максимум того, что согласно отдать правительство, находится слишком далеко от того минимума, на который согласятся черные. У меня крепнет убеждение, что массы стремятся не к «быстрому» решению, а к фундаментальным преобразованиям, хотя это может потребовать больше времени и жертв.

Внутри страны усиливаются репрессии, углубляется кризис правительства, не отражающего мнения подавляющего большинства жителей страны. Правительство постепенно утрачивает реальную власть, все больше переходящую в руки Совета национальной безопасности, то есть в руки военных. Возникает вопрос: заинтересованы ли мы в краткосрочных, тактических (и скорее всего иллюзорных) успехах в отношениях с военно-политической группировкой, которая сейчас контролирует страну, или в наших национальных интересах (в долгосрочном, стратегическом плане) добрые отношения с будущим правительством Южной Африки, контуры которого начинают вырисовываться?

Было бы опасным не заметить и негативную реакцию на наши новые подходы со стороны таких влиятельных сил, как страны третьего мира (в частности, Движение неприсоединения) и общественное антиапартеидное движение, которое приобрело поистине всемирный характер и стало влиятельной силой на Западе, особенно в США и Великобритании. Оправдывает ли в этих условиях пока еще теоретическая возможность повлиять дипломатическими средствами на правительство ЮАР те конкретные морально-политические потери, которые мы уже реально несем за счет контактов, которые МИД СССР поддерживает с Преторией и которые, очевидно, предполагается развивать?

Декларируя примат общечеловеческих ценностей (а ликвидация апартеида стала одной из признанных задач всего человечества), мы одновременно совершаем шаги, ослабляющие наиболее эффективное средство, одобренное мировым сообществом, – изоляцию режима апартеида. Представляется, что такой подход не только не способствует популярности «нового политического мышления», но и, к величайшему сожалению, создает предпосылки для его дискредитации.

Как мне представляется, мы должны проявлять реализм и в отношении идеи о возможности урегулирования в Южной Африке и в Мозамбике на многосторонней основе – с участием ЮАР, США и Великобритании. Каждый из этих потенциальных участников преследует свои интересы, диаметрально отличающиеся от наших: ЮАР сейчас разыгрывает «советскую карту» как против США, оказывающих в последнее время на нее давление, так и против демократического движения внутри страны. Американцы и англичане также стремятся втянуть нас в разнообразные «механизмы», рассчитывая вывести своего союзника из изоляции, испортить наши отношения с третьим миром, подорвать наш высокий престиж среди миллионов

черных южноафриканцев и, в конечном счете, вытеснить нас из этого региона. Показательно, что ОАЕ не приветствует внешние дипломатические инициативы по Южной Африке, считая, что Претория сначала должна вступить в диалог с признанными лидерами черной общины ЮАР. Отсюда возникает вопрос: используем ли мы создавшуюся ситуацию в наших национальных интересах или нас используют в этой ситуации?..

Процесс политического урегулирования в Южной Африке идет, и весьма активно, в виде многочисленных контактов АНК с различными силами, включая общественные и политические силы белых, внутри Южной Африки. Поэтому странными выглядят наши постоянные призывы к демократическим силам вступить на путь политического решения.

Вместе с тем, изъятие из наших публичных заявлений упоминания о законности и вынужденном характере вооруженной борьбы против апартеида (вопреки ясно выраженному мнению мирового сообщества в резолюции 43/50 ГА ООН от 5.12.88) порождает дополнительные вопросы к нашей политике на Юге Африки.

Главным фактором нашего участия в процессах в Южной Африке, на мой взгляд, были и должны оставаться долгосрочные связи с АНК и внутренними демократическими силами, в том числе и в белой общине.

«Новые подходы» в виде регулярных контактов с режимом апартеида ставят наш авторитет в регионе под угрозу. От нас самих сейчас зависит, останемся ли мы участниками урегулирования в Южной Африке.

В период, когда общественность в развивающихся странах и освободительные движения высказывают озабоченность поворотом во внешнеполитическом курсе СССР, у нас отсутствуют развернутые заявления на уровне руководства по проблемам развивающихся стран и освободительной борьбы. Отсутствие ясности в этом вопросе негативно сказывается на нашем авторитете в третьем мире.

В.Солодовников.

Через некоторое время из Секретариата Э.А.Шеварнадзе сообщили, что министр поручил своему заместителю А.Л.Адамишину встретиться со мной, чтобы обсудить содержание записки и содержащиеся в ней предложения. После этого мне позвонил сам А.Л.Адамишин и сказал, что он хотел бы встретиться со мной. Однако встреча с заместителем министра так и не состоялась. Наверное, ему не хотелось терять время на споры с человеком, который выступает против политики его шефа. Тем более что именно г-н Адамишин прямо способствовал установлению и развитию связей с белым правительством ЮАР. Заместитель министра проигнорировал указание Э.А.Шеварнадзе о встрече с автором записки в его адрес.

Для оценки позиции руководства Министерства иностранных дел СССР в отношении Южной Африки представляет интерес следующий документ:

*Запись беседы заместителя председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки В.Г.Солодовникова с представителем АНК в СССР тов. Саймоном Маканой
1 апреля 1989 г. в аэропорту «Шереметьево-2»*

Представитель АНК в СССР товарищ Макана и я встречали делегацию Института демократической альтернативы для Южной Африки во главе с д-ром Слаббертом В состоявшейся беседе тов. Макана сообщил, что он полу-

чил из Лусаки информацию о том, что заместитель министра иностранных дел СССР А.Л.Адамишин в беседе с президентом Замбии К.Каундой убеждал последнего, что в ЮАР происходят крупные перемены по отношению к черному населению и к системе апартеида.

«АНК, – сказал товарищ Саймон, – не считает, что в ЮАР имели место существенные перемены. Они носят, как правило, косметический характер, не затрагивая основ апартеида».

Товарищ Саймон Макана также сказал, что в Лондоне распространяются слухи о том, что семинар, который состоится в марте с.г. под Лондоном по вопросам южноафриканского урегулирования между учеными Института Африки и Англии, а также политическими деятелями ЮАР без участия АНК, продолжится в Москве.

В ответ на высказывания представителя АНК я сказал, что Комитет солидарности согласен с оценкой АНК по поводу происходящих перемен в Южной Африке: они носят пока поверхностный характер и не затрагивают основ системы апартеида. Я также сказал, что в настоящих условиях семинар, подобный лондонскому, без участия АНК в Москве провести будет невозможно.

2.04.1989 г. В.Солодовников.

Делая такое заявление, я исходил из того факта, что после негативной для СССР реакции международной общественности на участие советских африканистов в лондонской конференции с представителями белой общины в Южной Африке в отсутствие представителя АНК руководство МИД СССР не решится на проведение в Москве подобного семинара. Оно получило хороший урок.

Не получив ответа на мое первое обращение к министру иностранных дел о политике СССР в Южной Африке, я решил (поскольку отношения между официальной Москвой и АНК продолжали осложняться) снова напомнить Шеварднадзе, что он и Горбачев проводят политику в Южной Африке, противоречащую национальным интересам, и осложняют отношения СССР со всей Африкой.

8 декабря 1989 года я направил Шеварднадзе письмо и вторую аналитическую записку «О политике СССР в отношении Южной Африки» с конкретными предложениями. Копию записки направил также заведующему Международным отделом ЦК КПСС В.Ф.Фалину. Чтобы придать записке больший вес, я хотел, чтобы она попала на стол к министру от имени дирекции Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Тогда я был ведущим научным сотрудником этого института. Дирекция отказалась подписать сопроводительное письмо, но не возражала против того, чтобы я направил записку от своего имени¹.

¹ Только прочитав воспоминания академика Е.М.Примакова, я понял, почему в 1989 г. дирекция ИМЭМО отказалась направить аналитическую записку своего научного сотрудника в адрес министра иностранных дел Э.А.Шеварднадзе. Е.Примаков пишет о натянутости отношений между ним и Шеварднадзе: «Как-то раз, в 1990 г., отвечая на мой прямой вопрос по телефону: «Почему у нас происходит спад в отношениях, неужели вы думаете, что я хочу сесть в ваше кресло?» – Шеварднадзе сказал: «Да об этом все говорят в МИДе». «Будучи министром иностранных дел Союза, – продолжает Евгений Максимович, – Эдуард Амвросиевич ни разу не привлекал меня к делам внешней политики – мы могли разговаривать и разговаривали на любые другие темы, – а ведь во время перехода Шеварднадзе на этот пост совсем с другой работы я возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений, который по праву считался выдающимся центром, объединяющим сильнейших ученых-аналитиков. Между тем, я всегда относился к нему как к человеку безусловно неординарному, талантливому». (Евгений Примаков «Годы в большой политике». – М., 1999. – С. 415-416). Замечания Е.М.Примакова о нежелании Э.А.Шеварднадзе привлекать к работе возглавляемого им Министерства профессионалов высокого класса подтверждает также бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко.

8 декабря 1989 года

Министру иностранных дел СССР тов. Шеварднадзе Э.А.

Уважаемый Эдуард Амвросиевич! В апреле с.г., откликаясь на Ваши призыв к ученым смелее высказывать свои соображения по внешней политике СССР, я направил в Ваш адрес аналитическую записку с оценкой новых советских подходов к проблемам Южной Африки. Ответа из МИД СССР я, к сожалению, так и не получил, за исключением обещания тов. Адамишина встретиться и обсудить изложенные в записке соображения. Между тем, наше положение на Юге Африки по-прежнему вызывает у меня беспокойство. Развивается процесс, который может привести к эрозии нашего политического престижа не только в этом регионе, но и в более широком масштабе.

Корень проблемы мне видится в отсутствии четкой, комплексной концепции наших национальных интересов в Южной Африке, которая основывалась бы на глубоком анализе всех параметров ситуации в этой стране и вокруг нее. Соответственно нет и стройной программы действий по реализации наших интересов, что неизбежно ведет к просчетам.

Хотел бы предложить Вашему вниманию анализ некоторых аспектов нашей политики в Южной Африке, которые вызывают у меня особые опасения, а также внести два конкретных предложения.

1. Провести консультации между МИД СССР и МО ЦК КПСС, с одной стороны, и АПК и ЮАКП – с другой, чтобы откровенно поговорить о накапливающихся проблемах во взаимоотношениях.

2. Сформировать межведомственную рабочую группу экспертов по Южной Африке, которая могла бы за 3-4 месяца на основе обстоятельного анализа ситуации выработать концепцию наших национальных интересов и практические рекомендации по нашей политике в отношении этой страны.

Суважением, В.Г.Солодовников, член-корреспондент АН СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки».

К письму прилагалась следующая аналитическая записка:

О политике СССР в отношении Южной Африки

Урегулирование в Анголе и Намибии существенно меняет положение СССР на Юге Африки. Уменьшается зависимость Анголы и СВАПО от военных поставок из СССР, выводится из Анголы кубинский военный контингент. Очевидно, сократится военная помощь и другим странам региона. С другой стороны, страны Юга Африки (Ангола, Мозамбик, Намибия) нуждаются в кредитах и в новой технологии, которые мы предоставим им не можем.

Будет ли означать для нас урегулирование южноафриканского конфликта переход в этом регионе на роль второстепенной державы, которая выполнила свою историческую миссию и предоставляет другим возможность использовать экономические и политические плоды урегулирования? Располагаем ли мы реальными возможностями по-прежнему оказывать влияние? В каком направлении может развиваться наша политика в этом регионе?

СССР располагает на Юге Африки:

- политическим влиянием, накопленным за десятилетия поддержки освободительных движений и независимых стран;
- определенным идеологическим влиянием в силу интереса ряда правящих партий региона к идеям социализма;
- наше экономическое сотрудничество со странами региона незначительно, хотя оно и является определенным противовесом диктату со стороны ТНК;
- военное сотрудничество СССР с африканскими странами имеет тенденцию к свертыванию, однако эти страны по-прежнему будут нуждаться в нашем содействии в укреплении их обороноспособности.

Это, на мой взгляд, все, чем мы располагаем. Оставаясь на почве реального, мы должны признать, что эффективность дипломатического влияния, не подкрепленного другими рычагами, прежде всего экономическими, будет невысокой. Таким образом, в следующий этап урегулирования на Юге Африки – этап ликвидации апартеида – мы входим с более слабыми позициями, чем год назад. Было бы наивным полагать, что наши западные партнеры и ЮАР не учитывают этого.

Можем ли мы рассчитывать на то, чтобы остаться равноправным участником урегулирования в Южной Африке? Заинтересован ли Запад в полноценном сотрудничестве с нами по проблемам Южной Африки?

Юг Африки общепризнанно является регионом с огромным экономическим и политическим потенциалом, и это предопределяет особый интерес к нему Запада, включая личное внимание лидеров западных стран. (Мы в этом компоненте также уступаем Западу.) Представляется, что стратегической целью Запада в Южной Африке является урегулирование конфликта в «эволюционном режиме», то есть без фундаментальных преобразований политической системы ЮАР, которых требуют АНК и массовое демократическое движение (МДД), а также вытеснение из региона СССР. Запад в достижении этих целей руководствуется не только идеологическими, но и экономическими соображениями, рассматривая борьбу против СССР как один из элементов борьбы за экономический передел мира.

В Южной Африке уже идет активное столкновение интересов Великобритании, США, ФРГ, Японии и скандинавских стран. Наше участие в делах региона означает для этих стран появление нового конкурента. Опасения на Западе, что СССР и дружественная ему Южная Африка будут обладать монопольным положением на мировых рынках ряда стратегических минералов, включая золото, только усиливают стремление Запада вытеснить нас из региона.

Акцент в политике Запада делается на разрушение нашего политического престижа в регионе: нас подталкивают на шаги, которые воспринимаются или по крайней мере изображаются как отход СССР от традиционной поддержки освободительных движений. Запад и ЮАР не просто разыгрывают «советскую карту». Прослеживается попытка использовать нас в следующих целях:

- прорыв международной изоляции ЮАР;

- срыв вооруженной борьбы и подталкивание АНК и массового демократического движения (МДЦ) за стол переговоров в момент, когда они к этому еще не готовы, и на условиях Претории;

- дискредитация СССР, чтобы посеять сомнения в жизнеспособности социализма как одного из путей развития Южной Африки.

Одновременно со стороны Запада идут попытки перехвата инициативы в работе с АНК и МДЦ, на работу с которыми выделяются крупные средства (около 250 млн. долл. ежегодно). Усиленно развиваются контакты на политическом уровне – президент Д.Буш принял в последние месяцы целую группу деятелей демократического движения, включая президента ОДФ А.Сисулу, которая имела также встречи с Ф.Миттераном, М.Тэтчер и Б.Карлсоном.

Мы постепенно уступаем инициативу Западу. У нас мало встреч на высоком уровне с лидерами АНК и МДЦ. В июле с.г. АНК был вынужден отменить визит в СССР президента ОДФ А.Сисулу из-за явной неготовности к этому визиту советской стороны. В изданиях МДЦ идет дискуссия, не намерен ли СССР «предать» интересы освободительного движения; в МДЦ на достаточно высоком уровне делаются заявления о том, что южноафриканцы не намерены принимать какие-либо предложения «только потому, что они исходят от М.Тэтчер или М.Горбачева». И это при резко негативном отношении в МДЦ к М.Тэтчер.

Такие настроения подкрепляются заметно изменившейся тональностью освещения событий в ЮАР со стороны советской печати. Появившиеся статьи (в том числе и исходящие из МИД СССР), в поощрительном плане рассматривающие проекты «реформ» Ф.де Клерка, вызывают в АНК и МДЦ по крайней мере удивление. Советские газеты и журналы предоставляют свои страницы для выступлений представителей правительства ЮАР без каких-либо комментариев или балансирующих статей лидеров АНК.

Высказывания советских ученых, журналистов, да и официальных лиц о режиме апартеида и его главных деятелей приобрели более «консервативную» окраску по сравнению с заявлениями даже союзников ЮАР на Западе. В советской прессе, в отличие от общемировой тенденции к «обличительному» освещению политики Претории, преобладает ныне «примирительный» оттенок. Все это не проходит незамеченным в Южной Африке. Поскольку МИД СССР не опровергает эти публикации, в Южной Африке делают вывод, что они не противоречат официальной позиции.

Появившиеся в нашей прессе призывы к эволюционному характеру перемен в Южной Африке также неизбежно вызовут негативную реакцию в АНК, МДЦ и Южноафриканской компартии (ее численность с 1984 г. возросла в 2 раза, она становится все более влиятельной политической силой в ЮАР). Африканскому большинству сложно будет понять, почему перестройка в СССР характеризуется как революционный процесс, а южноафриканцам рекомендуют вести дело к эволюции.

Наши противоречия с АНК пока еще не приняли характера открытого столкновения ввиду большого кредита доверия среди черных южноафриканцев к СССР, основанного на нескольких десятилетиях нашей поддержки НОД. Однако эрозия доверия к СССР развивается довольно быстро, а

критика советской политики (причем открытая и резкая) раздается не из АНК, а изнутри МДЦ.

Что может означать для АНК охлаждение отношений с СССР? Каковы реальные возможности нашего влияния на АНК?

Эта организация уже прошла наиболее сложный период своего существования. Она превратилась сегодня из «террористической» во вполне «респектабельную» политическую силу в Южной Африке, которую даже Запад не может игнорировать: ведутся разговоры о встрече О.Тамбо с Д.Бушем. Материальная помощь, которую раньше оказывал в основном СССР, теперь все больше поступает от скандинавских и других западных стран. Одна только Швеция ежегодно предоставляет АНК около 8 млн. долл. Число студентов АНК в советских вузах снизилось за последние 4 года в 5 раз.

АНК получает предложения от различных стран о предоставлении ему военной помощи, однако АНК полагается в этом на давнее сотрудничество с СССР. В случае прекращения военной помощи АНК со стороны СССР найдется больше чем достаточно желающих занять место Советского Союза (включая, возможно, и западные спецслужбы). В стратегии АНК вооруженная борьба имеет важное, но не решающее значение. Ключевое направление – массовая политическая мобилизация противников режима внутри страны. Основная политическая опора АНК находится внутри страны, что делает АНК менее уязвимым для давления с чьей-либо стороны, чем, например, СВАПО.

Политическую и дипломатическую поддержку АНК получает сейчас практически от всех стран третьего мира. Сегодня АНК имеет свои представительства в 43 странах (ЮАР имеет дипотношения с 23 странами).

АНК в последние годы перешел от состояния значительной военной, политической и материальной зависимости от СССР к достаточно высокой независимости.

Что могло бы означать охлаждение отношений с АНК для СССР? Проблема ликвидации апартеида по своему эмоциональному общечеловеческому накалу входит сегодня в число крупнейших мировых проблем наряду с разоружением и экологией. АНК и МДЦ олицетворяют в глазах мирового сообщества борьбу с апартеидом. Заметное ухудшение отношений с АНК имело бы разрушительные последствия для нашего политического престижа не только в Африке. Это вызвало бы глубокое недоумение во всем мире. Как ни парадоксально, это вызвало бы недовольство и среди части белой общины ЮАР, которая видит во взаимодействии АНК и СССР реальную возможность покончить с апартеидом.

Ухудшение отношений с одним из наших стратегических союзников может привести к дальнейшему ослаблению наших позиций в регионе. Декларация Спецкомитета ОАЕ по Югу Африки (Хараре, 21 августа с.г.), в которой сформулированы подходы к урегулированию в Южной Африке, прямо подчеркивает, что стороны (имеются в виду правительство ЮАР и освободительное движение) определяют параметры международного участия в урегулировании. Наивно было бы рассчитывать, что правительство ЮАР заинтересовано в нашем участии, разве что как в средстве давления на АНК. Будет ли в этом заинтересован АНК?

Будущая демократическая Южная Африка предоставит возможность получить весомую экономическую отдачу от нашей многолетней и связанной с материальными затратами поддержки освободительной борьбы. Южная Африка с дружественным для СССР правительством (а АНК, несомненно, будет важнейшим компонентом любого будущего правительства) может стать нашим партнером на мировом рынке золота, алмазов и других металлов, крупным и платежеспособным импортером продукции нашего машиностроения в случае повышения его конкурентоспособности.

Возможность конфронтации с АНК достаточно реальна, если мы будем двигаться к установлению различного рода связей с правительством ЮАР. АНК несомненно будет защищать доказавшую свою эффективность политику международной изоляции ЮАР.

АНК на этой стадии борьбы может обойтись без советской помощи, хотя это и осложнит его положение. Для СССР конфликт или даже серьезное охлаждение отношений с АНК может дорого стоить не только в переносном, но и в прямом смысле.

Контакты представителей СССР с правительством ЮАР имеют определенное значение, поскольку они позволяют нам непосредственно знакомиться с позицией правительства и излагать нашу точку зрения. Они также помогают снимать антисоветские настроения в белой общине. Такой подход в целом находит понимание в АНК и МДД.

Однако в АНК отмечают, что нынешний уровень советских контактов с режимом Претории свидетельствует о большем, нежели только об участии в работе трехсторонней комиссии. Механизм консультаций с правительством ЮАР уже хорошо отработан, а вот аналогичного механизма регулярных консультаций с АНК нет. У наших партнеров зреет убеждение в том, что дело идет к улучшению отношений СССР с правительством ЮАР за счет АНК. С этими настроениями демократических сил Южной Африки нельзя не считаться.

С кем предпочтительнее иметь дело в долгосрочном плане – с Преторией или с АНК? Международное сообщество в целом определило свой выбор в пользу АНК, всем ясно, что правительство ЮАР при всем его нынешнем военно-политическом весе не имеет исторической перспективы.

Правящая группировка Южной Африки, очевидно, осознает опасность обстановки. К этому ее активно подталкивает Запад, опасаящийся революционного взрыва. К пониманию неизбежности серьезных изменений пришел и крупный бизнес.

Однако было бы заблуждением считать, что эти силы приведут страну к глубоким переменам. Основная социальная опора правительства – белые фермеры, белый рабочий класс и мелкая буржуазия, а также сильно разросшийся госаппарат – выступают против перемен, усматривая в них опасность для своего жизненного уровня, одного из самых высоких в мире. В этих условиях правительство занимает колеблющуюся позицию между признанием новых политических и экономических реалий и настроениями своей социальной опоры, противящейся реформам.

Даже краткий анализ не слов, а дел правительства показывает отсутствие готовности режима идти на реальные перемены: чрезвычайное положение продлено еще на один год, хотя внешняя обстановка этого

не требует; число запрещенных организаций достигло рекордной цифры – 32; расходы на армию и полицию увеличиваются на 22%, несмотря на уход ЮАР из Анголы и Намибии; пока нет и речи об отмене основных законов апартеида. Заявление Ф.де Клерка и даже такие шаги, как освобождение ряда лидеров АНК, – это пока еще в основном тактические меры, направленные на то, чтобы ослабить международную изоляцию ЮАР и экономические санкции.

Позиции сторон пока слишком далеки для того, чтобы можно было рассчитывать на немедленные результативные переговоры. АНК отверг «5-летний план» де Клерка. Правительство ЮАР, возможно, освободит Н.Манделу и отменит чрезвычайное положение. Но оно вряд ли решится на то, чтобы удовлетворить основные условия АНК и МДД, в первую очередь требование об отмене запрета на АНК, ЮАКП и другие демократические организации. А без этого условия переговоры не могут состояться. Ни та, ни другая сторона еще не созрели для серьезных переговоров: а) правительство чувствует себя еще достаточно сильным; б) АНК и МДД не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы добиться удовлетворения своих требований.

Очевидно, обе стороны будут в ближайшее время маневрировать, внешне уступая международному давлению в пользу переговоров. Однако решающее значение для начала будущих переговоров будет иметь новый подъем освободительного движения, который уже практически начался. Южная Африка, видимо, выйдет из этого подъема с новым балансом политических сил, с окрепшим влиянием АНК и МДД и ослабленной структурой власти, с утраченным единством белого меньшинства. Именно это решающее внутреннее давление в сочетании с внешним и побудит, очевидно, белую общину пойти на глубокие перемены и сесть за стол переговоров с африканским большинством. В.Солодовников.

Министр снова не отреагировал и на эти мои предложения. В это же время в западной прессе и в самой Южной Африке средства массовой информации продолжали открыто обсуждать расхождения, возникшие между Москвой и АНК. К этому моменту было ясно, что основным партнером на переговорах с правительством ЮАР о переходе Южной Африки к нерасовому обществу являются АНК и его союзники. В феврале 1990 года Н.Мандела после 27 лет заключения был освобожден, и между ним и президентом ЮАР де Клерком начались интенсивные, как тогда говорили, «переговоры о переговорах», то есть о выработке формулы ведения переговоров о ликвидации системы апартеида и расистских законов.

Обе стороны на переговорах – АНК и правительство ЮАР – нуждались в международной поддержке их позиций. Вес СССР на международной арене в то время все еще был значительным, и АНК, естественно, был заинтересован в его поддержке.

В свою очередь, мы полагали, что СССР не только по идеологическим и морально-нравственным причинам, но и в силу национальных интересов был заинтересован в продолжении сотрудничества с АНК, который – мы были в этом уверены – в будущем правительстве будет играть решающую роль. Учитывая это, западные страны, в том числе недавние жесткие противники АНК – США и Англия, стали устанавливать с АНК отношения, приглашать в свои столицы его лидеров и союзников.

В то же самое время Горбачев и Шеварднадзе вели дело к снижению уровня сотрудничества с АНК. Что, эти господа не владели ситуацией в Южной Африке или хотели сделать приятное Госдепартаменту США? Снова встает вопрос об опубликовании архивных ма-

териалов МИД СССР, чтобы выяснить по документам, как и кем принимались решения о политике СССР в Южной Африке.

Не желая мириться с тем, что отношения между официальной Москвой и АНК продолжали все больше и больше осложняться, я в **третий раз** решил обратиться к Шеварднадзе, предложив, пока не поздно, нормализовать отношения с АНК и тем самым защитить интересы СССР в южноафриканском регионе.

Министру иностранных дел СССР тов. Шеварднадзе Э.А.

Уважаемый Эдуард Амвросиевич!

В прошлом году я направил в Ваш адрес два письма по проблемам нашей политики по Южной Африке. К сожалению, они остались без ответа. Хорошо понимая, что комплекс крупных и неотложных европейских дел всецело занимает Ваше время, я решил все-таки еще раз попробовать привлечь Ваше внимание к проблемам, вызывающим у меня тревогу.

Сейчас в Африке в целом и в Южной Африке, в частности, мы теряем политический капитал, наработанный десятилетиями тяжелого труда и немалых расходов. Дело идет к тому, что к началу переговоров в ЮАР мы можем оказаться на положении в лучшем случае «младшего партнера», не очень-то нужного ни Западу, ни правительству ЮАР, ни АНК. Как известно, наш авторитет в Южной Африке основывается на давнем сотрудничестве с АНК. Ослабляя эти связи, мы ставим под вопрос наше участие в данном процессе вообще.

Само по себе наше участие в урегулировании не может быть самоцелью. Реальная цель – обеспечение наших экономических интересов в этой стране, которая могла бы быть нашим крупным партнером: СССР и ЮАР вместе добывают более половины мирового производства золота. Только от сотрудничества на рынке золота при умелом взаимодействии двух стран мы могли бы получить сотни миллионов долларов дополнительно. Однако, судя по всему, возможно повторение варианта с Зимбабве, где в течение двух лет после независимости мы не могли установить даже дипломатические отношения¹.

Сейчас в целом определен замысел Запада. С одной стороны, нас подталкивают на расширение политических, экономических и культурных связей с ЮАР, а с другой стороны, эти контакты немедленно получают огласку в западной прессе как средство дискредитировать СССР в глазах будущего правительства Южной Африки. Создается парадоксальное положение, когда идя на расширение отношений с ЮАР, мы одновременно подрываем потенциал наших связей с этой страной в постапартеидный период.

Разумеется, речь не идет о механическом следовании предыдущей модели поведения с полным отказом от каких-либо контактов с ЮАР. Мы вступили в принципиально новую ситуацию. Но она требует от нас еще большей осмотрительности и осторожности, придания этим контактам регулируемого и контролируемого характера.

Проблема видится в отсутствии глубокого анализа наших долгосрочных национальных интересов в этой стране, подготовленного с участием всех ведущих специалистов по Южной Африке. Без всестороннего исследования положения в этой стране и последствий того или иного варианта нашей политики мы опять придем к волевым решениям, ориентированным на крат-

¹ Уточнение автора: дипломатические отношения с Республикой Зимбабве были установлены через 10 месяцев после обретения ею независимости.

косрочные и тактические интересы текущего момента. Последствия такой практики Вам известны лучше, чем мне.

Я убежден, что наши долгосрочные интересы могут быть обеспечены за счет укрепления давних отношений с АПК, который общепризнанно будет ключевым элементом правительства Южной Африки. Уже сегодня это сделать сложнее, чем вчера. В наших отношениях накапливается все больше негативного. Снять растущую напряженность мог бы механизм регулярных консультаций с АНК. Его отсутствие (при том, что в отношениях с правительством ЮАР такой механизм существует) будет создавать для нас все больше сложностей.

Хотелось бы также, чтобы проблемы Южной Африки не воспринимались лишь как элемент глобальных взаимоотношений между сверхдержавами. Это достаточно крупная самостоятельная проблема, которой лично и постоянно занимаются лидеры всех западных стран, включая Д.Буша. Отношение к развивающимся странам как к периферии мировой политики неизбежно приведет нас в будущем к тем же проблемам, с которыми мы сейчас сталкиваемся в отношениях между центром и республиками в СССР.

Еще раз подтверждаю готовность к сотрудничеству с МИД СССР в разработке наших подходов к проблемам Южной Африки.

В.Г. Солодовников, член-корреспондент АН СССР, посол.

23.11.90 г.

Ответ министра на мое третье обращение последовал неожиданно быстро. Я думаю, что это было вызвано усиливающейся критикой в ЦК КПСС и в Верховном Совете курса группы Горбачева. Вскоре Э.А.Шеварднадзе демонстративно ушел в отставку. Ответ Э.А.Шеварднадзе на мое обращение был направлен после объявления об этом.

*Министр иностранных дел СССР,
Москва, 29 декабря 1990 г.*

Уважаемый Василий Григорьевич! С интересом ознакомился с Вашим последним письмом. Признателен за соображения о политике Советского Союза в отношении ЮАР. Не мог не почувствовать острой озабоченности по поводу вопроса о том, в какой мере новая политическая линия соответствует национальным интересам нашей страны.

В этой связи хотел бы, прежде всего, сказать, что главную задачу советской политики в отношении ЮАР сегодня мы видим в том, чтобы максимально содействовать процессу ликвидации системы апартеида и урегулированию конфликта в этой стране политическими средствами. В решении данной задачи мы опираемся в первую очередь на наши традиционные дружественные связи с демократическими организациями – АНК и его союзниками. Вместе с тем очевидно, что Советский Союз может сыграть весомую роль в урегулировании в Южной Африке только в том случае, если будет вести диалог и с другими основными силами, выступающими за политическое решение, включая правительство Ф.де Клерка.

В наши планы, как Вы понимаете, не входит приведение в ЮАР к власти какой-либо из политических организаций. Данный вопрос должны решить сами южноафриканцы. Важно, чтобы происходящие в этой стране процессы завершились в конечном итоге созданием демократической

Южной Африки, такого государства, с которым мы могли бы развивать всесторонние и взаимовыгодные отношения.

В связи с отсутствием нашего постоянного представительства в ЮАР мы испытываем определенные трудности в поддержании устойчивых контактов с участниками процесса урегулирования в ЮАР. С переводом штаб-квартиры АНК на территорию страны значительно ослабли наши регулярные контакты с руководством АНК, хотя, мы надеемся, это явление временное. Недавно очередная делегация АНК была принята в МИД СССР. Состоялся содержательный обмен мнениями по вопросам ликвидации апартеида, двусторонних отношений.

Должен сказать также, что вопросы перспективных отношений с постапартеидной Южной Африкой находятся в центре постоянного внимания наших специалистов. В этом направлении сейчас ведется большая кропотливая работа. Мы поддерживаем тесные контакты с нашими учеными, и, видимо, назрела необходимость вновь организовать встречу с ними для обстоятельного и всестороннего анализа возможных действий как на краткосрочную, так и на более отдаленную перспективу.

Хотел бы пожелать Вам доброго здоровья и успехов в Вашей работе.

Ответ министра меня не удовлетворил. Он продолжал защищать курс на расширение сотрудничества с режимом апартеида и на дальнейший отход от сотрудничества и взаимодействие с АНК под предлогом «отсутствия нашего постоянного представительства в ЮАР». В этой фразе я увидел намек на то, что для расширения контактов с АНК надо было бы непременно иметь советское представительство в Претории, то есть установить официальные отношения с правительством ЮАР до окончания переговорного процесса. Только в этом случае, по мнению Шеварднадзе, будут преодолены «трудности в поддержании устойчивых контактов с участниками процесса урегулирования в ЮАР». Но ведь признание Советским Союзом режима апартеида еще больше ослабило бы позиции АНК. Я был против того, чтобы Москва установила официальные отношения с расистским правительством ЮАР до полной ликвидации системы апартеида, ибо это привело бы к ослаблению позиций АНК и его союзников на переговорах с правительством Претории и нанесло бы ущерб нашим национальным интересам в будущем, когда АНК будет играть решающую роль в постапартеидной Южной Африке.

Я был полностью согласен с Шеварднадзе, что «в наши планы ... не входит приведение в ЮАР к власти какой-либо из политических организаций. Этот вопрос должны решать сами южноафриканцы». Верно, вопрос о том, кто придет к власти, должны решать сами южноафриканцы. Но СССР как великой державе, имеющей свои интересы на Юге Африки, совсем было небезразлично, какие политические силы в Южной Африке придут к власти: недружественные нашей стране или сторонники развития взаимовыгодных отношений с СССР. Я не думаю, что Шеварднадзе или его советники, готовившие для него данное письмо, не понимали этого. Следовательно, они использовали принцип «невмешательства во внутренние дела Южной Африки» с целью оправдать политику, направленную против сотрудничества с АНК.

Во всех обращениях к министру я рекомендовал привлекать ученых и специалистов к выработке внешней политики в Южной Африке. Оказывается, как следовало из ответа министра, я рвался в «открытую» дверь: «...вопросы перспективных отношений с постапартеидной Южной Африкой находятся в центре постоянного внимания наших специалистов. В этом направлении сейчас ведется большая кропотливая работа. Мы поддерживаем тесные контакты с нашими учеными...». Кто же эти ученые, с кото-

рыми руководители МИД поддерживали «тесные контакты» и которые ведут «большую кропотливую работу»? Я уже отмечал выше: это были ученые-африканисты и журналисты, идеологические и политические позиции которых по Южной Африке если не полностью, то в основном совпадали с позицией Горбачева и Шеварднадзе. Когда А.Адамишин в 1986 году был назначен заместителем министра иностранных дел СССР по африканскому направлению, он для консультаций по вопросам новых подходов в политике по Южной Африке пригласил на совещание группу специалистов по Южной Африке: А.Б.Давидсона – зав. сектором истории Африки Института всеобщей истории АН СССР, Б.А.Пиляцкина – корреспондента газеты «Известия», Б.В.Иорданского – заместителя главного редактора еженедельника «За рубежом», В.И.Гончарова и Е.А.Тарабрина – из Института Африки АН СССР.

Мне стало известно от одного из участников совещания, что Б.А.Пиляцкин первым предложил вести дело к установлению дипломатических отношений СССР с ЮАР. «Все остальные присутствующие, – сказал данный участник совещания, – придерживались близких к этому позиций». Создается впечатление, что приглашенные на совещание разделяли позиции руководства МИД или не хотели вступать с ним в полемику. Так что когда Э.А.Шеварднадзе, отвечая мне, писал, что «мы поддерживаем тесные контакты с нашими учеными», очевидно, он имел в виду ученых и журналистов, которые разделяли его позиции.

Наиболее одиозным участником совещания у заместителя министра оказался журналист Пиляцкин. Журнал «Африкен коммунист» за первый квартал 1993 года обнародовал телеграмму заместителя редактора южноафриканской газеты «Санди Таймс» Брайана Поттингера, адресованную газете «Известия» для Пиляцкина. Дата отправления телеграммы – 27 марта 1992 года. В ней Брайан Поттингер писал: «Мы готовы платить Вам за каждую статью, которую Вы направляете нам. А если источник содержит важный материал, мы хотели бы предложить Вам гонорар, скажем, в размере 1000 американских долларов в месяц за работу в архивах. Если Вам удастся получить доступ к пока засекреченным документам, мы бы хотели, чтобы Вы сняли с них копии и направили нам». «Санди Таймс» намеревалась получать от Пиляцкина «разоблачительные документы о связях членов руководства ЮАКП с КГБ». И Борис Арнольдович не подвел заказчика: он опубликовал в «Санди Тайме» статью, в которой утверждал, что «в ЮАКП полно сотрудников КГБ. Они действуют как КГБ». Среди лиц, на которых Б.А.Пиляцкину поручалось искать в архивах «компромат», был и нынешний председатель Конституционного суда ЮАР А. Часкальсон¹.

¹ Когда моя рукопись уже находилась в редакционно-издательском отделе Института Африки, вышли в свет мемуары А.Л.Адамишина, из которых стало ясно, что заместитель министра иностранных дел СССР Адамишин не только прислушивался к советам Бориса Арнольдовича Пиляцкина, но и использовал его в качестве посредника в контактах с официальными лицами из правительства ЮАР. Вот что пишет об этом Адамишин: «Чем больше дело шло к развязке, тем более настоятельной становилась необходимость нашего обращения в ЮАР на правительственном уровне. Три из четырех наших основных союзников – Ангола, Куба и СВАПО – больше не возражали. Дело упиралось в позицию АНК. Не раз МИД обращался в партийные инстанции, но разрешение нам давали в год по чайной ложке. Потихоньку, однако, дело сдвинулось. Осенью 1988 года в Преторию (до этого контакты с общественными деятелями ЮАР предписывалось иметь вне пределов этой страны) был направлен корреспондент «Известий». Это был Борис Пиляцкин, первая, можно сказать, ласточка. Его репортажи непосредственно с места событий произвели впечатление, ибо раскрывали доселе во многом невидимую страну. Он показал, в частности, что за последние годы апартеид был смягчен принятием ряда антирасистских законов, что социальная мозаика ЮАР сложнее, чем казалось на первый взгляд. К тому же (и это, пожалуй, самое важное в признании А.Л.Адамишина. – В.С.) у него по особому разрешению (естественно со стороны МИД. – В.С.) были встречи с официальными лицами. Он привез в Москву настойчиво выраженное пожелание юаровцев о повышении уровня контактов с советскими представителями» (А. Адамишин «Белое солнце Анголь». – М., 2001. – С. 138-139).

После предания гласности телеграммы из газеты «Санди Таймс» стало понятно, почему этот «эксперт», приглашенный на закрытое совещание в МИД, предлагал установить дипломатические отношения между СССР и режимом апартеида.

Заместитель министра иностранных дел СССР А.Л.Адамишин, вступив в контакты с членами правительства ЮАР, опирался на советы человека, как оказалось, готового искать «компромат» на друзей нашей страны за деньги и отвергал советы экспертов, выступавших за развитие сотрудничества с АНК и его союзниками. Он не захотел обсуждать мои предложения, направленные министру иностранных дел Э.А.Шеварднадзе. Почему?

На этот вопрос попытался ответить один из рецензентов данной работы. Он в своем отзыве написал: «Адамишин – один из думающих мидовских чиновников, специалист по Италии и Франции, просто он Африки не знает вообще. Кстати, зря Вы его представляете врагом АНК: он приглашал ученых и специалистов, чтобы решить, как действовать. На первый план выходит Пиляцкий, который вроде бы и определяет направление нашей политики».

Я недостаточно хорошо знаю А.Л.Адамишина, но готов согласиться с оценкой рецензента, что он – «один из думающих мидовских чиновников». Но я также согласен с другой оценкой заместителя министра по африканскому направлению – «просто он Африки не знает». В связи с этим встает закономерно вопрос к министру: зачем было назначать заместителем министра по африканскому направлению дипломата, не знакомого с африканской проблематикой? Разве в Министерстве не было думающих и хорошо знающих Африку дипломатов? Конечно, такие люди в Министерстве были (заведующие африканскими отделами, руководители управления стран Африки, послы в африканских странах). Но назначили все же человека, далекого от африканской проблематики.

У меня нет четкого объяснения этому факту. Но одно определенно можно сказать: если бы заместителем министра был опытный дипломат, хорошо знающий Африку, то, возможно, Министерство в эти годы избежало бы многих ошибок и просчетов, о которых говорится в этой работе.

Последующие события в Южной Африке подтвердили правоту тех, кто выступал за продолжение связей с АНК: лидер АНК Н.Мандела в 1994 году был избран президентом ЮАР, а Россия, руководство которой сделало ставку на взаимодействие с режимом апартеида, оказалась на обочине событий в Южной Африке. На первые роли в сотрудничестве с новой Южной Африкой вышли вчерашние противники АНК – западные страны, нормализовавшие в конце 80-х – начале 90-х годов отношения с АНК и его союзниками. Это наглядное свидетельство «прагматизма» западной дипломатии, граничащего с цинизмом и беспринципностью.

Несмотря на временные осложнения в отношениях между народами России и Южной Африки, дружба, взаимопонимание и экономическое сотрудничество между нашими странами и общественностью будут развиваться и углубляться. Этот вывод опирается на историю отношений между нашими народами, на совпадение или близость политических и экономических интересов на мировой арене.

К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ВИЗИТА Н.МАНДЕЛЫ В СССР: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ВИЗИТА

11 февраля 1990 года Нельсон Мандела после более чем 27 лет пребывания в заключении под давлением африканской и международной общественности, включая советскую, был освобожден из тюрьмы. Мир отреагировал немедленно. Посыпались

приветственные телеграммы. Молчал только М.Горбачев. Лишь 13 февраля М.Горбачев направил в штаб-квартиру Африканского Национального Конгресса (АНК) в Лусаке (Замбия) телеграмму, в которой от имени советского руководства поздравил Нельсона Манделу с выходом на свободу и пригласил его посетить СССР. 13-14 февраля эта телеграмма передавалась по советскому телевидению и была опубликована в советских газетах.

*«Лидеру Африканского Национального Конгресса Южной Африки
Н.Манделе.*

Дорогой Нельсон Мандела!

От души поздравляю Вас с обретением свободы. В этом долгожданном событии мы видим еще одно проявление духа времени, когда зло и насилие отступают перед справедливостью и солидарностью.

Подтверждаем неизменную поддержку Советского Союза правого деча АНК, всего движения против апартеида в борьбе за демократическую Южную Африку.

Желаю здоровья и успехов.

М.Горбачев».

«Правда», 14 февраля 1990 г.

Вторая часть телеграммы – приглашение Нельсону Манделе посетить СССР – была вручена руководству АНК в его штаб-квартире в Лусаке советским послом в Замбии и не была опубликована в газетах. Почему Горбачев и его окружение скрыли от советской и международной общественности вторую часть телеграммы – приглашение Н.Манделе посетить СССР – теперь не является загадкой. Горбачев, подписывая телеграмму, лицемерил: он не особенно хотел встречи с Манделой. Возможно, он предполагал, что ему пришлось бы объяснять, почему советское руководство начало отходить от поддержки АНК и пошло по пути установления отношений с режимом апартеида. Чтобы не отвечать на эти неприятные для него вопросы, М.Горбачев и его окружение решили «замотать» визит Н.Манделы.

12 февраля Советский комитет солидарности стран Азии и Африки направил Нельсону Манделе приветствие в связи с его освобождением из заключения и пригласил его посетить СССР. 22 февраля на заседании бюро Африканской комиссии СКССАА обсуждался вопрос о приеме в СССР Нельсона Манделы. Было высказано предложение образовать Национальный общественный комитет по встрече Манделы в СССР. С 25 февраля по 1 марта в Лусаке находилась делегация СКССАА в составе В.Г.Солодовникова, заместителя председателя Комитета, и Д.Л.Завгороднего, секретаря Комитета. Делегация была направлена для участия от имени советской общественности в торжественной встрече Нельсона Манделы в Лусаке, впервые выехавшего за пределы Южной Африки после многолетнего заключения в тюрьме для переговоров с ним и приглашения посетить СССР.

27 февраля Мандела прилетел из Йоханнесбурга в аэропорт Лусаки для встречи со своими соратниками из АНК, находящимися в изгнании, с руководством Замбии, а также с главами государств и правительств, с министрами ряда государств, с представителями международных и национальных общественных организаций, которые поддерживали борьбу АНК против режима апартеида и добивались освобождения Нельсона Манделы. При встрече с Нельсоном Манделой в аэропорту делегация советской общественности приветствовала его освобождение и передала ему теплые приветствия советских людей, советских общественных организаций.

28 февраля делегация была принята Нельсоном Манделой и его соратниками в резиденции президента Замбии К.Каунды, которая временно была и резиденцией лидера АНК Н.Манделы. Этот дом мне был хорошо знаком. Я много раз бывал здесь, когда был послом СССР в Замбии.

Делегация Советского комитета солидарности сердечно приветствовала Нельсона Манделу с освобождением из тюремного заключения и от имени советской общественности пригласила его посетить СССР в удобное для него время.

Сопровождавший делегацию посол СССР в Замбии Олег Семенович Мирошкин в нашем присутствии проинформировал Нельсона Манделу о том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, президент СССР пригласил его посетить нашу страну. Делегация сообщила Н.Манделе, что СКССАА выдвинул его кандидатуру на получение Ленинской премии мира за 1990 год. Делегация также вручила Н.Манделе хрустальную вазу, изготовленную по специальному заказу в связи с его 70-летием. Нельсон Мандела сказал, что учитывая решающую роль СССР в поддержке АНК и борьбы африканского народа против апартеида, Исполком АНК примет решение, чтобы СССР был первой страной вне Африканского континента, которую он посетит, чтобы отблагодарить советский народ за все, что он сделал для АНК и для Южной Африки. 13 марта, после возвращения в Москву делегации, Советский комитет солидарности начал формировать общественный комитет по встрече Н.Манделы в СССР.

Газета «Известия» 22 марта 1990 года в статье «Встречи в Виндхукке», посвященной участию министра иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе в праздновании провозглашения независимости Намибии, сообщила о его встрече с Нельсоном Манделой. «Э.А.Шеварднадзе, – писала газета, – горячо поздравил Н.Манделу с освобождением из тюремного заключения и с возвращением к общественно-политической деятельности и от имени советского руководства пригласил его посетить Советский Союз, где он хорошо известен как выдающийся деятель современности, мужественный борец с антигуманной системой апартеида». С благодарностью приняв приглашение советского руководства, Н.Мандела подчеркнул, что учитывая «давнишние тесные отношения АНК с Советским Союзом, неоценимую поддержку Советским Союзом антиапартеидных сил, он при формировании своих дальнейших планов будет отдавать приоритет возможности посетить СССР».

14 апреля 1990 года на заседании Африканской комиссии СКССАА с участием представителей Союза советских обществ дружбы (ССОД), Советской ассоциации дружбы с народами Африки, Советского Фонда мира и др. была сформирована инициативная группа для встречи Нельсона Манделы в СССР. Председателем группы был избран народный депутат СССР, зам. председателя СКССАА О.Сулейменов, заместителем председателя – член-корреспондент АН СССР, заместитель председателя СКССАА В.Г.Солодовников. В группу вошли видные ученые и общественные деятели, были представлены такие организации, как СКССАА, ССОД Советский Фонд мира, Международный отдел ЦК КПСС, Комитет молодежных организаций (КМО), Комитет советских женщин, Институт Африки АН СССР, Советская ассоциация дружбы с народами Африки.

На заседании было высказано мнение, что наряду с государственной программой приема Нельсона Манделы в СССР (встреч с Генеральным Секретарем ЦК КПСС, Президентом СССР, в Верховном Совете СССР, в МИД СССР), советские общественные деятели считали, что программа пребывания Н.Манделы в СССР должна включать следующие мероприятия: встречу с общественностью Москвы в Колонном Зале Дома Союзов, на которую пригласить делегации общественности из всех союзных республик, из Ленинграда и других городов; митинг-встречу Н.Манделы со студентами

Университета Дружбы народов; встречу товарища Н.Манделы с советскими деятелями культуры и науки; посещение товарищем Манделой музея-квартиры В.И.Ленина в Кремле и встречу с космонавтами в Звездном городке; на общем собрании преподавателей и студентов МГУ провести торжественное вручение Н. Манделе диплома почетного доктора наук МГУ, присужденного ему в 1988 году в связи с 70-летием со дня его рождения. 16 апреля 1990 года председатель инициативной группы Советского общественного комитета по встрече Нельсона Манделы в СССР, народный депутат СССР О.Сулейменов вылетел в Лондон для встречи с Нельсоном Манделой, чтобы от имени советской общественности подтвердить приглашение посетить СССР. Нельсон Мандела с благодарностью принял это приглашение. 30 мая 1990 года Комитет по Ленинским премиям мира постановил присудить Нельсону Манделе Международную Ленинскую премию мира за 1990 год. Кандидатура Н.Манделы на присуждение премии была предложена СКССАА и Советским фондом мира. Исполком АНК предложил осуществить визит Н.Манделы в Москву в июне 1990 года. Однако на эти же сроки был назначен визит М.С.Горбачева в США. Советская сторона согласилась принять Нельсона Манделу в Москве в сентябре 1990 года. Но этот срок оказался неприемлемым для Н.Манделы. АНК предложил осуществить данную поездку в октябре. Но и в октябре 1990 года визит Н.Манделы в Москву не состоялся. В самый последний момент советская сторона отказалась принять Н.Манделу под предлогом чрезмерной занятости президента СССР. В ноябре 1990 года Африканская комиссия СКССАА и члены общественного комитета по встрече Нельсона Манделы в СССР приняли решение обратиться к М.С.Горбачеву с настоятельной просьбой принять лидера АНК в СССР. Председатель общественного комитета по встрече Манделы направил письмо М.С.Горбачеву.

Президенту СССР тов. Горбачеву М.С.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В марте с.г. тов. Шеварднадзе Э.А. передал лидеру АНК Нельсону Манделе приглашение советского руководства посетить СССР. Южноафриканская сторона предлагала сделать это в июне, причем СССР должен быть, по их мнению, первой страной, которую Н.Мандела посетил бы официально. Этим АНК хотел подчеркнуть особую роль СССР в поддержке освободительной борьбы, которая привела к нынешнему политическому процессу ликвидации апартеида. К сожалению, предложенные АНК сроки совпадали с Вашим визитом в США. Похожая ситуация сложилась в октябре с.г., когда ввиду Вашей особой загруженности делами предложенные АНК даты оказались неприемлемыми.

Представляется, однако, необходимым вновь вернуться к теме визита Н.Манделы в СССР. К настоящему времени авторитет Манделы как реального, а не эмоционально-лозунгового лидера, выявился вполне. В принципе, он де-факто превращается в лидера всего Африканского континента. Это подтверждается особым личным вниманием, которое оказывают ему лидеры Запада, включая Д.Буша, Г.Коля, Ф.Миттерана и других.

Но дело даже не в личности Манделы. Южная Африка представляет особый интерес для нас как необычайно емкий потенциальный объект взаимовыгодного сотрудничества. Ввиду монополии СССР и ЮАР на добычу золота, алмазов и ряда редких минералов мы можем получить огромную экономическую отдачу от взаимодействия с этой страной после ликвидации апартеида. Дальнейшая отсрочка визита Н.Манделы в СССР (приглашение исходило от нас) может привести к охлаждению отношений с АНК, кото-

рый общепризнанно будет играть ключевую роль в будущем государственном устройстве Южной Африки.

С учетом крайне напряженного графика Вашей деятельности можно было бы пойти на приглашение Н.Манделы от имени советского руководства на отдых и лечение в СССР в январе-феврале 1991 года сроком на 20-25 дней. В течение этого времени можно было бы найти возможность проведения Вашей беседы с ним. Его пребывание можно использовать также для проведения церемонии вручения Н.Манделе Международной Ленинской премии мира. Вопросы ликвидации апартеида по-прежнему находятся в центре внимания мирового сообщества Н.Мандела по-прежнему пользуется большим авторитетом в мире, и думается, что Ваша встреча с ним способствовала бы реализации внешнеполитических целей СССР.

О.Сулейменов, депутат Верховного Совета СССР, председатель общественного Комитета по встрече Нельсона Манделы в СССР, заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки».

Ответа или какой-либо реакции на это обращение О.Сулейменова от президента СССР не последовало. В январе-феврале 1991 года я подготовил проект личного письма М.С.Горбачеву, в котором писал, что в интересах СССР и в личных интересах президента СССР необходимо принять в СССР Нельсона Манделу. Но письмо не было отправлено адресату. Сейчас мне трудно вспомнить, почему я не отправил свое обращение. Возможно, это произошло потому, что была получена информация о согласии обеих сторон осуществить намечаемый визит Н.Манделы в СССР в мае 1991 года. С 7 по 19 марта 1991 года в Южной Африке находилась делегация СКССАА в составе заместителя председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки В.Г.Солодовникова (глава делегации), С.И.Каландарова и В.Н.Тетекина. Целью поездки было ознакомиться с политической обстановкой на месте, установить личные контакты с руководителями политических партий и общественных организаций, с которыми до этого времени советская общественность не поддерживала связей (ПАК, ИНКАТА, Демократическая партия и др.), обсудить формы сотрудничества между СКССАА и АНК и его сторонниками, проинформировать о мероприятиях, которые мы планируем осуществить во время пребывания Н.Манделы в Москве.

Наша делегация была первой советской общественной делегацией, посетившей Южную Африку после того, как правительство ЮАР сняло запрет на деятельность АНК, ЮАКП, ПАК и других демократических организаций, после того, как противники апартеида вернулись в страну и возобновили легальную политическую деятельность. Приглашение делегации СКССАА посетить Южную Африку поступило от Института демократической альтернативы для Южной Африки (ИДАСА) и было поддержано АНК. Программа нашего пребывания в Южной Африке была разработана обеими организациями ИДАСА и АНК. Интерес южноафриканской общественности к делегации был чрезвычайно высоким.

По возвращении в Москву в своем отчете делегация сделала следующие выводы о состоянии и перспективах советско-южноафриканских отношений:

«1. Симпатии к Советскому Союзу остаются мощным средством нашего влияния в Южной Африке, серьезной опорой нашего дальнейшего политического и экономического сотрудничества с этой страной. Другое дело, что данный фактор не имеет автоматического действия. Нужно немало поработать, чтобы превратить его в практическую выгоду. Нам сейчас не нужно что-либо особенное делать. Простое подтверждение нашей морально-политической поддержки блока демократических сил во

главе с АНК – это все, что требуется на данном этапе. Но это было бы с большой благодарностью воспринято этими силами. Надо избежать повторения ситуации в Намибии, когда попытка изобразить из себя участника урегулирования, равноудаленного от основных противоборствующих сторон, не дала нам большой выгоды в отношениях с правительством ЮАР, но изрядно испортила наши отношения со СВАПО и, соответственно, с нынешним правительством Намибии.

2. Вероятно мы не в полной мере представляем себе всей сложности обстановки в Южной Африке, многочисленности и переплетенности компонентов. Эти силы находятся в последние месяцы в непрерывном движении, поэтому их баланс непрерывно меняется. Соответственно изменяется равнодействующая политических сил. Это иногда проходит мимо нашего внимания.

В этом плане, вероятно, были бы оправданными дальнейшие контакты с широким кругом политических сил. Нашим стратегическим союзником должен оставаться блок демократических сил во главе с АНК, однако в новой обстановке контакты с такими силами, как ПАК, АЗАПО, ИНКАТА, и даже Консервативная партия, помогут лучше представлять себе побочные течения политической жизни, их влияние на процессы перемен. Можно было бы расширить круг наших связей еще и в сторону лидеров бантустанов, которые или уже вступили в отношения сотрудничества с АНК, или находятся на подходе к такому сотрудничеству. Речь идет о таких деятелях, как Б.Холомиса (Транскей) и И.Мабуза (Кангване). Можно было бы подумать и о более широком сотрудничестве с лидером ИНКАТЫ Г.Бутелези. Но это возможно только при условии, что мирное урегулирование между АНК и ИНКАТОЙ будет развиваться стабильно.

3. Остро ощущается слабость нашего научного восприятия процессов в Южной Африке. Зачастую мы основываем наши оценки и подходы на отдельных фактах. Без солидного общетеоретического осмысления происходящих событий будет трудно выстроить целостную картину из той мозаики фактов, которую представляет собой ныне Южная Африка. В этом смысле могла бы сыграть свою роль советско-южноафриканская встреча по экономическому сотрудничеству в постапартеидный период. ИДАСА и АНК подтвердили намерение активно работать по подготовке этой встречи. Ее проведение намечено на 16-18 мая с.г.». (К сожалению, эта встреча не состоялась. – В.С.) По вопросу отношений между СССР и АНК на государственном уровне в отчете говорилось:

«Советская политика по Южной Африке рассматривается в этой стране, особенно блоком демократических сил, как неопределенная. Отсутствие разъяснений со стороны СССР по поводу своих намерений в Южной Африке, равно как и отсутствие механизма регулярных консультаций между СССР и АНК, может ослабить, по мнению АНК, наше влияние на ход урегулирования. В АНК подчеркивали, что сейчас США, Великобритания и другие западные страны настойчиво работают, чтобы создать дружественные, доверительные отношения с АНК: предоставляют организации материальную помощь для создания ее инфраструктуры, консультируются по политическим вопросам, включая вопрос о санкциях. Недавно президент США Буш прислал личное письмо Н.Манделе с изложением позиции США по проблемам урегулирования в Южной Африке...

Мы настойчиво проводили мысль о том, что поддержание хороших отношений между СССР и АНК является ответственностью обеих сторон и что АНК крупно недорабатывает в этом смысле. Мы обратили внимание АНК на продолжительное отсутствие главы представительства их организации в СССР, а также аргументированно призвали АНК к более тесному сотрудничеству с СССР в ЮАР. Создается впечатление, что наша аргументация была доброжелательно воспринята руководством АНК.

Вместе с тем, неопределенность в отношениях между СССР и АНК будет, очевидно, сохраняться до тех пор, пока не состоится визит в СССР лидера АНК Н.Манделы. Наиболее удобное время для АНК – апрель или первая половина мая с.г. После этого Мандела будет полностью занят подготовкой к Национальной конференции АНК. В настоящее время (до конца марта) он находится на отдыхе в хоумленде Кангване...».

Южноафриканская пресса, телевидение, радио, говорилось далее в отчете, информировали общественность о наших встречах и высказываниях. Однако первый визит советской общественной делегации в Южную Африку по понятным причинам оказался незамеченным для советских средств массовой информации.

Далее события с визитом Н.Манделы в СССР развивались по уже отработанной окружением Горбачева схеме.

Май 1991 года: между АНК и СССР проходило согласование нового срока визита Нельсона Манделы в СССР. Когда назначенный на июнь 1991 года визит Н.Манделы в СССР был снова сорван советской стороной, активисты Африканской комиссии СКССАА решили обратиться письменно по вопросу приема в СССР Н.Манделы не только к президенту СССР, но также в МИД СССР и в Комитет по международным делам Верховного Совета СССР, в котором наши предложения полностью поддерживались.

Проект письма был подготовлен, но события 19 августа 1991 года – создание Государственного Комитета по Чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – поставили точку не только на визите в СССР Нельсона Манделы, но и на самом Горбачеве как президенте СССР. Если для приема Нельсона Манделы у Горбачева в течение двух лет (1990-1991) не нашлось времени, то в эти годы в Москве были приняты министр иностранных дел ЮАР Рулоф Бота, а затем в 1992 году и президент ЮАР Ф.де Клерк.

В связи с визитами в Москву Р.Боты и Ф.де Клерка член Исполкома, заведующий Международным отделом АНК Т.Мбеки заявил, что «визит в СССР министра иностранных дел ЮАР сделал невозможным визит в СССР Нельсона Манделы при Горбачеве».

Прием в СССР главы МИД ЮАР и отказ М.Горбачева встретиться с Н.Манделой были грубейшими ошибками дипломатии Горбачева – Шеварднадзе.

Почему не состоялся прием в СССР Н.Манделы, нам стало достоверно известно после публикации книги А.Черняева «Шесть лет с Горбачевым...». А в 1990-1991 годах, когда Комитет солидарности и другие советские организации настаивали на визите президента АНК, Черняев и другие советники Горбачева оправдывали отмену визитов чрезвычайной занятостью президента СССР, перегруженностью до предела графика приема иностранных деятелей у Горбачева. Этим утверждениям помощников Горбачева мы не верили, понимая, что при желании всегда можно найти время для приема такого выдающегося деятеля мирового масштаба, каким являлся Нельсон Мандела. Нас в этом убеждали и сообщения прессы о том, что, несмотря на «перегруженность» своего рабочего графика, Горбачев нашел время для приема рок-группы. «Московская правда» 17 декабря 1991 года сообщала, что 14 декабря Горбачев и его супруга принимали в Кремле рок-группу «Скорпионы». Задушевная беседа президента СССР с рок-группой продолжалась полтора часа и обошлась для «Скорпионов» в 100 тыс. немецких марок, переданных в «Фонд помощи России». В связи с этим нельзя не вспомнить один из фундаментальных принципов рыночной экономики: «при капитализме все продается – все покупается»: даже время президента великой державы при капитализме становится товаром.

После развала СССР в декабре 1991 года и ухода Горбачева в политическое небытие проблема отношений между Россией и АНК оставалась актуальной. Поэтому СКССАА вплоть до конца 1992 года продолжал делать все возможное, чтобы восстановить традиционные связи и сотрудничество между российской и южноафриканской общественностью.

PAGES OF HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND SOUTH AFRICA

THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN USSR AND SOUTH AFRICA

POLICY OF M.GORBACHEV-E.SHEVARDNADZE IN SOUTH AFRICA (1987-1991)

Vasili Solodovnikov¹

The author's correspondence with E.A.Shevardnadze, the Minister of Foreign Affairs of the USSR, member of the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU

The «perestroika» initiated by M.Gorbachev has led, in the long run, not only to the demolition of the Soviet Union and deep crisis in Russia but also to the weakening of external political positions of our country, the same applying to Africa. As is known, relations between the USSR and African countries in the 70s-80s were developing in the line of ascent and, contrary to the concept of their burdensome character for the Soviet Union that was widespread in the years of «perestroika», were in reality mutually advantageous.

Quite prospective for both political and potential economic interests of the USSR were interactions with a group of countries in Southern Africa to the decolonisation of which the USSR contributed appreciably. However, contacts with that region could assume genuinely broad development only after dismantlement of apartheid in South Africa.

The policy of the USSR guided by principle enjoyed wide support not only inside South Africa but also in the whole world and also among the democratic public of the Western countries which had anti-apartheid movements and committees.

Realistic prospects appeared by the end of the 80s for a political settlement in Southern Africa which had already led to the independence of Namibia and commencement of negotiations between the Government and the democratic forces of South Africa spearheaded by ANC.

That was precisely the time when the USSR leadership and then, more vividly, the leadership of Russia made a turn about on its South African policy.

The question which is to be answered by Russian historians, including specialists in African studies, is as follows: why did the Gorbachev-Shevardnadze-Yakovlev group who determined at the end of the 80s the external political strategy of the USSR diverge from the long-term line aimed at political support of ANC and South African Communist Party (SACP) and head for phasing out of relations with ANC and started to develop the relations with the government of the minority?

All that happened when the USA, starting from 1987, began to toughen sanctions against South Africa and establish contacts with ANC, when it became evident that the days of the racist regime were numbered and N.Mandela would be the head of the future South Africa. Where should one seek an answer: in Moscow or in Washington?

¹ *Vasili Grigorievich Solodovnikov* – member of the Russian Academy of Sciences, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of USSR in Zambia (1976-1981), Director of the Institute of African Studies of USSR (1964-1976).

I have formed my own point of view on the turn in the Gorbachev-Shevardnadze policy in regard to ANC and its allies.

The first contacts between the Soviet and South African diplomats where, among other things, bilateral relations between the USSR and South Africa were discussed, appeared within, the framework of the multilateral group on Angola-Namibia settlement. The Soviet and the world public opinion learnt about those meetings, as a rule, from the Western mass media.

Deliberate leakage of information about those closed door contacts originated always from the South African side. For them such leakage was advantageous since it allowed to impose one's own interpretation of those meetings, which aroused concern on the part of the ANC leaders as for the USSR intentions to further abide by the policy of supporting ANC and its allies in their struggle against the apartheid regime.

A specific feature of the Soviet Union's foreign policy system prior to the «perestroika» period was that the most active part in working out and realisation of the foreign policy, apart from the ministries and departments was played by the International Department of the CPSU Central Committee exercising a fairly effective co-ordination of those activities as well as the system of public organisations of various «specialisations».

One among them was the Soviet Afro-Asian Solidarity Committee (SAASC) formed in 1959 which, on behalf of the Soviet public dealt with matters of support rendered to the national-liberation struggle of peoples of those two continents.

SAASC was very actively co-operating with the liberation movements of Southern Africa and, in particular, with MPLA (Angola), FRELIMO (Mozambique), ZAPU (Zimbabwe), SWAPO (Namibia), ANC (South Africa). From the end of the 70s, as the struggle against the apartheid regime in South Africa was drastically intensifying, SAASC was ever more active in supporting the struggle and, naturally, accumulated good experience of work in the region. Dealing with South African issues throughout the years were such specialists in problems of the region on the staff of SAASC as A.A.Makarov, V.G.Shubin, E.A.Samoilov, V.N.Tetekin.

When the Gorbachev-Shevardnadze-Yakovlev group came to power the perfected system of interaction of the USSR and the national liberation movement was gradually being destroyed.

The leaders, active members and the staff of SAASC, having substantial understanding of problems in Southern Africa, were in perplexity with «new approaches». Which ended up in negotiations behind the scenes with representatives of the apartheid regime without consultations with ANC and were contradicting the clearly shaped tendencies of struggle in the South of Africa being contrary to the national interests of the USSR.

We objected not against discussions by diplomats of the USSR and South Africa of the bilateral relations. Moreover, we also considered such discussions as useful since they allowed to explain to South Africans who stayed in captivity of rigid anti-communist and anti-Soviet stereotypes the genuine position of the USSR. And it consisted not in that of winning over South Africa, as was written in the Western and South African newspapers, and to put it in complete dependence on the USSR, but in rendering assistance to democratic forces of South Africa in liquidation of the apartheid system condemned by the whole mankind represented by the United Nations and in contributing to the creation of the uniform democratic non-racial South Africa.

If that was the point of discussions, then why it became necessary to attribute to them the confidential character. Apparently, the Ministry of Foreign Affairs, Which by then was headed by E.Shevardnadze, had grounds to conceal the character and aims of meetings with representatives of the South African Government. Both people in ANC and we at SAASC

had an impression that the Soviet leadership was making preparations to expand co-operation with the apartheid regime at the expense of weakening our traditional ties with ANC and their allies.

In most cases those confidential meetings were associated with the name of A.L. Adamishin, the then deputy minister of foreign affairs of the USSR. It goes without saying that A. Adamishin could conduct such meetings only with the consent of E. Shevardnadze and M. Gorbachev.

While implementing in practice the course proposed by M. Gorbachev aimed at lessening the interference of the party in the affairs of state bodies, the Ministry of Foreign Affairs (MFA) started working out its own line concerning Southern Africa, first barely noticeable and then more visibly deviating from the traditional policy of the USSR in that region.

The essence of that line was in the old-standing but well concealed internal contradiction between the so called «Komintern» line followed by the International Department of the Central Committee of the CPSU and the so called «pragmatic» line of the MFA. The difference in those approaches for some time had little influence on the practical issues due to distinctive domination of the CC of the CPSU in matters of determining external political strategies of the country. All party, Soviet and public institutions such as the International Department of the CC of CPSU, the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Defence, KGB, SAASC, the Institute for African Studies of the USSR Academy of Sciences and others conducted in respect of South Africa a uniform, co-ordinated policy determined by the CPSU Central Committee.

However, with the appearance in the MFA of E. Shevardnadze who had been given virtually «carte blanche» by Gorbachev for determining the course to follow in external policy, the MFA started energetically to get rid of the «patronage» of the CC of CPSU. However, as for South Africa there cropped up two problems:

1. The MFA had never dealt seriously with the national liberation movements because due to a peculiar «division of labour» within the Soviet external political system such activities were in the competence of the International Department of the CC of CPSU and public organisations such as SAASC actively co-operating with it. Practical matters of support of military struggle were dealt with by the Ministry of Defence. Naturally, the MFA were also engaged, especially in the support of liberation movements within the United Nations. The work with ANC and other movements was carried out largely through the USSR embassies. But for the MFA, being responsible mostly for inter-governmental relations, relations with national liberation movements were secondary in importance. For the MFA the work with national liberation movements was, one can say, even burdensome as it complicated relations with Western countries, especially the USA.

2. Given the specific position of the MFA as a body intended mainly for inter-governmental relations, its assuming an active role regarding South Africa meant that its natural interlocutor became the government of South Africa and not ANC (though it was consulted with at the beginning).

There was a certain sense in that approach. However, the shift of accents was too abrupt and devoid of satisfactory explanations to ANC, Soviet and foreign public of reasons for such a change. That gave room for interpreting actions undertaken by the MFA as a deviation from the principle line of the USSR directed at support of national liberation struggle of African peoples against colonialism and racist regimes. That was also facilitated by the fact that starting from the 90s Gorbachev, his like-minded persons in the Political Bureau of the CC of CPSU such as Yakovlev, Shevardnadze, Medvedev and their closest encirclement started conducting the so called policy of «new thinking» which in essence was capitulatory policy, a voluntary surrender to the West of our positions in the «Third World».

The culmination of the «new approach» of the Gorbachev-Shevardnadze group towards South Africa was in an evasive position of Gorbachev with regard to the reception in the USSR of the ANC leader N.Mandela who after release from prison in February 1990 had a triumphal reception in the USA, the countries of Western Europe and the «Third World». N.Mandela made a significant political gesture when he had declared that the first country outside Africa that he wanted to visit would be USSR. Gorbachev and his entourage, being preoccupied with the search of «human values» and Western credits, failed to size up that signal. The visit by N.Mandela was postponed several times and, strange as it is, has not taken place till now. Consequences of that Gorbachev's policy are still in effect.

Reorientation of a part of the political and state leadership of the USSR towards the dialogue with the apartheid regime and slackening of co-operation with ANC and its major ally the SACP was comprehended by the Soviet public and scholars dealing with African studies not in the same way.

A number of scholars, public figures and journalists spoke in support of a new approach for the leadership of the MFA of USSR to be taken on South Africa, While another part of public figures and scientists stood for continuation of many years standing Soviet policy oriented at close co-operation with ANC being a realistic force capable to enforce liquidation of apartheid in South Africa and create there a non-racial society.

Such state of things was to a large extent determined not as much by the changed understanding of the essence of developments in Southern Africa as by the changed internal political situation in the USSR. At the end of the 80s it became a fashion among considerable part of the Moscow foreign policy elite to raise doubts or even to declare without grounds the basic principles of the Soviet foreign policy as erroneous.

One can claim that the organisational and ideological center of «internal dissidents» being opponents to the policy of Gorbachev and Shevardnadze on South Africa in those years were the African Commission and the African. Department of SAASC which enjoyed support on the part of members of the staff of the International Department of the CC of CPSU.

In contradiction to the policy of the Gorbachev-Shevardnadze group directed at curtailing contacts with ANC and SACP they continued to actively interact with those organisations, hold joint seminars, make political declarations in their support, exert pressure on the MFA urging it to continue the co-operation with ANC and its allies.

It would be erroneous to assert that SAASC did not take into consideration the changes occurring in the world and in South Africa in particular. It was the Solidarity Committee that as from 1987 became a pioneer in establishment of regular political contacts with liberal representatives of the white community of South Africa who were seeking contacts with internal and international antiapartheid forces.

The first South African white who was a member of neither ANC or SACP and whom I met in 1987 at the Solidarity Committee in Moscow was the renowned South African writer Andre Brink. That meeting with a white opponent of apartheid and racism impressed me very deeply. It allowed me to be convinced once again that far from all whites in South Africa support apartheid.

A great role in the development of contacts between the Soviet public and the white opponents of apartheid was played by the leaders of the Institute of Democratic Alternative for South Africa Alex Borein and Frederick Van Zyl Slabbert. But all those contacts and links between SAASC and white liberals took place upon consultations with ANC. There was not a single case where ANC would object to our contacts with the white South African liberals, opponents of apartheid.

Other Soviet public and scientific organisations, including the Institute for African Studies of the USSR Academy of Sciences started establishing such links with the South African whites after the time when SAASC «made a breach» in the iron curtain which had been separating the Soviet public and the democratic organisations of the whites in South Africa.

From among the numerous scientific practical seminars, conferences and business meetings arranged in those years by the African Commission of SAASC one should note a very important tri-partite meeting of representatives of the Soviet public, leaders of ANC, SACP and prominent public and political figures of the white community that took place in the town of Leverkusene, Federal Republic of Germany in October 1988.

The meeting that was held soon after the known meeting of ANC representatives and white liberals in Dakar in July 1987 gave an impact to the process of political stabilisation in South Africa. Those two encounters contributed to the creation of psychological and political pre-conditions for negotiations between the ANC President N.Mandela and the President of South Africa F.de Clerc. Some time ago a lot was written in the West and in South Africa proper about the tri-partite meeting held in Leverkusene.

At the same time there were meetings of different character which were rather entangling the situation. «Confidential» contacts of Soviet diplomats with representatives of the South African Government and also meetings of a group of Soviet scholars with pro-governmental intellectuals from South Africa behind the back of ANC and without it participating (in March 1989 near London) only confirmed an impression about the tendency for weakening the position of the USSR in regard to the apartheid regime and slackening its cooperation with national liberation forces.

I considered such policy conducted by the Gorbachev-Shevardnadze team in relation to Pretoria as erroneous and not responding to national interests of the USSR. It is for that reason that in the years 1989-1990 I addressed on three occasions to E.Shevardnadze, member of the Political Bureau of the CC of CPSU, Minister of Foreign Affairs of the USSR with suggestions to bring in corrections to the «new approaches» of the Soviet leadership on South Africa.

Below are the texts of my addresses to the Minister of Foreign Affairs of the USSR E.Shevardnadze and his response to those addresses.

TO THE MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE USSR SHEVARDNADZE

Dear Eduard Amvrosievich,

Of recent our approach to problems of Southern Africa and especially the issue of the Soviet policy with regard to South Africa causes a certain concern on my part. While responding to your appeal to scholars and diplomats to be more audacious in exposing their opinion on matters of foreign policy, I would like to share with you some of my ideas on the basis of my 25 year experience in studying Africa and the practical work on that continent.

I would only wish you find ample time to study the suggested analysis of the situation.

V.G.Solodovnikov, member of the USSR Academy of Sciences, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

30.03.89.

New Soviet approach to settlement in South Africa and its possible consequences

At the basis of our policy with regard to South Africa until recently has been a refusal to have whichever contacts with the Government of South Africa and support to the liberation movement embodied by the African National Congress. During long time we have been the only one among major countries that conducted such a policy. The West, guided by its economic, ideological, military and strategical interests, maintained broad contacts with South Africa.

In the past years the world community has substantially altered its point of view which was expressed in a complex of measures of boycotting South Africa. However, at the very moment when the world community recognized the Soviet formula (isolation of the regime and support of the liberation movement) we executed a turn in the opposite direction, viz. towards establishment of regular contacts with Pretoria (information about that is derived mostly from the Western sources, while our press does not cover such issues).

Evidently, we speak here not about our participation in multi-lateral efforts on South Western Africa. In those negotiations interaction of representatives from South Africa and the USSR was necessary and fairly justified. Our participation in negotiations has been highly esteemed by the world community. Here we mean the contacts between diplomatic representatives of the USSR and South Africa outside the framework of those negotiations on bilateral basis. More alarming was the fact that these acquired the shape of «secret» meetings between P.Bota and representatives of the USSR Ministry of Foreign Affairs (about which the world immediately learnt notwithstanding their «secret» character).

What are the possible consequences of that decision? It looks necessary to evaluate first of all a potential efficiency of our diplomatic influence over Pretoria. The total experience of the West demonstrates limited possibilities of diplomatic pressure on South Africa which is proved by the failure of the American policy of «constructive co-operation» (It is common knowledge that the present situation in Southern Africa has cropped up as the result of a combination of economic sanctions and South Africa's military defeat in Angola). The question is raised in what way we intend to make our contacts with Pretoria viable when we do not possess the economic and political levers which the Western countries have?

Getting involved in our own variant of the «constructive co-operation» with racist South Africa (which is spoken about in the world openly now), do we consider efficiently the American experience of such co-operation which had led to a major failure of Reagan in the Congress and to a considerable growth of anti-Americanism in South Africa and on the African continent as a whole?

The basic factor determining our influence on processes in South Africa have been traditional relations with ANC which firmly stands for comprehensive isolation of Pretoria as a tool for liquidation of apartheid through political means. Our regular contacts with Pretoria cause a growing dissatisfaction in ANC and, what is more important, inside South Africa. To what extent do we consider the moods of almost 30 million of black Africans who in the long run shall determine the course and direction of changes in the country and who persistently demand the world community to toughen the boycott against Pretoria? So far, unfortunately, one can speak only about the first signs of a downfall of prestige of the USSR among the African masses or even the first symptoms of anti-Sovietism on the part of those who had always considered us as a reliable ally.

Our new approaches do not quite match the real situation inside South Africa, the present balance of social and political forces. The gist of the conflict in the country is in the struggle for political power between the predominant majority of the population (the blacks) and a part of the white minority who intend to preserve apartheid in such or another form, which shall inevitably compel us to make the choice of on whose side we are.

Failure of several variants of «reforms» confirms that the strategic initiative is in the hands of ANC and the mass democratic movement which enjoy the support of a part of the white community (more than 20%). As for the government, there have so far been changes only in the type of propaganda coverage. One cannot see any serious signs of the government's intentions to remove the profound reasons causing a crisis in the country: national oppression and social injustice. For the time being the maximum of what the government is prepared to give is still too far from the minimum of what the blacks will agree for. I am getting more and more convinced that the popular masses seek not a «rapid» solution but fundamental transformations although it may cost more time and victims.

Repressions are rampant inside the country, Crisis of lawfulness of the government is becoming deeper and it does not reflect the opinion of predominant majority of the citizens of the country. The government is gradually losing real power which is being shifted to the Council of National Security, i.e. to the hands of the military. The question appears whether we are interested in short-term, tactical (most likely illusive) successes with regard to the military and political grouping which at present is in control of the country, or in our national interests (on the long-term, strategical basis) to have good relations with the government of South Africa being shaped now?

It would be precarious to neglect also a negative reaction to our new approaches on the part of such influential of both the Third World countries (the Non-Alignment movement in particular) and the public anti-apartheid movement which has acquired genuinely global character and became an influential force in the West, especially in the USA and Britain. Does it justify under such circumstances a possibility, being yet theoretical, to exert influence through diplomatic means on the government of South Africa for those concrete moral and diplomatic losses which we encounter in reality due to contacts maintained with Pretoria by the Ministry of Foreign Affairs of the USSR which are possibly going to be developed?

While declaring the primacy of general human values (where the dismantlement of apartheid has become of the recognized tasks of the whole mankind), we, at the same time, make moves weakening the most effective means approved by the world community, viz. isolation of the apartheid regime. It looks that such an approach does not contribute to popularity of the «new political thinking», and what is more, regretfully, it will provide prerequisites for its discredit.

In my opinion we must be realistic about the possibility of settlement in South Africa and also in Mozambique on multilateral basis and with participation of South Africa, USA and Britain. Each of those potential participants shall pursue their own ends which are diametrically opposite to ours: South Africa at present is playing the «Soviet card» both against the USA exerting of recent pressure on it and against the democratic movement inside the country. The Americans and the British are also trying to pull us into various «mechanisms» and trying to bring its ally out of isolation, to spoil our relations with the Third World, make

us lose our high prestige among millions of black South Africans and, finally, to oust us from the region. It is telling that the OAU does not welcome external diplomatic initiatives on South Africa considering that Pretoria must first enter into dialogue with the recognized leaders of the South Africa's black community. Hence the question arises whether we make use of the current situation in our national interests or we are being used in that situation...

The process of political settlement in South Africa is gaining momentum. It takes the form of numerous contacts of ANC, with various forces, including the public and political forces of the whites inside South Africa. For this reason, strange are our continuous appeals to the democratic forces to take the road leading to a political solution. At the same time removal from our public statements of the mention about legality and forced character of the military struggle against apartheid (contrary to the opinion of the world community clearly mentioned in the resolution of the UN General Assembly N 43/50 of 5.12.88) bring about additional questions about our policy in Southern Africa.

The major factor of our participation in the processes taking place in South Africa, as I see it, have been and should remain to be long-term contacts with ANC and internal democratic forces, including those in the white community. «New approaches» in the form of regular contacts with the apartheid regime put at stake our prestige in the region. It depends only on us whether we shall continue to be participants to the settlement in South Africa.

One can have an impression that such important decisions as a drastic change of our policy on South Africa continue to be worked out only as a blueprint of some government officials structures. That may cause nothing but a pity. Apparently, the heed of opinions of specialists from research and other scientific organisations who have accumulated substantial experience of work on problems of South Africa together with the opinion of former ambassador in Africa could contribute to the development and adoption of scientifically motivated, complex decisions and also contribute to further successes of the Soviet foreign policy.

And one more thing. It is difficult for me, being a researcher on Africa not only by profession but also by belief, to understand why our contacts with African leaders at the highest level have become now more rare than in the years of stagnation. The Soviet leadership has been conducting a dynamic policy in relation to the Western countries, maintaining regular contacts with their leaders. That is necessitated by our national interests such as diminishing confrontation and the search of ways to disarmament. However, the USSR, being a great power, cannot in world political affairs, as was rightly stated by M. Gorbachev «to limit its relations with only one country, important as it is». And to complement these word, I would add the same concerning relation even with such an important group of countries as the countries of NATO and Japan. The Third World comprises 3/4 of mankind. That is why I am concerned by the fact that our relations with the developing countries and liberation movements has become of late less dynamic and remain just lukewarm which is also reflected in our publications.

In the period when the public opinion in developing countries and liberation movements expresses concern with a turn in foreign policy of the USSR and about the deficiency of detailed statements at the level of leadership on problems of the developing countries and liberation struggle. Lack of clarity in this matter tells adversely on our prestige in the Third World.

V. Solodovnikov.

After some time I was informed by E.Shevardnadze's Secretariat that the minister charged his deputy A.L.Adamishin with meeting me to discuss the contents of my memo and proposals contained in it on the policy of the USSR with respect to South Africa.

A.L.Adamishin phoned me and said that he would like to see me and discuss my proposals. However, my meeting with the deputy minister has never taken place. Then I understood that the Ministry of Foreign Affairs did not express any interest in positions that differed from their own.

Of interest could be the following documents in order to evaluate the position of leadership of the USSR Ministry of Foreign Affairs in relation to South Africa:

*FROM THE NOTEPAD OF V.G.SOLODOVNIKOV, DEPUTY CHAIRMAN OF
THE SOVIET AFRO-ASIAN COMMITTEE: DISCUSSION WITH COMRADE
SIPHO S.MAKANA, REPRESENTATIVE OF ANC IN THE USSR*

«On April 1, 1989 the representative of ANC in the USSR Com. Makana and I welcomed at «Sheremetyevo-3» airport the delegation of the Institute of Democratic Alternative for South Africa headed by Dr. Slabbert.

In a discussion that took place Com. Makana informed about the following:

1. He received from Lusaka the information that A.L.Adamishin, the Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR in his discussion with President of Zambia K.Kaunda tried to convince the latter that there are significant changes taking place in South Africa concerning the black population and the apartheid system.

ANC, said Com. Siphos, does not consider that substantial changes have occurred in South Africa. They are of cosmetic order without affecting the fundamentals of apartheid.

2. Com. Siphos said rumours are being spread in London that the workshop on the issues of South African settlement that was held in March in the vicinity of London between scholars of the Institute for African Studies and those from Britain and also political figures of South Africa without ANC participating shall be followed up in Moscow».

That discussion convinced me that relations between the USSR Ministry of Foreign Affairs and the ANC leadership continued to deteriorate.

Having received no answer to my first address to the Minister and being concerned that relations between the official Moscow and ANC continued to deteriorate, I decided to remind Shevardnadze that he and Gorbachev conduct a policy on South Africa contradicting the national interests of the USSR and complicating our relations not only with ANC but with the whole of Africa.

On December 8, 1989 I sent to E.Shevardnadze a letter and a second analytical note «On the policy of the USSR concerning South Africa» with concrete proposals about changing the approach to that country. Also I sent a copy of that note to V.Falin, the head of the International Department of the CPSU Central Committee.

On the USSR policy in relation to South Africa

The settlement in Angola and Namibia considerably changes the position of the USSR in Southern Africa. Dependence of Angola and SWAPO on military supplies from the USSR is lessened, the Cuban military contingent is being removed from Angola. Evidently, military assistance to other countries of the region will be reduced. On the other hand, the countries of Southern Africa (Angola, Mozambique, Namibia) need credits and new technologies which we are unable to offer them.

Will the settlement of the South African conflict mean that we shall hence play the role of a minor power which has completed its historical mission and now gives others a possibility to make use of the economic and political fruits of the settlement? Do we have real opportunity to exert influence as before? In what direction our policy in that region can be developed?

The USSR has in Southern Africa:

- political influence accumulated during decades of the support of liberation movements and independent countries;

- certain ideological influence owing to the interest of a number of ruling parties in the ideas of socialism;

- the USSR economic co-operation with the countries of the region is insignificant though it represents a certain counterweight to the policy of pressure put by trans-national corporations;

- military co-operation of the USSR with the African countries is phasing out, although those countries shall continue to need our assistance in strengthening their defence capabilities.

That, in my understanding, is all we have. We must admit, while being realistic, that the efficiency of the diplomatic influence not supported by other methods, primarily the economic ones, shall be low. Therefore, we enter the next stage of settlement in Southern Africa, the stage of liquidation of apartheid, having weaker positions than a year ago. It would be only naive to assert that our Western partners and S.A.R. do not take this into account.

Can we expect us to remain equal participant in the settlement in South Africa? Is the West interested in co-operating with us on equal footing on problems of South Africa?

It is universally recognized that Southern Africa is the region with immense economic and political potential which causes a special interest to it on the part of the West including personal attention of the leaders of Western countries. (Here, too, we are lagging behind the West). It looks that the strategic target of the West in South Africa is firstly a settlement in the «evolutionary manner», i.e. without making fundamental changes in the political system of S.A.R., which are demanded by ANC and the Mass Democratic Movement (MDM), and secondly, ousting the USSR from the region. To achieve those aims, the West is guided both by ideological and economic reasons regarding the struggle against the USSR a factor of struggle for the economic redivision of the world.

South Africa is already witnessing an active conflict of interest of Britain, USA, FRG, Japan and Northern nations. Our participation in the affairs of the region signifies for those countries the appearance of a new competitor. Apprehension in the West that the USSR and the friendly South Africa shall have monopoly on the world markets of strategic minerals, including gold, only urge the West to oust us from the region.

The accent in the Western policy is laid on destruction of our political prestige in the region, we are pushed to take steps which can be regarded, or at least shown, as withdrawal of the USSR from the traditional support of liberation movements. The West and South Africa do not simply put the «Soviet card» at stake. One can deduce from it an attempt to use us for the following purposes:

- breach of international isolation of South Africa;*
- wrecking of military struggle and forcing ANC and MDM to sit at the table of negotiations at the moment when they are not yet ready for that, and, besides, on Pretoria's terms;*
- discrediting the USSR in order to cast doubts on viability of socialism as one of ways of development for S.A.R.*

Simultaneously, the West attempts to take over the initiative in relations with ANC and MDM for which big funds are allotted (about 250 million dollars annually). There are intensive contacts at the political level – President George Bush during the past months received a group of people from the democratic movement, including A.Sisulu, the president of UDF who had also had meetings with F.Mitteran, M.Thatcher and B.Karlson.

We are gradually ceding the initiative to the West. We have few meetings at the high level with leaders of ANC and MDM. In July ANC had to cancel the visit to the USSR of the president of the UDF A.Sisulu because the Soviet party was obviously not ready for such visit. The MDM publications contain a discussion whether the USSR intends to «betray» the interests of the interests of the liberation movement; MDM at quite a high level declares that South Africans have no intention to accept whichever proposals «only because» they are originated by M.Thatcher or M.Gorbachev, and that is on the background of negative attitude of MDM to M.Thatcher.

Such moods get confirmed by a sharply changed tonality in the Soviet press in the coverage of events in South Africa. The published articles (including those prepared by the USSR Ministry of Foreign Affairs) where the drafts of «reforms» proposed by F.de Klerk are assessed positively cause in ANC and MDM at least a surprise. The Soviet newspapers and magazines offer space for representatives of the S.A.R. government and publish no comments or balancing articles by the leaders of ANC.

The views of Soviet scholars, journalists and even officials about the apartheid regime and its main figures have acquired a more «conservative» tinge compared to statements of even the allies of S.A.R. in the West. Presently a «conciliatory» tint is prevailing in the Soviet press, which is contrary to the world-wide tendency for «denouncing» coverage of Pretoria's policy. That is not left unnoticed in South Africa. Since the USSR Ministry of Foreign Affairs does not refute such publications, South Africa comes to a conclusion that they do not contradict the official position.

Appeals for making evolutionary changes in South Africa that have appeared in our press shall inevitably evoke a negative reaction from ANC, MDM and South African Communist Party (it increased in its members from 1984 two times and is becoming an ever more influential political force in South Africa). The African majority shall find it difficult to understand why «perestroika» in the USSR is being characterised as a revolutionary process while an evolution is recommended to South Africans.

Our differences with ANC so far have not taken the shape of an outward conflict in virtue of great credit of confidence among black South Africans in respect of the USSR earned through decades of our support of the national liberation movement. However, erosion of confidence in the USSR is developing quite rapidly while criticism of the Soviet policy (open and sharp) comes not from ANC but from within MDM.

How did ANC take cooling the relations with the USSR?

What is the real scope of our influence upon ANC?

ANC has already come over the most complicated period of its existence. It has been transformed from the «terrorist» to a fairly «respectable» political force in South Africa, which cannot be ignored even by the West: currently a meeting of Oliver Tambo and George Bush is being discussed. Material aid which hitherto had been offered by the USSR now comes on ever growing scale from Northern and other Western countries. Sweden alone provides ANC about 8 million dollars annually. The number of students sent by ANC to Soviet educational establishments has decreased five times during the past four years.

ANC is being offered military aid from various countries, instead it relies on the long-standing co-operation with the USSR. In case the USSR ceases to render military assistance to ANC there will be more than enough of those who would wish to replace the Soviet Union (and possibly the Western secret services). Military struggle in strategies of ANC is of importance but not decisive. Key target is a mass political mobilisation of opponents to the regime within the country. The main political basis of ANC is found inside the country which makes it less vulnerable against pressure from whichever side, unlike SWAPO, for example.

ANC enjoys political and diplomatic support from practically all countries of the Third World. At present ANC has its representations in 43 countries (S.A.R. has diplomatic relations with 23 countries).

ANC in the past years has come over from considerable military, political and material dependence on the USSR to a fairly solid independence.

What could the cooling of relations with ANC mean for the USSR?

The problem of dismantling apartheid by its emotional human tension is at present one of the major world problems alongside with disarmament and ecology. In the opinion of the world community ANC and MDM stand for the struggle against apartheid. Noticeable worsening of relations with ANC might have disastrous consequences to our political prestige not only in Africa. That would have caused perplexity in the whole world. Paradoxical as it is, that would have also caused perplexity among part of the South African white community who see in interaction between ANC and the USSR a real possibility to do away with apartheid.

Deterioration of relations with one of our strategic allies may lead to further curtailing of our positions in the region. The Declaration of the OAU Special Committee on Southern Africa (Harare, August 21) which has formulated approaches to settlement in South Africa outlines that the sides (meaning the Government of S.A.R. and the liberation movement) shall determine parameters for international participation in the settlement. It would be naive to expect that the Government of S.A.R. should be interested in our participation, if only as a means of pressure on ANC. Will that be of interest for ANC?

The future democratic South Africa shall make it possible to gain a weighty economic gain after our long standing and costly support of the liberation struggle. South Africa having a government friendly to the USSR (where ANC, without doubt, shall be the most important component of any future government), may become our partner on the world market of gold, diamonds and other metals, a major solvent importer of products of our machine-building industry in the case its competitiveness is increased.

Our confrontation with ANC is quite real if we continue to establish all types of relations with the government of South Africa. ANC shall undoubtedly continue to defend the hitherto efficient policy of international isolation of South Africa.

ANC at this stage of the struggle can do without the Soviet aid, although that will deteriorate its position. A conflict or serious cooling of relations with ANC may cost a lot for the USSR directly or indirectly.

Contacts of the USSR representatives with the government of South Africa are of importance since they allow us to get to know the position of that government and explain our position. The contacts also help to dissolve anti-Soviet moods in the white community. Such an approach is basically well understood in ANC and MDM.

However, people in the ANC note that the present level of Soviet contacts with the Pretoria regime stands for more than just participation in the work of trilateral commission. While the mechanism of consultations with the South African government has been well shaped, we have not yet seen such mechanism of regular consultations with ANC. Our partners become more and more convinced that the USSR is trying to improve its relations with the South African government at the expense of ANC. And we cannot but take into consideration such opinion of the democratic forces of South Africa.

Who is it better to deal with on the long-term basis, with Pretoria or ANC? The international community has already made its choice in favour of ANC as it is only clear that the government of South Africa, no matter its military and political weight, has no historical prospects.

The ruling grouping of South Africa might realise how dangerous is the situation. The West, in fear of a revolutionary explosion, is actively pushing it towards such an idea. Big capital has also come to understand the inevitability of serious changes.

It would, however, be erroneous to consider that those forces shall bring the country to profound changes. White farmers, the white working class, petty bourgeois and the inflated state officials, being the major social basis of the government, are against the changes considering that it would adversely affect their living standard which is one of the highest in the world. Under such circumstances the government holds a shaky position between the recognition of new political and economic realities and the moods of its social basis opposing the reforms.

Even a brief analysis of not words but deeds of the government proves the lack of readiness on the part of the regime to make realistic changes: the state of emergency has been extended for one more year although the current situation apparently does not require this; the number of banned organisations has rocketed to 32, expenses for the army and police have been increased by 22%; notwithstanding the retreat of South Africa from Angola and Namibia, there is no

way to annul the basic laws of the apartheid. A declaration made by F. de Klerk and even such steps as liberation of a number of ANC leaders so far remain to be only tactical measures aimed at weakening the international isolation of South Africa and economic sanctions against it.

Position of the sides are yet far from expecting immediate negotiations to bring positive results. ANC has rejected the «5-year plan» of de Klerk. The government of South Africa may possibly liberate N.Mandela and abrogate the state of emergency. But it would hardly be expected to satisfy the basic terms of ANC and MDM, firstly the demand to abrogate the ban on ANC, SACP and other democratic organisations without which negotiations may not take place. Neither one nor the other side are yet ripe for engaging themselves in serious negotiations whereby (a) the government feels that it is still in full force and (b) ANC and MDM do not feel that they are in full force to achieve satisfaction of their demands.

Obviously both sides in the nearest time shall continue to manoeuvre making way outwardly to international pressure in favour of negotiations. However, of decisive significance for forthcoming negotiations shall be another rise of the liberation movement which is virtually taking place. South Africa shall apparently emerge from that growth with a new balance of political forces, with an ever grown influence of ANC and MDM and the weakened structure of power, with the lost integrity of the white minority. It is that decisive internal pressure combined with the external one that shall possibly compel the white community to agree for profound changes and accept the table of negotiations with the African majority.

V.G.Solodovnikov.

Even such suggestions of mine found no response from the Minister while the Western and South African news media had been ever more active in discussing discrepancies that had occurred between Moscow and ANC.

It became evident by that time that the main partner in negotiations with the government of South Africa would be ANC and their political allies. In February 1990 Nelson Mandela was liberated after 27 years of imprisonment. He and the president of South Africa de Klerk started intensive «negotiations about negotiations», as the word was, i.e. consultations on the formula of political discussions concerning the liquidation of the apartheid system.

Both parties, ANC and the government of South Africa needed the international support. The weight of the USSR on the international arena at that time was yet substantial and ANC only naturally was interested in our support.

The USSR on its part was interested not only for ideological and moral reasons but also in virtue of its national interests was interested in continuing to cooperate with ANC, the organization which would doubtlessly play the key role in the future government.

Because of that the Western countries among which were the USA and Britain, former opponents of ANC, were energetic in establishing contacts with them, invited leaders of ANC and their allies to their capitals.

Notwithstanding all that, Gorbachev and Shevardnadze continued to curtail relations with ANC and stir up interactions with the apartheid regime. I decided to address Shevardnadze for the third time.

TO THE MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS E.SHEVARDNADZE

Dear Edward Amvrosievich,

Last year I sent in your name two letters concerning problems of our policy in South Africa. It is regretful that there was no reply. Understanding only too well that the complex of major and urgent European matters occupies all of your time, I have decided all the same to make another attempt to draw your attention to the problems worrying me.

Presently in Africa as a whole and in South Africa in particular we lose the political capital accumulated during decades of hard labour and at high cost. It may happen so that by the time negotiations commence in RSA we may at best find ourselves in a position of a «minor partner» hardly welcomed by the West, nor the government of RSA, nor ANC. As is known, our authority in South Africa is based on the long time co-operation with ANC. Loosening relations with them makes our participation in the process entirely questionable,

Our simple participation in the settlement cannot be an end in itself. The real target is to ensure our economic interests in the country which could be our solid partner as the USSR and RSA taken together cover more than a half of the world production of gold. From co-operation on the gold market alone, given the capable reciprocal action of both countries, we could have gained hundreds of millions dollars in addition. But, apparently, there could be a case such as with Zimbabwe where two years after the proclamation of independence we could not even establish diplomatic relations.

Now the intention of the West has become distinct. On the one hand, we are being urged to expand political, economic and cultural relations with RSA, while on the other hand, such contacts are immediately given coverage in the Western press as a means to discredit the USSR in the eyes of the future government of South Africa. It is strange that while trying to expand relations with RSA we undermine the potential of our contacts with that country in the post-apartheid period.

Indeed, nobody means to copy mechanically the previous model of conduct where whichever contacts with RSA were abandoned. We have entered an entirely new situation although we need to be more observant and prudent attributing to those contacts a controllable character.

One can assume that the problem is in the lack of profound analysis of our far fetching national interests in that country prepared by all leading specialists on South Africa. Without comprehensive studies of the situation in that country and consequences of different variants of our policy we shall turn back to volitional decisions oriented at short-term and tactical interests of the moment. You know better than me repercussions of such a practice.

I am convinced that our far fetching interests may be ensured by strengthening the long standing relations with ANC which definitely shall be the key element in the government of South Africa. Today it is more complicated to accomplish than yesterday. There are ever more negative aspects being accumulated in our relations. The mechanism of regular consultations with ANC could lift the growing tension. The lack of it, while such a mechanism in relations with the government of RSA already exists, would complicate the situation for us more and more.

It would also be desirable that problems of South Africa are not interpreted only as an element of global relations between superpowers. That is a rather big

original problem which is dealt with personally and constantly by leaders of all Western countries, including G.Bush. Treating the developing countries as the periphery of the world politics will inevitably make us face the same problems which we encounter now in relations between the centre and republics in the USSR.

Once again I confirm my readiness for co-operation with the USSR Ministry of Foreign Affairs in developing our approaches to the problems of South Africa.

V.G.Solodovnikov, Corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Ambassador.

23.11.90.

Reply of the Minister to my third address was unexpectedly prompt. I believe that it was caused by growing pressure in the CC of CPSU and the Supreme Soviet of USSR on the bankrupt course of the Gorbachev's group. Soon after E.Shevardnadze demonstratively retired. But before that he had sent me the following letter.

MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF USSR

Moscow, 29 December 1990

Dear Vassily Grigorievich,

I have read your last letter with interest; am grateful for your ideas on the policy of the USSR with regard to RSA; could not but feel your deep concern as to what measure the new political line corresponds to the national interests of our country.

In this connection I would like to say first of all that we see today the main task of the Soviet policy in respect of RSA in contributing as fully as possible to the process of liquidation of the apartheid regime and settling the conflict in that country through political means. In solution of that task we rely primarily on our traditional friendly relations with such democratic organisations as ANC and their allies. At the same time it is evident that the Soviet Union can play a sound role in the settlement in South Africa only in case if it shall enter a dialogue also with other major forces standing for a political settlement, including the government of F.de Klerk.

It is not in our plans, as you understand, that whichever political organisation would be brought to power in RSA. That matter must be decided by South Africans themselves. It is important that the processes taking place in that country would finally lead to creation of democratic South Africa, such a state with which could develop comprehensive and mutually beneficial relations.

Because we do not have a permanent mission in RSA we encounter certain difficulties in maintaining stable contacts with participants to the process of settlement in RSA. After the transfer of the ANC headquarters to the territory of the country our regular contacts with the ANC leadership were considerably weakened, although we hope that it is only temporary. Recently another delegation of ANC was received in the USSR Ministry of Foreign Affairs. Substantial exchange of views on matters of liquidation of apartheid and bilateral relations took place.

I must say also that matters of prospective relations with the post-apartheid South Africa are in the focus of constant attention of our specialists. A big, laborious work is being done in that direction. We maintain close contacts with

our scientists and, probably, time is ripe to organise another meeting with them for a comprehensive analysis of potential actions for the nearest and more distant future.

I wish you good health and success in your work.

Signed: E.Shevardnadze.

Reply of the Minister did not satisfy me. He virtually continued to defend the course taken by the Foreign Minister leadership on co-operation with the apartheid regime and further withdrawal from interaction with ANC under the pretext of the «absence of our permanent mission in RSA». Only in that case, in the opinion of Shevardnadze, one can overcome «difficulties in maintaining stable contacts with participants to the process of settlement in RSA». That was a very important phrase. It reflected the intention of the Foreign Ministry to raise the level of relations with the government of white minority from irregular contacts to one or another form of permanent official contacts. Cynicism of Mr. Shevardnadze and his team who then developed the USSR policy on South Africa was in that the preparation for establishment of official relations with the government of RSA was done, contrary to decisions of the UN, under the pretext of improvement relations... with ANC.

It was natural that before the formal commencement of negotiations between ANC and the RSA government even the most zealous adherents of the «new thinking» did not dare to speak openly about establishment of diplomatic relations though in sessions held behind doors. Those issues were discussed as from 1987.

The question for the time being was to create liaison missions of the USSR at the Embassy of Austria in RSA and similar mission of RSA at the Embassy of Austria in Moscow; Even that was already a step forward towards recognition of the RSA government by the Soviet Union. Our friends did not object to the creation of the USSR liaison mission in RSA in hope that it would favour restoration of working relations with Moscow. Unfortunately, it never happened.

I opposed Moscow establishing official relations with the racist government of RSA before the end of negotiations since that might lead to weakening positions of ANC and their allies at negotiations with the RSA government and harm our national interests in future which unfortunately had taken place.

As is known, E.Shevardnadze resigned in December 1990 but even under A.Bessmertnykh who replaced him the same vicious course in respect of South Africa was continued. I think that A.Bessmertnykh simply did even take interest in that problem. Everything was as before. The course proclaimed by M.Gorbachev for deideologisation of inter-state relations meant in fact a pledge to destroy the relations with strategic allies of the USSR including those among the national liberation movements. B.D.Panshin who replaced A.Bessmertnykh at the post of the Minister of Foreign Affairs, in my opinion, was an accidental man on the diplomatic Olympus.

Having lost any hope for correction of the course of the USSR in South Africa by sending reports and suggestions to the Foreign Ministry I decided to make public my special position. This I did in an article entitled «Premature Euphoria. Soviet Interests in South Africa: what are they?» published on July 27, 1991 in the «Nezavisimaya Gazeta».

The editorial board, probably, in order to avoid reproaches in that it gave the chance to an opponent of the «new thinking» to speak out, published on the same page an article by the then member on the staff of the Institute for African Studies T.Krasnopevtseva (presently residing in the USA) where my position was criticised.

Further events in South Africa proved that those who had stood for continued co-operation with ANC were only right. In April 1994 at the first in South African history

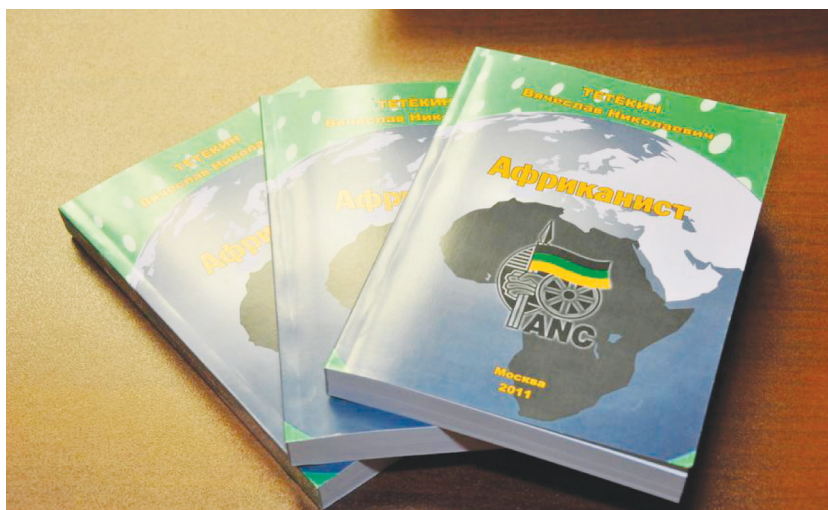
general elections ANC gained a convincing victory. Nelson Mandela was elected as president of RSA while the Russian leadership that had been putting stake at the apartheid regime was back to square one.

Consequences of grave mistakes made by the USSR Foreign Ministry and aggravated by the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs between the end of the 80s and the mid-90s are being felt till now. Relations between Russia and the new South Africa whose government comprises almost fully the ANC representatives remain in half-frozen state. The Western countries are in advance as they in due time normalised their relations with ANC and their allies. The policy of Gorbachev-Shevardnadze and their heirs oriented at the West has caused great damage to the national interests of the USSR and then Russia.

We, specialists in African studies, must derive a conclusion out of what had happened: efficient foreign policy of a country must be based on long-term national interests of the state and not be subject to political situation. Scholars must shape their conclusion on the basis of facts and defend them even if they do not coincide with the policy of the government. The science has a public importance and is prestigious only in the case when it is objective and its conclusions are based on the analysis of real life not being an attempt to justify those in power. The worst case is when a scholar, journalist or a public figure follow the line of forces acting against the national interests of our country.

В.Н.ТЕТЕКИН

«АФРИКАНИСТ»

***Вячеслав Николаевич Тетекин** – человек известный и в России, и в Южной Африке. В 1981-1996 годах Вячеслав Николаевич работал сотрудником Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Занимался поддержкой освободительных движений Юга Африки (АНК Южной Африки и СВАПО Намибии). С 1978 по 1981 годы был сотрудником Оргкомитета «Олимпиада-80» (отдел Африки), где принимал активное участие в мобилизации африканских спортивных делегаций для участия в Играх, что способствовало срыву западных планов бойкота Московской Олимпиады. По итогам работы награжден медалью «За трудовую доблесть». В 1994 году был международным наблюдателем на всеобщих выборах в Южной Африке. С января 2002 по 2010 годы – заместитель главного редактора газеты «Советская Россия». Депутат Государственной Думы Российской Федерации. В 2012 году вышла в свет его книга «Африканист». Мы публикуем выдержки из книги, связанные с его работой с Африканским национальным конгрессом, а также беседу с ним о том, что осталось за страницами этой замечательной книги.*

ЮАР, май 1989 года...

Лететь домой я должен был опять через Йоханнесбург, оттуда на следующее утро в Лусаку и дальше, на другой день, рейсом «Аэрофлота» в Москву. Мы договорились с В.Г.Шубиным, что если бы я смог получить транзитную визу в ЮАР, то заезд на один день в Йоханнесбург не был бы расценен как нарушение международного бойкота ЮАР. Что там делать, мы себе представляли мало. Значение имел бы сам факт визи-

та туда, возникновение неких первых непосредственных ощущений от обстановки в ЮАР.

В этой связи обратился в администрацию верховного комиссара ЮАР в Намибии с запросом на визу. Именно там решались такие вопросы. У любезного чиновника моя просьба удивления не вызвала. Он предложил мне заполнить соответствующие анкеты и позвонить завтра. Естественно, завтра мне тот же любезный голос ответил, что виза мне выдана не будет.

Делать было нечего. Я настроился на ночевку в скучнейшей транзитной гостинице аэропорта в Йоханнесбурге. Однако ночью, часа в четыре, меня разбудил телефонный звонок. Это был Вэлли Муса из Йоханнесбурга. Он совершенно спокойно поведаль мне, что только что закончил работу, и решил позвонить мне. Затем так же буднично поинтересовался, когда и каким рейсом я предполагаю прибыть в Йоханнесбург. Спросонья не сразу найдя билет, я, тем не менее, сообщил ему требуемые данные. «Я встречу тебя в аэропорту», – по-прежнему буднично сказал Вэлли и повесил трубку.

С этого и начались события, наделавшие потом немало приглушенного шума в Южной Африке да и в Москве. Из Виндхука я вылетал утром. Полет до Йоханнесбурга прошел обыденно. Однако в отличие от моего прибытия туда из Хараре самолет подрулил не к уже знакомому международному терминалу, а к зданию местных авиалиний. Пока я соображал, что бы это значило, поток пассажиров вынес меня из самолета и потащил к этому самому зданию. И как только я вошёл в двери, то обнаружил Вэлли, стоящего, скрестив руки, возле одной из колонн, подпиравших крышу здания. «Привет», – небрежно сказал Вэлли.

Не так просто описать, какие чувства я испытал. По-видимому, это было радостное возбуждение. На этот раз я был не в пустынном каземате транзитного зала, а в самой Южной Африке. Вокруг ходили не белые чиновники – таможенники, полицейские, а обычные южноафриканцы, куда-то улетающие или откуда-то прилетевшие. Все эти годы, кроме друзей из АНК, мы других южноафриканцев никогда не видели. А тут, в зале аэропорта, было шумное многоцветие людей – черных, белых, цветных, молодых, пожилых, детей. Нигде не увидишь такой срез населения страны, как на вокзалах и в аэропортах. Вот и здесь перед моими глазами был разноцветный и многоголосый срез южноафриканского общества. Я был зачарован. Хотелось просто сидеть и смотреть на эту совершенно незнакомую жизнь.

Но Вэлли был настроен по-деловому. «Где твои вещи?» – спросил он. Забрав их с ленты транспортера, мы присели на одной из лавок около стены. Мне хотелось как можно быстрее обменяться с Вэлли информацией и впечатлениями, ибо был твердо убежден, что через пару минут ко мне подойдут люди в форме или в штатском и препроводят туда, где мне было положено находиться до вылета в Лусаку, – в транзитный зал международной части аэропорта. Шла, однако, минута за минутой, а ко мне никто не подходил.

Вэлли, казалось, не разделял моего нервного стремления быстро обсудить все, что можно. В голове у него явно было что-то другое. Минут через десять он предложил мне пойти чего-нибудь перекусить и выпить в один из кафетериев аэропорта. Поколебавшись (ибо я, будучи законопослушным гражданином, был намерен добровольно отправиться в транзитный зал, а визит в кафетерий был бы уже «шагом в сторону»), я все-таки согласился. Поход в кафетерий для меня был, как для первооткрывателей какой-то неоткрытой земли, экспедицией в неведомое. В кафетерии взяли чаю и пирожных. Я продолжал возбужденно рассказывать о каких-то вещах, но Вэлли по-прежнему сохранял полное хладнокровие.

Ещё минут через десять, когда с чаем и пирожными было покончено, он неожиданно сказал: «Ну что, поехали?» «Куда?», – ошарашенно спросил я. «В Соуэто, товарищи ждут тебя».

Тут мной овладело полное смятение. Вэлли, по сути дела, предлагал мне нарушить законы суверенного государства – члена ООН и вторгнуться на его территорию без согласия его властей, то есть совершить противоправный шаг, грубо нарушив границу этого суверенного государства. Между тем, Вэлли с большим интересом поглядывал на меня. Он прекрасно понимал, что означает его предложение. Но для него риск был делом обычным. Для меня же это было делом довольно непривычным.

Посоветоваться было не с кем. Да и ясно было, какой совет я получил бы от любого разумного советского чиновника: опрометью бежать в транзитный зал и не думать ни о каких авантюрах, связанных с незаконной поездкой в Соуэто. На лице Вэлли, однако, по-прежнему читался живой интерес: испугаюсь я или нет. На карте стоял, и я это прекрасно понимал, престиж Советского Союза. Если я испугаюсь, то уважение к нам со стороны наших товарищей, постоянно рисковавших свободой, а то и жизнью, было бы сильно поколеблено. Надо было рисковать.

Это все долго рассказывается. На деле содержание предыдущих двух абзацев промелькнуло в голове в течение 4-6 секунд. «Ну что же, поехали!» – обреченно сказал я. Тут Вэлли радостно оживился и сказал, что у него на подземной стоянке есть машина, которая неизвестна полиции безопасности. Я сильно усомнился в этом, но предпочел сделать вид, что поверил. Так было легче. Мы сели в двухместный белый полугрузовичок, закинув вещи в кузов. Поехали.

Это было удивительное путешествие. Наверное, что-то подобное испытывали исследователи, которые долго изучали по картам какую-то неведомую землю, а потом получали возможность высадиться на её берегах и двинуться вовнутрь. Безумно интересно было все вокруг! И цвет неба, и поток машин, и дома вдоль дороги, и многоэтажный силуэт Йоханнесбурга на горизонте. Небрежно кивнув на одну из машин, обогнавших нас, Вэлли сказал:

- На таких обычно ездит полиция безопасности.

«Так, – подумал я. – Сейчас нас тормознут, попросят предъявить документы и...». Дальше думать на эту тему не хотелось, тем более что означенная машина укатила вперед и пока никто останавливать нас не собирался.

Одно-двухэтажные пригороды постепенно сменялись многоэтажными зданиями, и вскоре мы вкатились в самый центр. Это была Комиссионерская улица.

- Ты знаешь, наши только что провели классную атаку на одну из армейских баз вблизи границы с Ботсваной. Обстреляли ее из минометов. Такое случилось впервые. У военных есть потери. Надо бы узнать поподробнее. Давай-ка купим газету.

Мы припарковались возле «Карлтон-Центра» – огромного здания из стекла и бетона. Стоя на тротуаре возле здания Центра, я вновь испытал чувства путешественника на неведомой земле. Прохожие, здания, сама обстановка – все было абсолютно новым, непривычным. Вокруг были одни белые – на тротуаре, в машинах, в окнах магазинов. Африканцы попадались, но они явно чувствовали себя чужими на этом празднике жизни.

Купили газету. Вэлли с видимым удовольствием прочитал сообщение об атаке на армейскую базу, и мы покатали дальше. Осмелев, я достал фотоаппарат и начал с увлечением фотографировать все вокруг. Вэлли снисходительно посматривал на меня. Вдруг он схватил меня за руку и тревожно крикнул: «Немедленно убери камеру!». Я повиновался, но воззрился на него с удивлением.

- Да это же главное здание полиции! – ответил он на мой взгляд.

Поехали дальше. Скоро миновали «белый» центр города, вокруг опять пошли улицы одно-двухэтажных домов.

- Это индийский квартал. Здесь живет моя сестра.

Мы подъехали к одному из домов. Вэлли предложил мне зайти к его сестре.

- А что будем делать с моими сумками?

- Заберем их с собой.

- А ты знаешь, что произойдет дальше? Если за нами присматривают, а нужно исходить из этого, то, если мы внесем в дом твоей сестры какие-то сумки, можешь не сомневаться, что этой же ночью полиция совершит налет на дом.

Вэлли, поразмыслив, согласился, что все случится именно так. Он пошел в дом, а я остался в машине. Через некоторое время мы двинулись дальше. Было уже около шести часов вечера, и солнце начало заходить. Километров через пять на горизонте появился огромный массив одноэтажных домов. Это было Соуэто. Через некоторое время Вэлли показал на группу зданий возле дороги, возле которых стояли вооруженные помповыми ружьями африканцы в голубой форме.

- Это полицейский участок Морока, который несколько месяцев назад наши обстреляли из гранатометов.

Но я обратил внимание, прежде всего, на небольшие облака дыма, которые проплывали в воздухе буквально на уровне лица. Облака были явно рукотворные. Тут особых разъяснений не требовалось. Народ в Соуэто готовил пищу в печках на древесном угле, поэтому к ужину весь этот гигантский «поселок» с населением около миллиона человека затягивался дымом.

Вскоре мы подъехали к одному из скромных домов. Мы должны были встретиться с Альбертиной Сисулу. Я знал, что Альбертина не только жена Уолтера Сисулу, который вместе с Манделой находился в пожизненном заключении, но и один из лидеров Объединенного демократического фронта Южной Африки. Зашли в дом. Там на меня посмотрели с интересом, но без большого удивления. Видно, привыкли к самым разнообразным посетителям. Проблема, однако, заключалась в том, что самой Альбертины дома не было. А ведь было уже пятнадцать минут седьмого. Вэлли выглядел слегка смущенным. В шесть часов вечера все «запрещённые персоны», к числу которых относилась Альбертина, под страхом наказания должны были находиться дома. Именно на это Вэлли и рассчитывал, везя меня в Соуэто. Но видно Альбертина особого страха не испытывала, поэтому дома ее не было, и никто не мог сказать, когда она появится.

- Ладно. Поедем к другому товарищу, – сказал Вэлли.

- Он тоже «запрещенное лицо» и уж он-то точно должен быть на месте.

Когда минут через 10 мы подъехали к другому дому, уже начало смеркаться. После того как мы вышли из машины, к соседнему дому немедленно подкатила другая машина, из которой вылезли несколько крепких африканцев. Была ли это полиция безопасности или нет, трудно сказать. Но именно такое впечатление у меня создалось. Впрочем, никаких действий они не предпринимали.

Зашли в дом. Хозяина, разумеется, не было на месте. «Ну и нравы у них тут, – подумал я, – все под полицейским надзором, но, видимо, чихать они хотели на этот надзор». В доме был только брат того товарища, к которому мы приехали. Мы расположились и стали ожидать хозяина дома. Минут через 15 раздался громкий стук в дверь. «Ну, вот, – с элементом фатализма подумал я, – сейчас в дом войдет полиция, чтобы проверить соблюдение домашнего ареста, и вместо черного южноафриканца обнаружит белого русского». О том, что будет происходить дальше, не хотелось даже думать.

К счастью, это оказался сосед, которому понадобились спички или что-то в этом роде. Минут через 30 появился, наконец, и сам Эрик Молоби – жизнерадостный руководитель ОДФ. Мы сели за небогатый, но вкусный ужин и отдали должное бутылке виски, которую Эрик вытащил по этому поводу. Вопросам его не было конца. Еще бы! Внутри Южной Африки можно было получить только самую скудную и, как правило, весьма искаженную информацию о сути событий, которые происходили в СССР. Поэтому для Эрика было крайне важно узнать обо всем, что называется, из первых рук.

Расстались мы за полночь в самом добром расположении духа. Вэлли повез меня обратно в аэропорт. По этому маршруту ездить ему раньше не приходилось. Поэтому мы вскоре заблудились в лабиринтах улиц Йоханнесбурга. Долго колесили в поисках случайного прохожего, который смог бы указать нам правильный путь. Представляю, что о наших маневрах думали наши «сопровождающие» из полиции безопасности. По-видимому, они предполагали, что мы не очень умело пытаемся оторваться от слежки. На деле же мы просто заблудились...

Ближе к двум часам ночи мы все-таки добрались до гостиницы «Холидей Инн» в двух шагах от аэропорта. Вэлли пожелал мне спокойной ночи и удалился. В тот момент я еще находился под влиянием соответствующих паров и поэтому расстался с ним в самом жизнерадостном духе. Однако, как я уже говорил в самом начале этого повествования, спокойной ночи не получилось...

Несмотря на волнения предыдущего дня и ночные волнения, часа на три я все-таки заснул, а проснувшись около восьми утра, начал думать, как выбираться из этого положения. На свежую голову все очертания моей авантюры и ее возможные последствия вырисовывались довольно отчетливо: «Из партии может быть и не исключат, но выговор с занесением за нарушение государственной дисциплины скорее всего закатят. Да и выездов за границу лишат года на три». Вот такие безрадостные мысли носились в голове.

Но прежде чем предстать перед суровым судом партии, нужно было для начала выбраться из ЮАР и добраться до места проведения этого суда – до Москвы. Прежде всего, надо было дать отбой намерениям Вэлли продолжать знакомить меня с руководством подполья. Было ясно, что терпение полиции безопасности небеспретельно, и если меня не повязали сразу, то нет никаких гарантий того, что они не сделают это во время моих последующих «выходок». Поэтому позвонил Вэлли и дал понять ему, что намеченные на утро встречи нужно отменить. Вэлли, видимо, и сам понимал, что мы крупно рискуем, поэтому согласился на отмену встреч довольно спокойно.

Следующей задачей было проникнуть в транзитную зону аэропорта, где, если бы я был законопослушным гражданином, мне и надлежало ночевать. Поэтому, собрав манатки, я сел на микроавтобус, который курсировал между гостиницей и зданием аэропорта, и отправился сдаваться властям. В аэропорту я сразу попросил найти старшего смены иммиграционной службы. Ему я как на духу рассказал, что попал из самолета, прибывшего из Виндхука, в терминал местных рейсов и что не догадался сразу же отправиться в транзитную зону, а разместился на ночлег в ближайшей к аэропорту гостинице. При этом я размахивал квитанцией об оплате гостиницы.

Пограничник сказал что-то насчет важности на глазах укрепляющейся дружбы между ЮАР и СССР (имея в виду, разумеется, контакты МИДов двух стран, к которым я лично относился весьма неодобрительно) и дал команду пропустить меня через кордон. Тут у меня на сердце окончательно отлегло. Но вместо того, чтобы сидеть и не высовываться, я тут же вознамерился совершить еще одну авантюру, хотя и меньшего размера. С учетом того, что до вылета самолета на Лусаку оставалось еще часа четыре, я подумал, что было бы интересно смотаться в центр Йоханнесбурга просто так,

чтобы посмотреть... Ясно, что от аэропорта в центр города должны ходить регулярные автобусы...

Но тот же сотрудник иммиграционной службы, к которому я подошел, дал понять, что уже сделал для меня гораздо больше того, на что имел право. Поэтому мне оставалось только успокоиться и ждать самолета. Как позже выяснилось, пограничнику вольное обращение с госграницей все-таки аукнулось. Через несколько месяцев я опять был в транзитной зоне аэропорта Йоханнесбурга, вновь возвращаясь из Виндхука (пассажиры попадали уже в международную часть аэропорта). Увидев того сотрудника иммиграционной службы, вознамерился подойти к нему, чтобы поблагодарить за «неформальный» подход в прошлый раз. Однако он почти незаметно покачал головой, дав понять, что новый контакт со мной для него крайне нежелателен. Ясно было, что он получил «по первое число» за то, что пропустил меня тогда.

Но это было позже, а в середине того памятного дня я с немалым облегчением и чувством, что сделал что-то весьма необычное, сидел в самолете, летевшем в Лусаку. О том, что выкинул что-то необычное, я окончательно убедился уже в аэропорту Лусаки. Там был кто-то из руководства АНК, и по особому блеску в глазах и вопросу: «Ну, как там поживают товарищи?» я понял, что известия о моих похождениях уже докатились до штаб-квартиры АНК.

Как только я расположился в гостинице, снизу раздался звонок. Тони Монгало, выпускник одного из советских вузов, бывший представитель АНК в ГДР, с которым мы часто общались в Москве, а ныне переведенный в Лусаку, спрашивал, может ли он вместе с Табо Мбеки зайти, поговорить. Разумеется, я был рад рассказать товарищам во всех подробностях о том, что видел и что слышал в Йоханнесбурге. На другой день по договоренности с руководством СВАПО их делегация приехала в посольство СССР в Замбии, где я подробно сообщил им о своих впечатлениях о положении в Намибии. Через несколько минут после начала этой встречи в посольство приехал Табо Мбеки. Вежливо попросив у товарищей из СВАПО разрешения поприсутствовать, он также внимательно слушал мои оценки ситуации в Намибии.

После этого я занялся привычным делом написания шифротелеграммы «наверх» об увиденном и услышанном на юге Африки, умолчав, разумеется, о несанкционированном вторжении в ЮАР. Поскольку информации накопилось много, то и телеграмму писал долго. С трудом успел на самолет на Москву. Как выяснилось, в аэропорт специально, чтобы пообщаться со мной, приезжали командующий «Умконто ве сизве» Джо Моднее и комиссар МК Крис Хани. Не дождавись меня, они уехали. Это было очень обидно.

В Москве я не только подробно рассказал В.Г.Шубину о том, что видел-слышал в Намибии, но и осторожно сообщил о своей вынужденной аванюре. Шубин отнесся к моим приключениям, вопреки опасениям, даже с некоторым энтузиазмом. Однако через пару недель он высказался на эту же тему с некоторым холодком. Стало ясно, что некие волны с юга Африки по неким ведомственным каналам все-таки пошли. И не все разделяли принцип «всё хорошо, что хорошо кончается». Тем не менее, никаких оргвыводов не последовало. Победителей, в конечном счете, все-таки не судят.

А в АНК, как я понял через несколько месяцев, волны от этой «авантюры» были гораздо выше, шире и теплее. По крайней мере, в течение всего последующего года приезжавшие в Москву представители АНК, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к работе с подпольем внутри Южной Африки, восторженно расспрашивали меня об ощущениях от нелегальной поездки в Йоханнесбург.

ЮАР, март 1991 года

Между тем, пока сторонники «нового мышления» лишь шумели о необходимости расширять связи с более широким кругом политических и общественных сил в Южной Африке, в том числе и с белыми, именно СКССАА наиболее активно работал в этом направлении. Как результат встречи в Леверкузене и последовавшего визита в СССР делегации во главе со Слаббертом мы получили от ИДАСА приглашение совершить ответный визит в ЮАР. Вот мы туда и отправились в таком составе: В.Г.Солодовников (зампред СКССАА), С.И.Каландаров (ответственный секретарь СКССАА) и я. Поездка продолжалась с 7 по 19 марта 1991 года.

Это была первая советская общественная делегация, посетившая Южную Африку после того, как правительство ЮАР в феврале 1991 года сняло продолжавшийся более 30 лет запрет на деятельность АНК, ЮАКП, ПАК и других организаций, после того, как противники апартеида начали возвращаться в страну и возобновлять легальную деятельность. Хотя незадолго до этого, в декабре 1990 года, в ЮАР с помощью СКССАА и с согласия АНК (в отношении ЮАР по-прежнему действовал академический бойкот) побывали ученые-африканисты А.Б.Давидсон и И.И.Филатова.

Мы намеревались познакомиться с обстановкой на месте, установить контакты с партиями и общественными организациями, с которыми до этого времени не поддерживали никаких связей (ПАК, «Инката», Демократическая партия и др.), обсудить новые формы сотрудничества с АНК и его сторонниками, проинформировать о наших планах в отношении пребывания Н.Манделы в Москве (тогда мы были абсолютно уверены в том, что этот визит состоится). Поскольку международный бойкот ЮАР сохранялся, данная поездка была согласована с АНК.

Полетели через Мапуту. Перед вылетом понес заместителю председателя СКССАА В.Толстикovu телеграмму в посольство СССР в Мозамбике о нашем предстоящем прибытии в эту страну. В проекте телеграммы так и написал: «Делегация прибывает в Мапуту таким-то рейсом такого-то числа». Опытный Толстиков, некогда служивший на флоте, где многое зависит от капризов матушки-природы, поднял глаза от текста телеграммы и задумчиво сказал: «Мы не можем знать, придете вы туда в этот день или не придете. В жизни бывает всякое. Напиши-ка лучше, что делегация вылетает в Мозамбик такого-то числа».

В Мапуту на этот раз остановились не в гостинице посольства, а в гостинице «Полана». Собственно говоря, речь шла только об одной ночи. Вечером товарищи из посольства свозили нас в тихое место на набережной океана, где мы с удовольствием полакомились какими-то улитками, сваренными в соленом соусе. Под обильное и очень приличное местное пиво они шли отлично.

На другое утро с некоторым волнением отправились в Йоханнесбург. В аэропорту Мапуту от нас потребовали показать южноафриканские визы. Без этого на посадку не должны были допускать. Однако мы запасливо взяли с собой телеграмму, в которой Алекс Борейн сообщал, что визы выдадут в аэропорту. Была легкая тревога, не аукнется ли мне похождения 1989 года. Но все прошло благополучно. Визы в аэропорту нам проставили без всяких комментариев. К этому времени в страну вернулись многие лидеры АНК, и для южноафриканских властей уже не мы с Солодовниковым были главными злодеями.

Через час лету мы оказались в знакомом мне аэропорту «Ян Сматс». На этот раз я въезжал в страну вполне легально. Нас встретил сотрудник ИДАСА и отвез в «Карлтон» – одну из самых фешенебельных гостиниц в деловом центре Йоханнесбурга. Но

только мы успели бросить в номера свои чемоданы, как тут же закрутилась чехарда встреч и бесед.

ИДАСА в полном соответствии с принципами западного делового «гостеприимства» напихала в программу пребывания столько всего (в том числе «рабочие» завтраки, обеды и ужины), что уже на третий день у нас голова пошла кругом. Свободного времени не было ни минуты. Что отложилось в памяти – встреча с Крисом Хани в здании ЮАКП. Крис вновь поразил меня своим совершенно переутомленным видом. Он буквально засыпал во время беседы с нами, ибо не вылезал из поездок по стране, из многочисленных митингов и собраний.

Вечером первого же дня нашего пребывания в ЮАР мы встретились с руководством ЮАКП. Со стороны Компартии были Джо Слово, Иссоп Пахад (с которыми мы были знакомы давно), а также Сидни Муфмади и Джереми Кронин (с которыми мы встречались впервые). ИДАСА устроила эту встречу в отдельном зале ресторана «Карлтон». Все было весьма помпезно, но чувствовали себя мы и наши южноафриканские друзья «не в своей тарелке». За многие годы тесного взаимодействия мы привыкли к гораздо более скромной, но более теплой человеческой атмосфере общения. Роскошь ресторана давила. Беседа поначалу складывалась скованная. Но постепенно она перешла в обычное сердечное русло.

Очень хорошая встреча была в штаб-квартире АНК на Сауэр-стрит с генеральным секретарем АНК Альфредом Нзо и другими товарищами. АНК располагался в этом здании еще в 50-е годы. И вот теперь, после нескольких десятилетий запрета и изгнания, лидеры АНК вновь вернулись туда же. Что было очень символично. Сказать, что встреча была теплой – значит не сказать ничего. Ведь это был, по сути дела, исторический момент. Все эти долгие годы мы встречались с товарищами из АНК в Москве, в западных или африканских столицах. И вот впервые мы общались на их территории, в Южной Африке. Осуществилось то, о чем мы вместе мечтали. И именно эта мысль доминировала в ходе нашей беседы, на которой мы, в частности, познакомились с Гованом Мбеки – одним из наиболее популярных лидеров АНК, отсидевшим два с половиной десятилетия в тюрьме на острове Роббен. Улыбчивый Гован Мбеки, пожимая нам руки, весело воскликнул: «Какой приятный сюрприз!» – чем нас сразу же расположил к себе.

С Табо Мбеки встретились в одной из гостиниц накоротке, ибо его рвали на части многочисленные западные дипломаты, политики и журналисты, желающие завязать связи с теми, кто, несомненно, возглавит страну в ближайшем будущем.

Через пару дней мы отправились на запад страны, в бантустан Кангване, премьер-министром которого был Иное Мабуза, приезжавший в 1989 году в СССР в составе делегации ИДАСА. Путь не близкий, километров 400 от Йоханнесбурга. Но по отличному дорогам домчались туда (с остановками) часов за пять. Поселили нас в небольшой гостинице, номера которой состояли из отдельных бунгало на территории самого знаменитого на юге Африки национального парка Крюгер. Гостиница была расположена на берегу небольшой реки, в которой в немалом количестве водились крокодилы. К этому времени уже стемнело, поэтому никаких зверей и крокодилов мы, разумеется, не увидели.

Где-то поблизости, в одной из небольших гостиниц на территории парка, как нам сказали, находился Нельсон Мандела, которого врачи заставили взять отпуск на несколько дней. Мы очень хотели встретиться с ним, но нам сказали, что врачи очень жестко требовали полного покоя. У него было сильнейшее переутомление от того гигантского количества дел, которое свалилось на АНК в связи с переходом на легальное положение.

Утром за нами заехал Иное Мабуза, и мы поехали прежде всего на границу с Мозамбиком. Дело в том, что основной поток оружия и бойцов АНК, подготовленных в лагерях в Анголе, в СССР и ГДР, шел в ЮАР из Мозамбика и Свазиленда именно в этих местах, через безлюдный парк Крюгер. А правительство бантустана Кангване не только этому не препятствовало, но и тайно способствовало. Ничего сделать с Иносом Мабузой, который был очень уважаемым местным вождем, центральная власть в ЮАР не могла.

Поэтому правительство ЮАР пошло по пути создания мощного «забора» на границе. Это было огромное сооружение. Вдоль границы была расчищена от растительности полоса шириной метров в 100. В середине этой полосы были сооружены огромные валы из колючей проволоки высотой метров в пять и проволочные заборы, находящиеся под током высокого напряжения. Кое-где были устроены проходы, чтобы обеспечить легальное перемещение через границу жителей соседних деревень. Вот на одном из таких пограничных переходов мы и побывали. Там был небольшой пост южноафриканской армии. Человек пять молодых парней в армейских шортах и майках, несколько смущенных появлением гостей из Москвы, тем не менее, без лишних консультаций с начальством показали нам устройство пограничных заграждений и рассказали, как они там служат.

Оттуда мы отправились к месту, где в 1986 году разбился самолет «Ту-134» президента Мозамбика Саморы Машела с советским экипажем. Основная версия случившегося заключается в том, что спецслужбы ЮАР установили в холмистой местности неподалеку от границы с Мозамбиком мощный ложный приводной радиомаяк. Поэтому самолет Машела, который возвращался из Лусаки после одной из встреч лидеров «прифронтных государств», пошел не на Мапуту, а был уведен ложным маяком в холмы на территории ЮАР. Самолет не воткнулся в гору, а попал на склон холма и ударился о землю по касательной (один из членов экипажа, бортинженер, выжил). Когда мы приехали на это место, то крупных частей самолета там не было. Их собрали и увезли на территорию местного полицейского участка (мы их там потом видели). А вот мелкие обломки были разбросаны на протяжении метров сто. На месте падения самолета установлен небольшой памятник.

Из Кангване мы вернулись в Йоханнесбург. Там нас ждала возможность выступить в популярной телепередаче Фрика Робинсона. Личность В.Г.Солодовникова вызывала немалый интерес в ЮАР. Дело в том, что, прибыв в 1976 году в Замбию в качестве посла СССР, он, будучи не просто «карьерным дипломатом», а убежденным сторонником национально-освободительной борьбы (сказывалось многолетнее директорство в Институте Африки АН СССР), немедленно принялся за укрепление связей с АНК. В ЮАР тут же сделали вывод о резкой перемене советской стратегии в отношении юга Африки. Ведь до этого АНК считался как бы маргинальной эмигрантской организацией с весьма малыми шансами получить поддержку внутри ЮАР и с ещё меньшими шансами когда-либо прийти к власти. А тут еще прибытие В.Г.Солодовникова в Замбию фактически совпало по времени со знаменитым восстанием школьников в Соуэто в июне 1976 года...

«Демократическое разрушение», конец 1991 – начало 1992 гг.

Подоспел август 1991 года. КПСС была запрещена. Хотя СКССАА считался общественной организацией, его тесная связь с Международным отделом ЦК КПСС была слишком хорошо известна. Тем не менее, прямых гонений на нас не было. Из стана победивших «демократов» до нас поначалу доносились какие-то слухи о го-

товящемся запрете всех общественных организаций внешнеполитического профиля, связанных с ЦК. Но уже к середине сентября Ельцин и его команда стали впадать в ступор от того количества проблем, которые свалились на их голову вместе с властью. Новой верхушке России было не до нас. Мы продолжали действовать.

Хотя для того чтобы избежать обвинений в «старорежимности», мудрые головы у нас приняли решение переименовать СКССАА в Движение солидарности народов Азии и Африки. Суть же того, чем мы занимались, практически не изменилась. Разве что объем работы заметно уменьшился.

Дело в том, что пришедшие к власти в Москве прозападные силы мгновенно стали третировать наших союзников в АНК как изгоев, а застарелых противников – вождей режима апартеида – принимать с распростертыми объятиями. У «демократической» власти России появились друзья из белой элиты ЮАР. Режим апартеида по-прежнему находился в мировой экономической, политической и культурной изоляции. Но ни «демократов» в Москве, ни их покровителей на Западе это нисколько не смущало. А поскольку Советский Союз продолжал существовать вплоть до позорного Беловежского сговора в декабре 1991 года, то предательская линия новой правящей группировки по-прежнему воспринималась как политика СССР.

4 ноября 1991 года я был в Женеве на консультациях Спецкомитета ООН против апартеида с европейскими неправительственными организациями. От АНК на этих консультациях был Т.Мбеки, который тогда занимал пост главы Международного департамента АНК. Он рассказал мне вот что... Вылетая в Женеву, он встретился в аэропорту Йоханнесбурга с одним из советских дипломатов, который сообщил, что провожает делегацию, находившуюся в ЮАР для заключения соглашения между «Аэрофлотом» и южноафриканской авиакомпанией. От него же он узнал и о соглашении, позволяющем советским рыболовным судам пользоваться южноафриканскими портами. Такой способ получения информации (случайно, в аэропорту) о важных договоренностях между советскими и южноафриканскими партнерами, да еще и в условиях сохраняющихся международных санкций против ЮАР, по мнению Т.Мбеки, наглядно иллюстрировал характер отношений (или их отсутствие) между СССР и АНК в последнее время. Еще большее недоумение вызвала в АНК информация о возможности встречи министра иностранных дел ЮАР Р.Боты с президентом СССР М.Горбачевым.

Характеризуя уровень отношений АНК с западными странами, Т.Мбеки отметил, что в Женеве у него была встреча с ответственным сотрудником Госдепартамента США. Тот поинтересовался, сможет ли Н.Мандела, направляющийся в Нью-Йорк в начале декабря для выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, побывать в Вашингтоне для встречи с президентом США Д.Бушем. Пожелания о встрече с Н.Манделой постоянно высказывают лидеры Германии, Франции и Англии. Т.Мбеки рассказал, что у него есть постоянная договоренность с Д.Бейкером, а также с министрами иностранных дел ведущих западных стран о немедленных личных консультациях в случае возникновения такой необходимости.

С другой стороны, из обмена мнениями с советскими дипломатами Т.Мбеки понял, что в МИД СССР он вряд ли был бы принят даже на уровне заместителя министра. Участвовавший в беседе представитель АНК в ООН Т.Мафоле отметил, что в случаях приезда Т.Мбеки в Нью-Йорк на мероприятия ООН миссии западных стран при ООН проявляют активный интерес к возможности контактов с ним, в том числе и на уровне министров иностранных дел этих стран. Единственная из миссий крупных стран, не проявляющая никакого интереса, это советская.

Незадолго до нашей встречи в Женеве американский посол в ЮАР просил Т.Мбеки о встрече специально для того, чтобы выяснить отношение АНК к кандидатурам будущего Генерального Секретаря ООН.

Неплохие рабочие отношения установились у Международного департамента АНК и с МИД ЮАР. Еще в апреле 1991 года была достигнута договоренность о регулярных консультациях между Т.Мбеки и Р.Ботой. Ввиду вынужденного (из-за волны насилия) прекращения со стороны АНК участия в переговорах эта договоренность осталась нереализованной. Однако в последние недели Р.Бота проявлял активную заинтересованность в начале консультаций, и, возможно, АНК в ближайшее время вновь вступит в официальный контакт с МИД ЮАР. Но даже в предыдущие месяцы МИД ЮАР постоянно информировал АНК не только об официальных мероприятиях, но и о конфиденциальных встречах, о которых не было объявлено в прессе.

Т.Мбеки отметил, что достигнутый уровень взаимопонимания с правительством и бизнесом позволяет АНК быть хорошо осведомленным о внешнеполитических и внешнеэкономических связях ЮАР, в том числе и с СССР. Касаясь в этой связи вопроса о возможности визита в СССР президента де Клерка, Т.Мбеки отметил, что практически во всех странах де Клерка принимали только после того, как принимали Н.Манделу. Де Клерк имел с лидерами этих стран, как правило, протокольные беседы, тогда как, например, встреча Н.Манделы с М.Тэтчер продолжалась более трех часов.

Далее Т.Мбеки рассказал, что в АНК уже многие месяцы не могут понять, чем вызваны отсрочки визита Н.Манделы в СССР. Именно поэтому столь болезненно была воспринята в АНК информация о возможности встречи Горбачева с Р.Ботой. Многие считают, что в случае такой встречи «вопрос о визите Н.Манделы в Советский Союз следует снять с повестки дня». Т.Мбеки отметил: «Лично для меня уже давно ясно, что этот визит не состоится вообще. В любом случае, АНК по своей инициативе поднимать вопрос о поездке Манделы в СССР больше не будет». Он подчеркнул, что «в АНК все больше укрепляется впечатление, что советское руководство стремится сейчас к установлению отношений не с АНК, а с Националистической партией ЮАР».

Вот так выглядела политика по югу Африки к тому времени, когда власть в Москве перешла к «демократам». Суть проблемы была, конечно, глубже, нежели просто нежелание Горбачева встречаться с Манделой. Кстати, в обоснование этого неестественного поведения были даже запущены разговоры (которые, возможно, не лишены были основания), что все дело в Раисе Горбачевой, которая категорически не желала встречаться с Винни Манделой. Вполне возможно, что западные друзья четы Горбачевых действительно наговорили про Винни много чего такого, чтобы предотвратить визит президента АНК в Москву.

Но проблема все же была гораздо глубже. Шла коренная ломка всех устоев внешней политики СССР, причем сугубо на примитивной идеологической основе, как бы от противного. Мол, если СССР вел такую политику, то «новая Россия» должна все делать наоборот. При этом долгосрочные внешнеполитические интересы нашей страны ни в какое соображение не принимались. Главным было завоевать одобрение наших новых «друзей» на Западе.

Однако внешнеполитическая «ломка» была лишь частью начинавшегося разрушения самого Советского Союза. Дадим вновь слово помощнику Горбачева г-ну Черняеву, который в 1993 году с удовольствием выбалтывал потаенные мечты если не самого Горбачева, то, по крайней мере, его окружения, которое в немалой степени формировало его внешнеполитические позиции. Так вот, после того, как Горбачёв получил личное письмо с выражением поддержки Д.Буша (старшего), Черняев подумал (и потом написал в своей книге): «Все внешнеполитические условия были налицо,

чтобы политически порвать со старым строем – именно тогда, в конце лета и осенью 1990 года. Порвать с партией, социалистической идеологией, с прежним порядком осуществления власти, назначить выборы в новый парламент, отказаться от Советского Союза...».

Такую вот программу намечал один из ближайших помощников Горбачева. Надо ли говорить, что Мандела с его репутацией лидера вооруженной освободительной борьбы против белого режима – стратегического союзника Запада – в эту концепцию никак не укладывался. Отсюда и позорные маневры вокруг его визита в СССР.

В 1991 году события начали разворачиваться очень быстро. Горбачеву стало уже совсем не до визита Манделы. Затем не стало уже и самого Горбачева как президента. А «неперспективный» (по мнению Горбачева) Мандела на всех парах шёл к посту президента.

Ближе к декабрю 1991 года, по мере того, как пустобрех Горбачев продолжал терять нити власти в стране, отход от поддержки АНК и переход на рельсы широких отношений с правительством белого меньшинства перестал скрываться. КПСС была запрещена, в МИДе хозяйничал Борис Панкин, бывший посол СССР в Чехословакии, человек с весьма сомнительной репутацией, сделавший стремительную карьеру именно на том, что раньше других перебежал на сторону Ельцина.

Вот он и начал гораздо более энергично осуществлять на юге Африки то, что только намечали Шеварднадзе и его советчики. Конечно, Панкин ни бельмеса не смыслил в проблемах юга Африки. Он действовал по простому принципу: правильным было все то, что вызывало одобрение Запада; неправильным было все то, что делалось в СССР раньше. Под воздействием пришедших к власти Панкиных в конце 1991 года из военных академий и училищ СССР были изгнаны слушатели и курсанты, направленные на учебу АНК, хотя некоторым до окончания полного курса оставалось всего несколько месяцев. Разумеется, полностью прекратились поставки в лагерь АНК оружия и боевой техники. Были отозваны наши специалисты.

7 ноября 1991 года в Москву прикатил министр иностранных дел ЮАР Рулоф (Пик) Бота. В ЮАР еще не понимали всех размеров предательства со стороны новых лидеров нашей страны по отношению к АНК. Поэтому цель Р.Боты была довольно скромной: попытаться договориться об установлении консульских отношений. Однако Панкин, стремясь доказать Ельцину, что он (Панкин) «большой католик, чем Папа Римский», после недолгой беседы с Р.Бота предложил подписать соглашение об установлении консульских отношений, «не отходя от кассы». Бота немедленно согласился. Соответствующая бумага тут же была подготовлена и даже подписана.

Поезд, отправлявшийся от станции «АНК» к станции «белое правительство ЮАР», уже набирал скорость. В феврале 1992 года стало известно, что глава МИД РФ А.Козырев готовится ехать в ЮАР для установления дипломатических отношений. Но перед этим по закону следовало заручиться согласием Верховного Совета. Там было много единомышленников Козырева. Но не все российские депутаты были марionетками в руках истеричного «демократического» большинства. Я попросил депутата Михаила Астафьева – лидера «кадетской» партии, придерживавшегося разумной позиции, пригласить меня на заседание Комитета Верховного Совета по международным делам, посвященное отношениям с ЮАР. Это был мой первый визит в московский «Белый дом».

Вел заседание Комитета депутат Кожокин. Мы не были с ним знакомы, но он знал, что я собой представляю. Во всяком случае, он отвел Астафьева в сторону и спросил: «Зачем ты привёл этого экстремиста?» Но Кожокин зря беспокоился. Присутствующие «эксперты» из научных учреждений и «практических ведомств», хотя и

с оговорками, но все дружно высказались за установление дипломатических отношений с ЮАР. Причем это были те самые люди, которые еще недавно обличали «преступный режим апартеида» и добивались возможности встретиться с руководителями АНК, когда те бывали в Москве. Я был единственным, кто публично выступил против дипотношений с правительством белого меньшинства.

Разумеется, обсуждение в Комитете по международным делам (КМД) изначально было запрограммировано на подтверждение необычайной пользы для России дипотношений с ЮАР. Соответствующее решение уже было принято «в верхах». От КМД требовалось лишь, чтобы он кивнул головой. Что он и сделал. Но кое-какие сомнения в головы некоторых депутатов мне удалось посеять. Во всяком случае, при обсуждении решения Комитета по этому вопросу, когда Кожокин предложил формулу о необходимости установить дипотношения как можно быстрее, один из депутатов потребовал убрать слова «как можно быстрее».

Как мне потом рассказывал Алексей Макаров, который в начале 1992 года, до установления дипломатических отношений, был главой миссии РФ в ЮАР, А. Козырев приехал туда вместе с самым видным тогда «новым русским», биржевиком К. Боровым. Поговаривали, что тот пытался чуть ли не приватизировать МИД РФ. Во всяком случае, Боровой активно предлагал свою «материальную помощь» в расчете, несомненно, на право воздействовать на внешнеполитические решения. Можно представить себе, в каком направлении стал бы «воздействовать» абсолютно прозападный Боровой...

Самому Козыреву до Южной Африки не было дела. Алексей потом рассказывал, что в ЮАР во время поездок в машине Козырев по большей части спал и к рассказам своего представителя в ЮАР не проявлял ни малейшего интереса. АНК решил не устраивать скандала из решения российского руководства установить дипотношения. С АНК на этот счет официально не консультировались. На нашу страну к этому времени в АНК махнули рукой, явно рассчитывая отыграться в будущем. Так оно потом и случилось...

ИНТЕРВЬЮ

Редакция «Казанского журнала международного права» встретила с автором книги «Африканист» депутатом Государственной Думы РФ Вячеславом Николаевичем Тетекиным

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич, в прошлом году вышла Ваша книга «Африканист», где описана значительная часть Вашей жизни, которая была посвящена борьбе с режимами апартеида на юге Африки. В своей книге Вы очень ярко показали и роль государств, и роль личности в истории. Расскажите, пожалуйста, какова была роль СССР в победе над этими режимами и каков был Ваш личный вклад в историю?

В.Н.Тетекин: На такой вопрос, может быть, за один раз и не ответишь... Решающее значение в ликвидации режима апартеида имела борьба африканского населения Южной Африки во главе с Африканским Национальным Конгрессом (АНК). Советский Союз и другие социалистические страны, международное движение солидарности играли, можно сказать, вспомогательную роль по отношению к основному пласту борьбы, коим была внутренняя борьба. Однако без этой мощной поддержки извне левым демократическим силам Южной Африки было бы неизмеримо труднее победить

могучий, очень сильно укрепившийся в порах южноафриканского общества режим апартеида, который обладал колоссальной военной и политической мощью.

В роли Советского Союза можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, это была политическая поддержка антиколониальной, антиапартеидной борьбы на всех международных форумах, начиная с ООН. Во-вторых, столь же важной, а некоторые считают, что еще более важной, была наша поддержка вооруженной борьбы. Дело в том, что в самом начале активной фазы сопротивления режиму апартеида в начале 1960-х годов лидеры АНК (и, прежде всего, Нельсон Мандела) обратились к ряду африканских и западных стран, надеясь получить у них поддержку в вооруженной борьбе. Африканцы не смогли оказать им эту помощь в связи с отсутствием необходимых военных ресурсов. Западные страны отказали в помощи на принципиальной основе: они называли освободительную борьбу терроризмом. Разумеется, у них и в мыслях не было поддерживать эту борьбу. И только СССР решительно встал на сторону освободительного движения, согласившись оказывать не только морально-политическую, но и военную помощь. При этом опять-таки мы исходили из того, что речь не идет об экспорте революции путем поставки оружия. Освободительное движение уже возникло, подпольная вооруженная борьба уже началась, это не было вмешательством Советского Союза. Нашей задачей было просто оказание практической помощи тем силам, которые уже вели подпольную вооруженную борьбу. В этой связи начались поставки оружия, началась подготовка военных кадров в советских военных учебных заведениях. Разумеется, это оказало огромную помощь освободительному движению, потому что до вовлечения СССР в эту борьбу наши друзья из освободительного движения использовали только самодельные средства такой борьбы, самодельные взрывные устройства, которые иногда взрывались, а иногда не взрывались, имели более психологический, нежели военный эффект. Когда же бойцы *Умконто Ве Сизве* («Копье нации») – так назывались вооруженные отряды АНК – начали получать военную подготовку в СССР, начали получать современные системы оружия, включая, например, весьма эффективные магнитные мины, то обстановка в Южной Африке довольно быстро изменилась. Мы не считаем, что именно вооруженная борьба привела к падению апартеида. Сработал комплекс факторов: деятельность подпольных политических структур АНК, массовые протестные движения, вооруженная борьба, и международное движение солидарности. Из этих вот четырех компонентов мы принимали участие в двух: это международное движение солидарности и поддержка вооруженной борьбы. Что касается этого последнего компонента (по списку, а не по значимости, конечно), СССР сыграл здесь ключевую роль.

Моя личная функция заключалась в том, что с 1981 года я работал в общественной организации, называвшейся Советским комитетом солидарности с народами Азии и Африки. В мою сферу обязанностей как раз входило оказание помощи освободительному движению Юга Африки. К тому времени Зимбабве уже завоевала независимость, и я занимался оказанием поддержки АНК и СВАПО. Этим делом я занимался с 1981 года до окончательной ликвидации режима апартеида в апреле 1994-го. Таким образом, 13 лет моей жизни (я считаю, наиболее увлекательных и содержательных лет моей жизни) были посвящены как раз поддержке освободительной борьбы.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич, но Вы ведь оказывали поддержку этой борьбе, находясь не только в Москве, но и в самой Африке. У Вас было много таких поездок, в том числе, в ЮАР, и даже были нелегальные поездки...

В.Н.Тетекин: Конечно, основная часть нашей работы, я имею в виду Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки, в котором я трудился с боль-

шим удовольствием, проходила в Москве. Но мы достаточно часто выезжали за рубеж, примерно получалось по три командировки в год. Это были, как правило, или африканские страны, или страны Западной Европы, где наиболее эффективно и активно действовали национальные движения солидарности. Мы с ними тесно взаимодействовали. Они нас приглашали на свои мероприятия, на международные конференции, мы их приглашали. Ну, а в Африку мы ездили, прежде всего, для того, чтобы пообщаться с нашими друзьями из АНК и СВАПО, которые были рассеяны по всей Африке. Штаб-квартира АНК, например, располагалась в столице Замбии Лусаке, и там я бывал, как правило, каждый год, чтобы пообщаться с руководством АНК прямо у них в штаб-квартире. Приходилось бывать и в других странах, где действовали наши друзья: в Анголе, где располагались лагеря по подготовке бойцов *Умконто Ве Сизве*, были поездки в Мозамбик, в Ботсвану. Я бывал там на пограничном посту, на границе между ЮАР и Ботсваной. Это была политическая экзотика, так сказать. Южную Африку можно было увидеть – вот она, за рекой. Еще более экзотичной была поездка в Свазиленд. Это страна, которая полностью окружена ЮАР. Что касается самой ЮАР, то моя первая поездка туда, действительно, была незаконной. Дело в том, что находясь в Намибии в апреле-мае 1989 года, когда началось осуществление резолюции № 435 Совета Безопасности ООН о деколонизации Намибии, я обратился к южноафриканцам, к представительству Южной Африки в Намибии с просьбой выдать мне транзитную визу для того, чтобы, находясь один день транзитом из Намибии в Москву, я на вполне законных основаниях мог бы просто посмотреть, что такое Южная Африка. Никаких политических целей я при этом не преследовал. Но, как и следовало ожидать, южноафриканское правительство мне в этой визе отказало. Хотя я был в Намибии как журналист, представлявший журнал «Азия и Африка сегодня», никакой тайны о моих реальных функциях в международном движении солидарности для южноафриканского правительства, разумеется, не было. Поэтому они мне в этой визе ожидаемо отказали. К этому времени у меня достаточно много было друзей не только в зарубежной части АНК, но и во внутренней, в подпольных структурах АНК, и когда я прилетел из Виндхука в Йоханнесбург, случилось так, что самолет подкатил не к международному терминалу, где нужно было бы проходить пограничный контроль, а к терминалу внутреннему, где не нужно проходить таможенного и пограничного контроля. Так произошло, поскольку Намибия была фактически пятой оккупированной провинцией ЮАР. И я свободно вышел на территорию Южной Африки. Там меня ждали мои друзья, которые предложили мне совершить поездку по Йоханнесбургу. Но это была нелегальная поездка, у меня не было южноафриканской визы, поэтому первый мой визит в Южную Африку был незаконным. Южноафриканские власти никак не отреагировали внешне на это, но я глубоко убежден в том, что они внимательно наблюдали за мной, за моими передвижениями, и во время моей следующей поездки в Намибию наше посольство нам сообщило, что южноафриканцы, как бы неофициально, критиковали мою деятельность, мол, что вы себе позволяете. После этого я бывал в Южной Африке неоднократно, но уже вполне легально, несколько раз ещё во времена апартеида, на нескольких международных конференциях по приглашению одной из общественных организаций, в частности, Института демократической альтернативы для Южной Африки. Поэтому даже во времена апартеида, но когда уже начался процесс политического урегулирования, я бывал там несколько раз. Ну, а после ликвидации режима апартеида как минимум раз в два года я приезжал туда, чтобы поддержать контакты с друзьями, посмотреть, насколько успешно они справляются со своими планами и программами. И каждый раз любая из этих поездок доставляла мне огромное удовольствие.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич! Вы были членом делегации Советского Союза на знаменитых трехсторонних переговорах между СССР, Кубой и АНК. Не могли бы Вы подробнее рассказать вот об этих переговорах?

В.Н.Тетекин: Ну, к разряду знаменитых их нельзя отнести, они относятся к совершенно другому разряду – закрытых, то есть, фактически, тайных переговоров...

А.Мезяев: Я имел в виду, что впоследствии эти переговоры стали знаменитыми, когда стало известно об их проведении...

В.Н.Тетекин: Да. Дело в том, что были три основные силы, которые определяли фактически погоду в Южной Африке. Во-первых – кубинцы, которые обладали могучим военным контингентом в Анголе. Именно вмешательство кубинцев переломило хребет военной машине ЮАР и в Намибии, и в Анголе, и после того как кубинцы фактически разгромили южноафриканскую армию в битве при Куито Куанавале в 1988 году, поражение режима апартеида стало неизбежным. Таким образом, Куба играла центральную роль в военной силе. Во-вторых – это СССР, который играл решающую роль в поддержке тех же самых кубинцев и в оказании политической помощи. Ну и, конечно, АНК как ведущая сила национального освобождения в Южной Африке. Такое трехстороннее сотрудничество существовало постоянно. Однако возникла потребность в более компактных консультациях, чтобы стороны могли в течение одного дня, не занимаясь обменом телеграммами, поездками делегаций, привезти ключевые фигуры в одно место и попытаться согласовать свои позиции. Вот такое мероприятие состоялось в Москве, проходило оно на так называемой ближней даче И.В.Сталина. Поэтому я имел честь в течение недели жить на этой даче, не на какой-то мифической, а совершенно реальной даче Сталина. Там же жила делегация Африканского Национального Конгресса. Президент Оливер Тамбо размещался в апартаментах, которые Иосиф Виссарионович занимал в свое время. Другие члены делегации располагались на первом этаже, тоже в достаточно престижных помещениях. Сами переговоры проходили в другом месте, на соседней территории, так называемой Волинской-2 – это комплекс зданий ЦК, там был соответствующий конференц-зал. Кубинцы жили или в посольстве, или в гостинице. Ну, московская часть – понятно. Я в самих переговорах участия не принимал, участвовали товарищи из Международного отдела ЦК КПСС, поэтому моей задачей было обеспечение пребывания делегаций АНК в Москве. Безумно интересное было время, безумно интересное мероприятие, безумно интересные люди.

А.Мезяев: О безумно интересных людях я заготовил мой последний вопрос, а сейчас я хочу спросить Вас о том, что послужило причиной внезапного изменения политики Советского Союза по отношению к Южной Африке. Что произошло в отношениях между СССР и АНК с приходом к власти Горбачева?

В.Н.Тетекин: Ну, эра Горбачева ассоциируется с тотальным предательством, предательством всего и вся. В первую очередь, конечно, это предательство самого Советского Союза, разрушение социализма в СССР, разрушение экономики, разрушение вооруженных сил, то есть тотальное разрушение. Поэтому не вызывает ни малейшего удивления то, что разрушению подверглись и внешнеполитические связи нашей страны. То есть в духе некоего «нового мышления», «нового политического мышления», «перестройки», под маркой пересмотра старых, якобы устаревших, закостеневших концепций на самом деле было произведено разрушение наших традиционных внеш-

неполитических связей. Наши традиционные противники вдруг стали нашими «ближайшими друзьями», наиболее «верными». Наши ближайшие союзники вдруг оказались в категории изгоев, которым нет места в приличном обществе, имеется в виду российском. И в эту категорию попал АНК. Внезапно «выяснилось», что в Претории находится некое «законное» правительство, которое является членом ООН, и СССР подобает иметь дело с законным правительством данной страны, хотя это правительство было создано на основе режима расизма, расовой дискриминации, апартеида, и подавляющее большинство населения этой страны не имело возможности участвовать в формировании правительства. Тем не менее, был взят за основу принцип, что раз это действующее правительство, то мы должны поддерживать с ним нормальные межгосударственные связи.

Еще пока существовал СССР, пока еще Горбачев был президентом, МИД во главе с Шеварднадзе не решался пойти на открытые установления таких связей с правительством ЮАР. Хотя после августа 1991 года сюда повалили толпой южноафриканские политические деятели, были установлены консульские отношения, установили бы, очевидно, и дипломатические отношения. Но в декабре 1991 года СССР был разрушен, и позорная честь, подчеркиваю – позорная честь – в установлении дипломатических отношений пришлось на долю российской дипломатии во главе с печально известным Андреем Корзыревым, который сделал это в феврале 1992 года. Эта часть нашей истории является позорной. То, что мы за десятилетия накопили до этого времени, оказалось разрушено в одночасье. Поэтому горбачевская линия привела к тому, что мы лишились наших стратегических союзников практически во всем мире. Они были отвергнуты, и среди отвергнутых оказался Африканский Национальный Конгресс. Это было сделано в тех условиях, когда стало вполне очевидно, что дни апартеида сочтены, что он не продержится долго, что к власти в Южной Африке на всех парах идут демократические силы во главе с АНК. Западные страны, которые являлись наиболее стойкими сторонниками режима апартеида, к этому времени начали это понимать, и изо всех сил занялись установлением добрых отношений с АНК и другими демократическими силами. Они пытались загладить свою вину за поддержку режима апартеида. Поэтому они из кожи вон лезли, пытаясь продемонстрировать свое дружелюбие, и оказывали не только политическую, но временами, в ходе предвыборной кампании, и весомую материальную поддержку. К этому времени сначала горбачевский Советский Союз, а затем в более ускоренном темпе ельцинская Россия, наоборот, отталкивали от себя АНК. Естественно, были прекращены поставки оружия для АНК и из советских военных училищ были изгнаны, буквально за несколько месяцев до окончания учебы, десятки будущих офицеров будущей южноафриканской армии. В конце концов, нам это сильно аукнулось в виде потери возможности поучаствовать в программе перевооружения южноафриканской армии, т.е. мы понесли не только морально-политические, но и вполне весомые экономические потери от того, что в одночасье были разрушены устанавливавшиеся в течение нескольких десятилетий политические связи. Поэтому я называю все это откровенным предательством. Это не было ошибкой! Было совершенно ясно, что АНК идет к власти, поэтому любая нормальная внешняя политика должна была исходить из этого, а не из идеологического компонента. Ведь они (я имею в виду тогдашнее российское руководство, а до этого горбачевскую верхушку) утверждали: раз там, в составе АНК, есть коммунисты, значит это идеологически мотивированная поддержка. Ничего подобного! Поддержка АНК не была идеологической поддержкой, не была только идеологической поддержкой, она соответствовала национальным интересам нашей страны. И то, что АНК был отвергнут, то, что его оттолкнули, – это, я считаю, чистое предательство наших национальных интересов.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич, расскажите, пожалуйста, подробнее о том, как Вы обеспечивали участие стран Африки в московской Олимпиаде 1980 года... Ведь Запад тогда объявил бойкот нашей Олимпиаде, и многие государства были вынуждены пойти за ним.

В.Н.Теткин: Это было очень увлекательное время, очень романтическое время. Мы получили Олимпиаду тогда, когда Советский Союз фактически был на пике своей экономической мощи, и никаких рассуждений о том, что социализм «загнивает», и в помине не было. Действительно, наша политическая и экономическая мощь в то время шла по нарастающей. Если бы не Горбачев, который сгубил нашу страну и идею социализма, я не знаю, где бы мы сейчас были, в каких космических далях. И в тот момент для нас было важно показать, что мы уже располагаем достаточной экономической мощью и Советский Союз может организовать такое крупнейшее международное мероприятие, как Олимпийские игры.

Я работал в Международном управлении Оргкомитета Олимпиады-80. Когда я туда пришел, а я пришел туда на достаточно поздней фазе, где-то за полтора года до начала Олимпиады, основная часть функций была уже распределена между теми сотрудниками, которые пришли раньше. Всех больше интересовали связи с западноевропейскими, японским, американским олимпийскими комитетами. Ну, чисто из, скажем так, личных интересов, возможности поездок и т.д. Меня Западная Европа никогда особо не интересовала, мне всегда была интересна Африка. Как выяснилось, в международном управлении Оргкомитета Африкой никто не занимался, поэтому, когда я выступил с инициативой поручить это дело мне, то мне его с большим удовольствием «столкнули». И довольно скоро я обнаружил, что в истории Олимпийских игр, причем в недавней истории, был огромный провал, связанный именно с недооценкой роли Африки. Дело в том, что накануне игр 1976 года в Монреале в Канаде побывала сборная ЮАР по регби. А африканские страны в качестве средства давления на расистский режим требовали тотального спортивного бойкота ЮАР, не допуская участия никаких спортивных команд ЮАР в международных соревнованиях. Канада пошла на нарушение этого бойкота, и африканские страны с ними расплатились, пробойкотировав игры 1976 года. Это был сильнейший скандал, который, конечно, нанес огромный ущерб престижу монреальской Олимпиады. Поэтому я сразу заявил руководству Оргкомитета, что мы должны извлечь уроки из случившегося за четыре года до этого: для нас крайне важно заняться установлением самых добрых отношений с африканскими странами. Это было вполне логично, я не изобретал велосипеда, просто в силу некоего евроцентризма наши политики вообще и спортивные политики, в частности, просто недооценивали значение африканских стран. Я предложил самую простую вещь, что нужно посылать делегации в африканские страны и нужно принимать африканские спортивные делегации у нас в стране. Соответствующие ресурсы у Оргкомитета были, поэтому мое предложение пало на подготовленную почву, и после того, как я начал формирование графиков поездок и приема делегаций, все пошло, как по маслу. Мы нанесли визиты в страны Юга Африки, страны Восточной, Западной, Центральной Африки. Мы работали с Высшим советом по спорту в Южной Африке. У меня сразу же установились добрые отношения с президентом Высшего совета в Южной Африке нигерийцем Абрахамом Орди и с генеральным секретарем этой организации конголезцем Жан-Клодом Ганга. Я до сих пор помню этих обаятельных людей, настоящих африканцев. Добрые личные отношения у меня с ними установились довольно быстро, потому что душой я предан Африке, они немедленно это почувствовали. После

того, как Запад объявил бойкот московской Олимпиаде в январе 1980 года, вдруг выяснилось: чтобы обеспечить достойное численное представительство стран и национальных команд, нам крайне необходимо, чтобы приехали африканцы. Естественно, западные страны были заинтересованы в обратном: чтобы африканцы не приехали. Поэтому мы вступили в прямое противоборство, хотя и внешне скрытое, с бывшими колониальными державами. Великобритания и Франция оказывали немалое влияние на свои бывшие колонии в Африке. Также и США давили на Африку своим политическим и экономическим весом. Надо отдать должное Африке: она практически вся устояла на принципиальных позициях, заявив, что политика есть политика, а спорт есть спорт.

А.Мезяев: А были ли те, которые не устояли?

В.Н.Тетекин: Несколько стран было. Кто именно, сейчас уже точно всех не помню. Ну, например, Кения. Мы знали, что в тот момент эта страна находилась под сильнейшим влиянием Великобритании, если не сказать больше. Когда кенийская делегация отказалась ехать в Москву, ни малейшего удивления у нас это не вызвало. Но крупнейшие африканские страны, спортивные державы, типа Нигерии или Замбии, приняли участие, и достойное участие. Так что моя работа оказалась не бесплодной, и расходы по моим поездкам в африканские страны сторицей окупались, поскольку в конечном счете африканские страны составили четверть национальных олимпийских делегаций, принявших участие в московской Олимпиаде. Мы хорошо поработали и получили достойную отдачу.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич! Вы принимали участие в деколонизации Намибии, и в этой связи у меня несколько вопросов. В своей книге Вы пишете о том, что в Москве не было постоянного представительства СВАПО. Как вот это можно объяснить?

В.Н.Тетекин: Да, это было очень интересное явление. Дело в том, что и АНК, и СВАПО ко времени моего появления в Комитете солидарности уже обрели немалый политический вес в мире, и в целом ряде стран, особенно западных, существовали представительства этих организаций, которые выполняли роль своеобразных посольств, хотя и не имели дипломатического статуса. У нас такого не было, хотя у нас были самые тесные контакты с нашими товарищами из АНК и СВАПО. В общем, считалось, что в этом не было практической необходимости. Дело в том, что делегации из АНК и СВАПО регулярно приезжали в Москву. Они часто находились у нас транзитом. Если нужно было одному из руководителей или активисту АНК побывать на международной конференции в Европе или США, они обращались к нам. Мы обеспечивали их проезд самолетами Аэрофлота из Африки до Москвы и из Москвы в соответствующую точку и обратно, т.е. у нас чуть ли не каждый день был кто-то из АНК или СВАПО. И считалось, как бы, что нет прямой необходимости для какого-то дополнительного официального постоянного присутствия. Сейчас уже, глядя ретроспективно, я понимаю, что именно Советский комитет солидарности выполнял фактически роль представительств АНК и СВАПО. Я иногда с гордостью говорю нашим товарищам в Южной Африке о том, что в течение ряда лет я был де-факто представителем АНК и СВАПО в Советском Союзе. Но в какой то момент мы почувствовали, что надо все-таки формальную сторону соблюсти. К этому же склонялись и АНК, и СВАПО, поэтому в конце 1980-х годов совместным решением были созданы постоянные представительства АНК и СВАПО, которые немедленно получили дипломатический

статус. СССР был чуть ли не единственной страной, которая немедленно предоставила представителям АНК и СВАПО дипломатический статус. Это подчеркивало наше уважение и внимание. Советская внешняя политика была очень грамотная, разумная и дальновидная. Уже тогда были заложены серьезные основы для будущих торгово-экономических, политических и иных отношений с обеими странами, чрезвычайно богатыми природными ресурсами, чрезвычайно влиятельными в политическом отношении, занимавшими весомый сегмент на африканском континенте как с точки зрения населения, так и с точки зрения территории. База для будущих дружественных отношений была заложена весьма приличная. И только приход к власти ельцинской команды на многие годы откинул нас, а у Советского Союза была очень умная внешняя политика, и мы добросовестно ее выполняли, защищая национальные интересы нашей страны.

А.Мезяев: В своей книге, Вячеслав Николаевич, Вы пишете, что Намибия уклонялась от западных займов. Что это означало для политики и экономики данной страны, и насколько опыт Намибии имеет значение для других стран, в том числе, может быть, и для России?

В.Н.Тетекин: Премьер-министром Намибии после деколонизации после победы СВАПО на выборах в ноябре 1990 года стал мой добрый знакомый Хаге Гейнгоб – опытнейший политик, опытнейший экономист, который в течение ряда лет возглавлял Институт ООН для Намибии. Это было как учебное заведение, так и исследовательский институт, занимавшийся проработкой экономического будущего независимой Намибии. Таким образом, премьер-министром Намибии сразу же стал человек, который уже понимал толк в современной экономике. И намибийцы сразу же приняли решение не покупать на щедрые посулы МВФ и Всемирного банка с предложением различных выгодных займов. Тем самым они защитились от программы реструктуризации, которую будут навязывать тот же МВФ и Всемирный Банк. Российское руководство во главе с Ельциным и Гайдаром купилось на эти предложения. Через несколько лет, к концу 1990-х годов, совершенно очевидно вырисовался провал формулы МВФ. Весь мир дружно закричал о том, что все, что предлагает МВФ, ведет к разрушению национальных экономик. Намибийцы оказались достаточно умны и дальновидны, чтобы понять, что за этой «морковкой», которой махали перед их носом, на самом деле скрывалась ржавая железяка, которую невозможно даже укусить, и они отказались покупать эту «морковку», они отказались даже дотрагиваться до нее. Они отвергли западные займы, предпочитая более трудный, более длительный процесс восстановления национальной экономики, но не обременили себя таким грузом, который неизбежно утащил бы их на дно, как это случилось с российской экономикой. Поэтому намибийцы, несмотря на то, что перед ними стояли колоссальные проблемы, прежде всего преодоления безработицы, создания современной индустриальной базы, отказались принимать займы у МВФ, прекрасно зная, о том, что проценты и политические условия, которые тянут за собой эти займы, погубят намибийскую экономику. Они оказались гораздо более дальновидными, нежели наши «умники» во главе с Гайдаром и его командой, и они оказались правы, сегодня это абсолютно очевидно.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич, Вы были наблюдателем на нескольких выборах в странах Африки, в том числе в Намибии и в ЮАР, расскажите, пожалуйста, подробнее об этом. Как приходили к власти те самые силы, которые Вы поддерживали столько лет и их вооруженную борьбу?

В.Н.Теткин: Прежде всего, я считаю, что выборы в Южной Африке в апреле 1994 года были и есть и еще долго будут образцом честных и свободных выборов. Дело в том, что Южная Африка шла к этим выборам в течение ряда лет. После того, как в 1991 году под давлением обстоятельств южноафриканское правительство объявило о начале политического урегулирования, выпустило из тюрьмы Нельсона Манделу, сняло запрет с деятельности АНК, Южноафриканской Коммунистической партии и ряда других организаций, начался очень длительный, мучительный процесс согласования параметров политического урегулирования. Всем было вполне очевидно, что кульминацией политического урегулирования должны стать честные, свободные выборы, на которых население страны в полном составе (уже не только белое, как было раньше, но и все черное население, включая всех африканцев, индийцев и т.н. «цветных»), то есть потомков от смешанных браков) должно принять полноценное участие. Дальше возникали вопросы механизмов проведения выборов. И наши товарищи в АНК оказались достаточно дальновидны для того, чтобы сказать, что сначала необходимо уравнивать политические условия, что важно не только то, что люди в определенный день придут бросить бюллетени в урны, но и то, что будет происходить накануне, то есть насколько равными будут условия участия в этих выборах. Это называлось выравнивание политического игрового поля. В центре стоял вопрос о равном доступе к государственному финансированию. Ясно, что каждая сторона привлекала дополнительные финансы из-за рубежа, изнутри страны и т.д., но государственное финансирование должно было быть равное и должно было быть равное освещение в СМИ – это имело принципиальное значение. Ни одна из сторон не имела права получить больше телевизионного или радиовремени, это очень жестко контролировалось. Была создана Независимая избирательная комиссия, которая не подчинялась ни правительству, ни АНК. Туда, действительно, были избраны достойные люди, пользующиеся всеобщим авторитетом, которые могли реально контролировать честные свободные выборы. Были обеспечены независимость и невмешательство силовых структур – армия, полиция, и службы государственной безопасности никоим образом не вмешивались в эти процессы. Данный комплекс условий, который в целом выдерживался, привел к тому, что истинная воля южноафриканского населения была выявлена достаточно четко. Как результат, 62,5% избирателей Южной Африки проголосовали за АНК. Конгресс, конечно, проделал огромную работу в предвыборный период, но я глубоко убежден, что АНК мог вообще не участвовать в предвыборной кампании, потому что предшествующие семьдесят пять с лишним лет борьбы за интересы африканского населения уже очень мощно перевешивали симпатии черного населения и вообще демократических сил в сторону АНК. Но вот эта предварительная подготовка, выравнивание политического игрового поля, сыграла свою роль. Примерно такая же ситуация была в Намибии, хотя там организацией выборов занималась ООН. Там также были выдержаны те же самые условия – равенство доступа к СМИ, невмешательство силовых структур, паритет в финансовом отношении. Это позволило намибийцам сделать свой выбор. Это огромный урок для нас. Если кто-то говорит о честных свободных выборах у нас, обратитесь к примеру Южной Африки 1994 года. И тогда выяснится, что все наши предыдущие выборы никогда не были честными и свободными, потому что мы постоянно имели огромное неравенство доступа к СМИ, огромное неравенство в денежных средствах, которые расходовались на предвыборную кампанию, колоссальное административное давление со стороны власти в свою пользу и вмешательство силовых структур. То есть у нас есть с чем сравнивать.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич, насколько доверительными были наши отношения с национальными освободительными движениями? И насколько неожиданным для СССР было заключение договора Нкомати?

В.Н.Тетекин: У нас были не просто доверительные отношения. У нас были братские отношения. Мы совершенно не чувствовали себя представителями разных сторон, южноафриканская сторона, советская сторона, мы были единой стороной, мы только территориально различались. Мне не очень нравится выражение, но оно правильно, коротко и емко выражает суть явления: мы были единой командой. Когда наши друзья из АНК приезжали в Москву, мы сначала днём вели переговоры за официальным столом, в здании Комитета солидарности на Кропоткинской, 10, а вечером совершенно неизбежно мы сходились в гостинице, в узком товарищеском кругу, и там разговоры продолжались почти до бесконечности. Мы могли разговаривать часами, потому что мы были как братья. И любой активист или руководитель АНК у нас воспринимался как равный, мы не были старшими братьями, мы были равными братьями. Это чудесное ощущение было, когда мы вместе с ними участвовали в этом чрезвычайно благородном деле. Для нас было все открыто, для них были открыты наши сердца и кошельки отчасти, хотя мы не злоупотребляли финансовой поддержкой, была все-таки больше моральная и военная поддержка, больших денег мы не тратили. И у них от нас не было секретов. Если мы задавали вопросы, мы получали полную исчерпывающую информацию. В то же время мы не лезли во внутренние дела АНК, мы не пытались что-то им диктовать, мы не говорили, что вот этот хорош, а вот этот плох, ни в какие кадровые перемещения, политические решения мы абсолютно не вмешивались. Нашей задачей была понимать то, что там происходит, и этой информацией наши друзья с нами с удовольствием делились. Наша задача была понять, чем мы им можем помочь, и по максимуму помочь. А наши южноафриканские друзья знали это, знали о бескорыстном характере нашей поддержки, что та информация, которой они с нами поделятся, никогда не будет использована им в ущерб, а будет использована, наоборот, на усиление нашей поддержки. Поэтому они с чистым сердцем, с открытой душой с нами делились сведениями, и мы их использовали всегда для того, чтобы повысить эффективность нашей поддержки. Это был теснейший союз, в полном смысле братский союз. И южноафриканцы очень любили приезжать в Москву, и мы любили принимать их в Москве. Мы любили приезжать в Африку для того, что бы с ними встречаться, это было чудесное время, когда мы жили как одна семья.

Что касается договора Нкомати, то, конечно, мы знали о подготовке какого-то соглашения между правительством Мозамбика и правительством ЮАР. И здесь не столько наши друзья в АНК нас снабжали информацией, сколько, я убеждён, у нашего дипломатического ведомства и спецслужб было достаточно связей в правительстве Мозамбика, чтобы знать о подготовке стратегических решений подобного рода. Отчасти это было неожиданностью только в плане глубины уступок, на которые пошел президент Мозамбика. Мы не ожидали, что он согласится с фактическим выдворением кадров АНК с территории Мозамбика. Дело в том, что значительная часть политических и военных операций против режима апартеида в Южной Африке велась с территории Мозамбика через Свазиленд. Когда южноафриканцы потребовали, а мозамбикцы согласились уменьшить количество официальных представителей АНК в Мозамбике до десяти человек, а остальных выдворить, это, конечно, нанесло тяжелый удар по позициям АНК. Но АНК восстановил свои позиции, не остановил освободительную борьбу, хотя, конечно, ущерб был нанесен значительный. Но президент С.Машел, который подписал эти соглашения, недооценил коварство своих партнеров

и, в конечном счете, был убит южноафриканской военной разведкой, которая вогнала его самолет «Ту-134» с советским экипажем в гору на границе между Мозамбиком и ЮАР при помощи ложного радиомаяка. Они знали, когда и куда он полетит, и когда он вылетел из Лусаки после очередного совещания глав «прифронтовых» государств, его самолет пошел не по лучу маяка в аэропорту «Мапуту», а пошел по лучу более мощного радиомаяка, который южноафриканская военная разведка установила в горах на границе. И там он врезался в одну из гор. Практически все погибли, за исключением бортинженера из состава советского экипажа. Мозамбикцы погибли все. Поэтому Самора Машел дорого заплатил, заплатил своей жизнью за то, что он пошел на такие сильные уступки южноафриканцам.

А.Мезяев: Вы были на месте гибели Саморы Машела в ЮАР?

В.Н.Тетекин: Да. Возможно, мы были (нас было трое в составе советской делегации) единственными, кто там побывал из СССР... Это невысокая гора, скорее холм, вдоль которого были рассыпаны на сотни метров вперед останки самолета. Основную часть обломков южноафриканцы собрали, я видел эту гору обломков на территории одного из полицейских участков. Бортинженер спасся только потому, что самолет не воткнулся в гору напрямую, а ударился по касательной, поэтому он какое-то время буквально скользил по поверхности горы, и бортинженер уцелел, все остальные погибли.

А.Мезяев: Ну, и вот мы подошли к вопросу о безумно интересных людях. Вы так увлекательно пишете в своей книге, что, действительно, хочется узнать о них побольше. Среди Ваших друзей сразу несколько президентов стран Юга Африки. Вы встречались со многими великими африканскими лидерами. Возвращаясь к вопросу о роли личности в истории, расскажите, пожалуйста, о Ваших личных впечатлениях и о встречах с такими лидерами, как Джейкоб Зума, Табо Мбеки, Сэм Нуйома, Роберт Мугабе...

В.Н.Тетекин: Ну, это требует отдельной встречи, потому что о каждом названном Вами человеке я могу говорить часами. Дело в том, что лидеры освободительного движения поднимались в партийной иерархии не по связям и не по анкетным данным, а по личным качествам. Сама борьба выносила людей на поверхность. Люди слабые духом, неспособные в ходе борьбы отсеивались. Поднимались на верх руководства только наиболее яркие, сильные личности, поэтому практически каждый из членов Национального исполнительного комитета АНК или членов ЦК и Политбюро СВАПО – это были сильные личности. Конечно, Оливер Тамбо возвышался над ними как Монблан. Я вспоминаю о той же трехсторонней советско-, кубинско- и южноафриканской встрече в Москве. Когда мы собирались в столовой на обед или на ужин и в зал входил Оливер Тамбо, все остальные члены южноафриканской делегации поднимались. Он не требовал этого, но настолько сильно было уважение к нему, что люди, которые были равны ему по статусу, все равно из чувства глубочайшего уважения к своему вождю поднимались. И я, разумеется, тоже поднимался. Это был мудрый человек, он управлял организацией не волевым каким-то напором, жесткостью, а управлял разумом, управлял своей личной преданностью освободительной борьбе, умением смотреть стратегически за горизонт освободительной борьбы, правильно сформулировать основные цели, правильно извлечь уроки из ошибок и поражений. Оливер Тамбо был воплощением мудрости, это был крайне интересный человек.

Альфред Нзо – Генеральный секретарь АНК – был очень живой, энергичный, веселый человек, бесконечно преданный своему делу. Там были ярчайшие личности.

Табо Мбеки в ту пору было чуть больше 40 лет. На фоне остальных товарищей из руководства АНК, которые начинали принимать участие в борьбе еще с середины 50-х годов, Табо Мбеки смотрелся как совсем молодой человек, но уже тогда он поражал своей способностью нестандартно оценивать ситуации, находить самые неожиданные выходы из тех сложнейших положений, в которые попадал АНК. Он поражал способностью четко сформулировать какие-то политические позиции. Он поражал способностью быстро и очень четко написать какой-нибудь важный программный документ. Этот человек был и остается до настоящего времени одним из ведущих интеллектуалов Южной Африки. Одновременно это человек очень веселый, он всегда заразительнее всех смеялся. Кстати, я подчеркиваю это в своей книге и сейчас повторяю, что всем им было присуще колоссальное чувство юмора. Без этого чувства совершенно невозможно было действовать в условиях подполья, в условиях иммиграции, ссылок, длительной разлуки с родными, близкими, оставшимися внутри страны. Колоссальное чувство юмора у каждого из них.

Крис Хани – политкомиссар *Умконтэ Ве Сизве*, один из лидеров компартии, глубокий аналитик, страстный публицист, прекрасный оратор, который всегда притягивал к себе внимание любой аудитории. Человек, бесконечно преданный борьбе за национальное освобождение. Я всегда видел его переутомленным, у меня даже есть одна фотография, где мы принимаем делегацию АНК в Москве, все сидят, идет беседа, а Крис Хани сидит в дальнем углу и спит за столом. Почему? Потому что он не участвовал непосредственно в дискуссии, это старшие по должности товарищи участвовали, он использовал эти несколько минут для того, чтобы немножко восстановиться, потому что ясно, что ночью надо будет продолжать писать, думать. Там была масса интереснейших людей.

С Робертом Мугабе – нынешним президентом Зимбабве – я познакомился буквально через несколько месяцев после достижения независимости Зимбабве. Я был в этой стране в составе, фактически, первой советской делегации. До нас была первая официальная делегация на провозглашении независимости, а вот следующей была делегация Оргкомитета Олимпиады. Мы хотели привлечь к Олимпиаде Зимбабве. Мы приехали туда, чтобы договориться о взаимодействии, нас пригласили на футбольный матч, который проходил в этот день. Мы сидели на трибуне, смотрим, там сидит и Мугабе (тогда он был премьер-министром). Встали, подошли, побеседовали, без всякого протокола, без всякой охраны. Через пару лет я там был в составе делегации ЦК КПСС в качестве переводчика и участвовал в продолжительной беседе руководителей делегации с Робертом Мугабе. Он меня поразил тогда глубиной мышления, способностью очень основательно с серьезных марксистских позиций оценивать положение как в Зимбабве, так и в мире в целом. Глубина его познаний поражала. Мы привыкли к нашим партийным чиновникам, которые к этому времени стали больше бюрократами, нежели партийными деятелями. Тут уже ни о какой аналитике, ни о какой теоретической работе речь не шла у нас в КПСС, к сожалению. К этому времени считалось, что вот есть идеолог Михаил Андреевич Сулов – он и определяет линию, а всем остальным не дай Бог ее оспорить. В Южной Африке, в Зимбабве, в Намибии теоретической работой занимались все. Это крайне важно, потому что люди использовали теоретическую работу не просто как некий набор догм, который нужно запомнить, а потом умело применять. Они искали в теории выходы и базу для решения практических вопросов, стоявших перед освободительным движением. Как, на какой основе развивать это освободительное движение, в чем препятствия? Марксистско-ленинская теория

для них была не просто догмой, а инструментом познания окружающей действительности, инструментом борьбы, инструментом повышения эффективности этой борьбы. И Роберт Мугабе был одним из лучших в этом отношении. Я до сих пор считаю, что это один из наиболее успешных марксистов. Другое дело, что кому-то может не понравиться его конкретная политическая практика, но с точки зрения интеллектуального веса Мугабе – это сильнейшая личность.

Сэм Нуйома – первый президент Намибии – человек другого склада, он не являлся, в отличие от Р.Мугабе, теоретиком, не был, в отличие от Оливера Тамбо, крупным стратегом, но он был умелым менеджером и очень умело управлял СВАПО. У меня были с ним самые добрые отношения, я неоднократно с ним встречался. Человек он, несомненно, одаренный, сильный. Надо сказать, что Намибия дольше всех шла к независимости: все африканские страны завоевали независимость ещё в середине 60-х годов. Намибия обрела независимость только в 1991 году, и Сэм Нуйома в течение тридцати с лишним лет возглавлял борьбу за эту независимость. Поэтому надо отдать ему должное.

А.Мезяев: Вячеслав Николаевич! Я хочу поблагодарить Вас за это интервью. Но самое важное, я хочу поблагодарить Вас за Вашу книгу, которая очень чистая, светлая книга и которая доставила мне лично огромное удовольствие, и я надеюсь, что и наши читатели также высоко оценят ее. Спасибо Вам!

В.Н.Теткин: Спасибо.

ДОКУМЕНТЫ

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

(Дурбан, 26 марта 2013 года)

Российская Федерация и Южно-Африканская Республика, в дальнейшем именуемые Сторонами,

исходя из заинтересованности укреплять взаимовыгодные традиционно тесные и дружественные связи, основывающиеся на взаимопонимании и глубоко укоренившемся доверии друг к другу, богатом и плодотворном опыте сотрудничества в различных областях, накопленном в годы борьбы с апартеидом, а также в период, прошедший после установления между ними дипломатических отношений,

подчеркивая приверженность Декларации о принципах дружественных отношений и партнерства, подписанной Президентом Российской Федерации и Президентом Южно-Африканской Республики 29 апреля 1999 г., осознавая значение стратегического партнерства между Россией и ЮАР, которое было подтверждено Президентом Российской Федерации и Президентом Южно-Африканской Республики при подписании Договора о дружбе и партнерстве 5 сентября 2006 г., учитывая Решение Президента Российской Федерации и Президента Южно-Африканской Республики от 5 августа 2010 г., подтвердивших значение стратегического партнерства между Россией и ЮАР, проводить встречи глав государств не реже одного раза в два года,

стремясь придать многогранным двусторонним отношениям качественно новый характер и долгосрочное измерение и активно развивать их в политической, экономической, торговой, научной, технологической, культурной и других областях,

будучи убежденными, что дальнейшее всеобъемлющее развитие двусторонних связей способствовало бы прогрессу и процветанию обоих государств, а также закреплению позитивных тенденций в мире в целом, и

исходя из убежденности в необходимости построения более справедливой системы международных отношений на основе суверенного равенства всех государств и народов и верховенства права при центральной роли Организации Объединенных Наций, заявляют о нижеследующем:

Стороны настоящим провозглашают установление между ними отношений стратегического партнерства, которые предполагают вывод разноплановых и многогранных связей между ними на более высокий и качественно новый уровень, а также придание этим связям характера особо тесного и динамичного сотрудничества как в области двусторонних отношений, так и на международной арене.

Стратегическое партнерство между Сторонами основывается на соблюдении ими принципов суверенитета, равенства и территориальной целостности государств, невмешательства в их внутренние дела, взаимного уважения и взаимной выгоды и предусматривает развитие масштабного сотрудничества в следующих областях:

1. Политическое взаимодействие:

Президент Российской Федерации и Президент Южно-Африканской Республики будут встречаться не реже одного раза в два года по вопросам определения путей раз-

вития политического и экономического сотрудничества в интересах укрепления взаимопонимания и взаимной поддержки по темам, представляющим взаимный интерес;

министр иностранных дел Российской Федерации и министр международных отношений и сотрудничества Южно-Африканской Республики будут встречаться не реже одного раза в год для проведения обзора двусторонних отношений;

более тесное взаимодействие в Организации Объединенных Наций и стремление к координации подходов, в том числе в ее специализированных учреждениях и органах, на других международных и региональных форумах;

активизация работы по созданию регулярного механизма консультаций по вопросам региональной и международной безопасности;

взаимное информирование о планируемых внешнеполитических инициативах на международной арене;

неучастие в любых военно-политических или иных союзах, объединениях или вооруженных конфликтах, направленных против другой Стороны, а также в любых договорах, соглашениях или договоренностях, имеющих целью посягнуть на независимость, суверенитет, территориальную целостность или интересы национальной безопасности другой Стороны;

углубление сотрудничества в рамках объединения БРИКС с целью выработки согласованных подходов и эффективных решений актуальных проблем международных отношений и мирового развития, укрепления роли обеих стран в формировании глобальной повестки дня.

2. Торговля и экономика:

наращивание тесного сотрудничества в рамках Смешанного межправительственного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой, Делового совета, других совместных организаций предпринимателей и промышленников, а также по линии торгово-промышленных палат, в интересах расширения торговых и экономических связей;

углубление и диверсификация взаимодействия в таких приоритетных областях, как торговое, инвестиционное и банковское сотрудничество, минеральные ресурсы, энергетика, в том числе ядерная;

транспорт, в том числе авиационный, морской и железнодорожный, связь, металлургия, авиационная промышленность, сельское хозяйство, развитие инфраструктуры, инновационные и высокие технологии, туризм;

определение путей, способов и целевых ориентиров для наращивания двусторонней торговли и учреждения торговых представительств;

поощрение связей между регионами обеих стран с целью содействия развитию торгово-экономического сотрудничества;

взаимовыгодное использование новых возможностей, открывающихся в результате интеграционных процессов в мировой экономике;

углубление сотрудничества и координации в международных торговых, экономических и финансовых организациях.

3. Парламентское сотрудничество:

регулярные межпарламентские обмены, расширение контактов на уровне руководства соответствующих палат и комитетов.

4. Оборона:

углубление сотрудничества в военной области, включая военное и военнотехническое сотрудничество на долгосрочной основе и другие виды взаимодействия между вооруженными силами обеих стран.

5. Наука и техника:

продвижение сложившихся и поиск новых форм сотрудничества в фундаментальных и прикладных научных исследованиях;

расширение обмена специалистами и научной информацией, установление и развитие прямых связей между научно-исследовательскими учреждениями и высшими учебными заведениями;

формирование в перспективе модернизационно-технологического альянса.

6. Гуманитарное сотрудничество:

дальнейшее содействие сотрудничеству в области культуры и активное продвижение культурного наследия и достижений двух стран, их национальных языков, регулярное проведение взаимных сезонов культуры;

расширение контактов между гражданами и организациями, в том числе в области культуры, образования, средств массовой информации, молодежных обменов, спорта;

деятельность по сохранению исторической памяти о сотрудничестве в борьбе с апартеидом и воспитанию молодого поколения двух стран в антирасистском духе;

совместная деятельность по организации выставок и охране памятников.

7. Межинтеграционное сотрудничество:

установление регулярных контактов между евразийскими (Таможенный союз, Единое экономическое пространство, в перспективе – Евразийский экономический союз) и африканскими (Африканский союз, Сообщество развития Юга Африки, Таможенный союз Юга Африки) интеграционными объединениями.

8. Другие области:

сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков.

Стратегическое партнерство между Сторонами не направлено против какого-либо другого государства или группы государств и не преследует целей создания военно-политического союза.

Подписано 26 марта 2013 года в г. Дурбане, Южно-Африканская Республика, в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

DOCUMENTS**JOINT DECLARATION ON THE ESTABLISHMENT
OF A COMPREHENSIVE STRATEGIC PARTNERSHIP
BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC
OF SOUTH AFRICA****March 26, 2013**

The Russian Federation and the Republic of South Africa (herein after referred to as the «Sides»),

being guided by the desire to further consolidate for mutual benefit their traditionally close and friendly ties based on mutual understanding and deep-rooted confidence in each other and by the rich and fruitful experience of cooperation in different spheres accumulated over the period of struggle against apartheid as well as the years since establishment of diplomatic relations between them,

emphasising their commitment to the Declaration of Principles Concerning Friendly Relations and Partnership, signed by the President of the Russian Federation and the President of the Republic of South Africa on 29 April 1999

conscious of Russia-South Africa Strategic Partnership that was affirmed during the signing of the Treaty of Friendship and Cooperation by the President of the Russian Federation and the President of the Republic of South Africa on 5 September 2006

recalling the decision of the President of the Russian Federation and the President of the Republic of South Africa on 5 August 2010 to reaffirm Russia-South Africa Strategic Partnership and convene Presidential Summit meetings at least once every two years

seeking to impart a qualitatively new character and long term perspective to their multifaceted bilateral relations and to actively develop them in political economic, trade, scientific, technological, cultural and other fields,

convinced that further comprehensive development of their bilateral ties would promote progress and prosperity of both states and the consolidation of positive trends in the world as a whole, and

proceeding from the conviction that it is necessary to build a more just system of international relations based on the sovereign equality of all states and peoples and supremacy of the law under the central role of the United Nations Organization,

declare as follows:

Both sides hereby formally proclaim the establishment of relations of strategic partnership between them which envisages the elevation of varied and multifaceted ties between them to a higher and qualitatively new level as well as imparting them with a special character of close and dynamic cooperation, both in the bilateral field and in the international arena.

This strategic partnership between the Sides is based upon the principles of sovereignty, equality and territorial integrity of States, non-interference in their internal affairs, mutual respect and mutual benefit and includes enhanced cooperation in the following fields:

1. Political:

The President of the Russian Federation and the President of the Republic of South Africa will meet at least once every two years for the purposes of promoting and guiding

political and economic cooperation in order to enhance mutual understanding and support for each other on issues of mutual interest;

The Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Minister of International Relations and Cooperation of the Republic of South Africa shall meet at least once a year to review bilateral relations;

Closer cooperation at the United Nations and striving for coordination of approaches, including its specialized agencies and institutions, at other international and regional fora;

Further intensifying the work aimed at creation of regular consultations mechanisms on regional and international security issues;

Informing each other of planned foreign policy initiatives in the international arena;

Non-participation in any military-political or other alliances, associations or armed conflicts directed against the other Side, or in any treaties, agreements or understandings infringing upon the independence, sovereignty, territorial integrity or national security interests of the other Side;

Deepening cooperation within the framework of BRICS to elaborate concerted approaches and effective solutions to crucial problems of the international relations and global development, strengthening significance of both countries in formulating the global agenda.

2. Trade and Economic:

Increasing close cooperation within the framework of Russian-South Africa Inter-Governmental Committee on Trade and Economic Cooperation (ITEC), Business Council, other joint bodies of business and industry representatives as well as through chambers of commerce and industry with a view to expand trade and economic relations;

Deepening and diversifying cooperation in priority sectors such as trade and investment and banking cooperation, mining and mineral resource beneficiation, energy, including nuclear power, transport, including aviation, maritime and rail, communications, metallurgy, aviation industry, agriculture, infrastructure development, innovative and high technologies, tourism;

Defining ways and methods as well as guidelines for expansion of bilateral trade, establishment of trade missions;

Encouraging contacts between regions of both countries with a view to promoting trade and economic cooperation;

Mutually beneficial exploiting new opportunities arising out of integration processes underway in the world economy;

Deepening cooperation and coordination at international trade, economic and financial bodies.

3. Parliamentary cooperation:

Regular inter-parliamentary exchanges, widening contacts at high level between relevant chambers and committees will take place.

4. Defence:

Deepen cooperation in the military field, including military and military-technical cooperation on a long-term basis and other kinds of interaction between armed forces of both countries.

5. Science and Technology:

Promoting existing and search for new forms of cooperation in fundamental and applied scientific research;

Expanding exchanges of specialists and scientific information, establishing and developing direct ties between scientific research/higher educational institutions;

Forming in perspective a modernisation and technology alliance.

6. Humanitarian Cooperation:

Further promoting cultural cooperation and a wider exposure to each others' cultural heritage and achievements of both states, expanding the studies of national languages, holding regular mutual cultural seasons;

Activate contacts between people and organisations as well as exchanges including in the fields of culture, education, mass media, youth and sports.

Activities to preserve the historical memory of cooperation in the struggle against apartheid and education of young generations of both countries in the non-racial spirit;

Joint activities on organizing exhibitions and protecting monuments.

7. Cooperation between integration organizations:

Promote cooperation between the Eurasian (Customs Union, Common Economic Space, – Eurasian Economic Union) and African Regional Organisations (African Union, Southern African Development Community, Southern African Customs Union).

8. Other fields:

Cooperating in the fight against international terrorism, separatism, organised crime, illegal trafficking in narcotics.

The strategic partnership between the Sides is not directed against any other State or group of States, and does not seek to create a military-political alliance.

Done in Durban on 26 March 2013 in two copies in the Russian and English language.

ISBN 978-5-93593-182-7

Подписано в печать 2.11.2013. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 x 84/8. Гарнитура Times. Объем 16,74 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 193

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштари, 13